
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

КОРНЕТЪ ОТЛЕТАЕВЪ.

КОРНЕТЪ ОТЛЕТАЕВЪ

ПОВѢСТЬ

КНЯЗЯ Г. КУГУШЕВА.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и К°.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 8 Марта 1858 г.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

М. Н. КАПУСТИНУ.

Былъ у меня родственникъ, который оставилъ мнѣ въ наслѣдство кипу своихъ бумагъ. Тутъ оказались всякаго рода письма, записочки, замѣтки даже очерки и сцены изъ жизни. Мнѣ удалось выбрать отсюда одинъ эпизодъ, составляющій нѣчто цѣлое, который и предлагаю теперь читателямъ. Авторство мое здѣсь ограничивается только литературною формою, которую старался я, какъ умѣлъ, придать этому разсказу.

К. Г. К.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разныя домашнія обстоятельства заставили меня покинуть Петербургъ и поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ.

Думая жить скромно и уединенно въ мало-знакомомъ мнѣ горсдѣ, я помѣстился въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ такъ-называемыхъ hôtels garnis. Устроившись въ новомъ жилищѣ, я горячо принялся за дѣла. Утро посвящалъ я процессу, вечера проводилъ скучно и безцвѣтно: многіе знакомые разъѣхались по деревнямъ; другіе переселились далеко за городъ, театры видимо пустѣли, и мнѣ оставался только одинъ Петровскій паркъ, куда я и ѣздилъ каждый вечеръ глотать пыль и пить желтый чай на дачѣ графини Буриме, которой я приходился какимъ-то племянникомъ, въ тридцать-пятомъ колѣнѣ по малой мѣрѣ. Тетушка была

какъ всѣ тетушки: очень стара днемъ и, благодаря косметикамъ, моложава вечеромъ, почему въ городѣ, зимою, принимала только при свѣтѣ лампъ; очень набожна, и вмѣстѣ съ тѣмъ кокетлива въ пріемахъ и одеждѣ; весьма строгихъ правилъ и, правду сказать, хорошаго тона. Прибавлю ко всему этому, что тетушкѣ было лѣтъ шестьдесятъ и столько же было у ней тысячъ доходу, что было очень пріятно ея прямымъ наслѣдникамъ, смотрѣвшимъ очень умильно на ея морщины, искусно впрочемъ расправленныя, и весьма косо на мою особу, какъ на своего состязателя по наслѣдству. Тетушка нанимала прекрасную большую дачу, но жила довольно уединенно, принимая только весьма немногихъ старухъ, сосѣдокъ по дачамъ. Двѣ руины женскаго и одна мужескаго пола, особы важныя и сіятельныя, составляли ежедневную ея партію въ преферансъ и своею дряхлостію молодили ея старость. Эти обычные посѣтители были такъ стары, что тетушка между ними казалась еще хоть куда, особенно въ модномъ чепцѣ, съ яркими лентами, съ розами на щекахъ и чужими буклями. Тетушка послѣ покойнаго своего мужа, который, мимоходомъ сказать, былъ бѣдный Французъ, пріобрѣтшій силою красоты и краснорѣчія любовь весьма богатой дѣвушки, купившей ему титулъ графа Буриме, любила больше всѣхъ своихъ наслѣдниковъ толстѣйшую и безобразнѣйшую изъ существовавшихъ когда-либо мосекъ, которую звали Амишкой, и которая пользовалась полнымъ правомъ лежать на диванѣ и храпѣть, какъ говорится, во всю ивановскую. Кромѣ Амишки, графиня изъявляла нѣчто въ родѣ привязанности, или скорѣе мило-

стиваго вниманія, ради скуки и забавы, молоденькой и очень хорошенькой дѣвочкѣ Ѳешѣ, дочери стараго ливрейнаго лакея, которую она съ дѣтства держала при своей особѣ, не заботясь ни о воспитаніи ея, ни объ образованіи ея умственныхъ способностей, но одѣвая прилично, сажая съ собой за столъ и балуя безсознательно. Обязанностью шестнадцатилѣтней Ѳеши было: подавать мѣлки, марки, поднимать платокъ, отыскивать табатерку, подставлять скамеечки графинѣ и другимъ, и тому подобное. Мнѣ всегда бывало грустно смотрѣть на Ѳешу, изнѣженную, избалованную, но необразованную, чуждую прежняго быта, чуждую и того временнаго состоянія, въ которое бросилъ ее капризъ богатой старухи. Будущность этой несчастной меня ужасала; особенно становилось мнѣ грустно, когда я видѣлъ, какъ Ѳеша, наравнѣ со всѣми, сидѣла съ нами за столомъ, а старикъ отецъ ея подносилъ ей блюдо и принималъ у нея тарелки. Мнѣ невольно представлялась въ будущемъ семейная драма между Ѳешей, ея отцомъ и всей ея роднею. Умри графиня, и полу-барышня, эта игрушка прихотливой аристократки, въ одно мгновеніе снова сдѣлается дочерью лакея, снова принуждена будетъ войдти въ его бытъ, отъ котораго уже отвыкла, какъ отвыкла любить и уважать отца и сочувствовать его нуждамъ. Графиня не понимала этого, и когда я однажды вздумалъ проповѣдывать ей на этотъ счетъ, она очень сухо отвѣчала: «Permettez moi de faire du bien, comme je l'entends, moi...» и тѣмъ зажала мнѣ ротъ, конечно, навсегда. Несмотря на то, Ѳеша меня очень заинтересовала, и я началъ наблюдать за ней; чтобы

помириться съ тетушкой, а больше отъ скуки, я сталъ внимательнѣе къ фавориткѣ, съ невольнымъ страхомъ гладилъ Амишку, и миръ водворился. Почти каждый вечеръ бывалъ я у тетушки и всегда заставалъ ее за картами. Посидѣвъ то около одного изъ игравшихъ, то около другаго, предотвративъ нѣсколько ренонсовъ и пересказавъ всѣ новости столицы, я выходилъ на террассу, единственное мѣсто, гдѣ тетушка позволяла мнѣ курить, или уходилъ въ довольно-большой, но запущенный садъ, примыкавшій къ дачѣ. Ѳеша иногда выбѣгала ко мнѣ и обмѣнивалась со мною пустыми фразами, пока голосъ графини не призывалъ ея къ обычнымъ обязанностямъ.

Ѳеша была довольно большаго роста и удивительно стройна въ кисейномъ ловко-сшитомъ платьѣ. Ея густые глянцовитые черные волосы, широкою косой обвивъ всю голову, огромнымъ бантомъ лежали на затылкѣ; голубые глаза, большіе и свѣтлые, весело и лукаво глядѣли изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ. Губки ея, довольно полныя, улыбаясь, образовывали ямочки на смуглыхъ, подернутыхъ легкимъ темнымъ пушкомъ щечкахъ, и выказывали два ряда стройныхъ, бѣлыхъ и прекрасныхъ зубковъ, съ голубоватымъ отливомъ. Только руки Ѳеши, хотя и чисто содержанныя, не могли похвастаться изяществомъ формы, равно какъ и движенія у ней, хотя и сдерживаемыя съ дѣтства, были угловаты и какъ будто нахальны. Вообще Ѳеша, несмотря на довольно-правильную болтовню на французскомъ языкѣ, вслѣдствіе навыка, а не ученія, была вполнѣ горничной, но горничной конечно, очаровательной. Она была

худа; однакожь бывали минуты, когда не развитая еще грудь Ѳеши высоко подымала кружево манишки, румянецъ ярко игралъ сквозь тонкую тѣнь темнаго пушка, покрывавшаго ея щечки, и голубые глазки бросали скоро-потухавшія молніи. Замѣчанія графини, часто колкія, какъ шутки старика-князя, или мои иногда легкіе разсказы, одинаково вызывали яркую полосу румянца на щечкахъ Ѳеши. Бывали минуты, когда я, грѣшный человѣкъ, вполнѣ чувствовалъ красоту фаворитки и готовъ былъ если не влюбиться, то прикинуться влюбленнымъ, но, вспоминая всю неполноту или, лучше сказать, отсутствіе всякаго воспитанія Ѳеши, я мгновенно превращался въ холоднаго наблюдателя. Однажды я сидѣлъ на террассѣ графининой дачи, которая выходила главнымъ фасадомъ на шоссе, и курилъ папироску, когда Ѳеша шумно и весело вбѣжала ко мнѣ и сѣла на первый попавшійся стулъ. Террасса была велика и вся уставлена цвѣтами. Широкія ступеньки ея доходили до самаго шоссе и отдѣлялись отъ него одною только рѣшеткой. Проѣзжавшіе мимо были видны и обильно обдавали пылью сидѣвшихъ на террассѣ.

— Ахъ какъ скучно, какъ скучно! сказала съ глубокимъ вздохомъ Ѳеша, облокотясь на балюстраду террассы и срывая какой-то цвѣтокъ.

Не знаю почему, я засмѣялся и, поддѣлываясь подъ ея тонъ, сказалъ:

— Ахъ, какъ пыльно, какъ пыльно!

Ѳеша посмотрѣла на меня быстро и отвернулась.

— Хоть бы погулять! сказала она послѣ молчанія.

— Ну что жь? пробормоталъ я изъ своего угла.

— Не пускаетъ! сердито сказала Ѳеша, указывая головой по направленію къ гостиной, гдѣ играла графиня. — «Да зачѣмъ, да на что»; ей-то весело, въ карты играетъ, а мнѣ что̀? сиди, какъ медъ кисни: ужасное веселье!

— Возьми работу какую-нибудь.

— Покорно васъ благодарю! быстро отвѣчала Ѳеша: — вотъ еще радость какая! я и такъ устала на побѣгушкахъ-то быть.

— Возьми книжку.

— Да развѣ я умѣю читать-то? вскрикнула Ѳеша и громко захохотала.

— Не умѣешь? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Ну, конечно не умѣю. Развѣ я ученая?

— Ѳеша! Ѳешка! раздалось въ гостиной.

— Ну, вѣрно ремизъ поставила! вскрикнула Ѳеша, вставая. — Теперь пойдутъ капризы: то не хорошо, другое не такъ! Ахъ, жизнь, жизнь!...

— Ѳешка! кричала тетушка все громче.

— Иду-съ! крикнула въ свою очередь Ѳеша.

Въ это время лихая пара сѣрыхъ рысаковъ, храпя и фыркая, пронесла мимо насъ легонькую какъ пухъ, прозрачную колясочку, и въ ней какого-то небрежно развалившагося мущину, смотрѣвшаго къ намъ на балконъ.

— Ѳешка! все кричала тетушка.

— Сейчасъ! отвѣчала было Ѳеша, но увидавъ описанный экипажъ, смутилась, чуть не вскрикнула, покраснѣла, сбѣжала съ ступеней террассы, перевѣсилась черезъ рѣ-

шетку, посмотрѣла вслѣдъ коляскѣ и, сдѣлавъ какой-то знакъ рукою, котораго я за густотой зелени и набѣгавшими сумерками разсмотрѣть не могъ, встревоженная и смущенная, тѣмъ же путемъ мелькнула мимо меня и вбѣжала въ гостиную, гдѣ тетушка уже теряла терпѣніе.

— Гдѣ ты живешь? крикнула ей тетушка.

— Въ паркѣ-съ! быстро и смѣло отвѣчала Ѳеша.

Тетушка засмѣялась и прибавила:

— На, возьми табатерку, вели табакъ смочить.... сухъ очень....

— Слушаю-съ, отвѣчала Ѳеша, взяла табатерку и бѣгомъ скрылась изъ гостиной.

Тетушка начала тихо и медленно сдавать карты и, обращаясь къ партнерамъ, замѣтила:

— Cette petite a souvent des reparties fort saillantes.

Игра продолжалась, и отрывистые возгласы: куплю, удержу, пасъ, въ червяхъ, вистъ, приглашаю и проч., долетали до меня въ открытыя окна гостиной. Между тѣмъ подали чай. Тетушка съ гостями положили карты и усердно принялись за свои чашки.

Между тѣмъ Ѳеша вернулась съ табатеркой и поставила ее на столъ подлѣ барыни. Мнѣ тоже вынесли на террассу большую чашку свѣтлой жидкости, успѣвшей остынуть во время переноски изъ чайной до гостиной. Одною изъ многихъ особенностей тетушки было предубѣжденіе противъ употребленія стакановъ для чаю; она никакъ не рѣшалась сдѣлать исключеніе даже для меня одного и на всѣ доводы мои отвѣчала:

— Cela vous rapelle la caserne et l'estaminet.

Пока я медленно и нехотя бралъ чашку съ подноса, Ѳеша вышла на террассу, и сѣвши лицомъ къ шоссе, облокотилась обѣими руками на балюстраду. Старикъ Анисимъ, въ черномъ фракѣ французскаго покроя, въ бѣломъ галстукѣ и такихъ же вязаныхъ перчаткахъ, полу-лысый, полу-напудренный самою природою, очень важно отошелъ отъ меня съ подносомъ и остановился передъ Ѳешей, которая сидѣла къ нему спиною. Не видала она его или не хотѣла видѣть, не знаю. Секунда канула въ вѣчность.

— Да ну, бери, что ли, чашку-то! сказалъ ей Анисимъ довольно сердито.

— Поставь, сказала Ѳеша равнодушно, не оборачиваясь.

— Ишь причуды какія!... поставь! передразнилъ ее Анисимъ: — словно благородная!

— Да почище тебя, прошептала Ѳеша, не измѣняя положенія въ то время, когда Анисимъ ставилъ ея чашку на тумбу балюстрады.

— Сливокъ-то хочешь, что ли? спросилъ онъ.

— Налей, тѣмъ же тономъ отвѣчала Ѳеша.

— Охъ ты каторжная! шепталъ отецъ, наливая сливокъ въ чашку дочери, и забывая вѣроятно мое присутствіе: — отдали бы мнѣ тебя, я бъ тебя прошколилъ!

— Руки коротки! отвѣчала Ѳеша.

— Ахъ ты дрянь! запальчиво прошепталъ отецъ.

— Не тронь!... гораздо громче сказала Ѳеша, вставая съ мѣста: — сейчасъ старухѣ пожалуюсь.

Анисимъ свирѣпо посмотрѣлъ на Ѳешу, хотѣлъ что-то

сказать, не сказалъ, и быстро ушелъ въ гостиную, гдѣ сталъ въ дверяхъ, дожидаясь пустыхъ чашекъ.

— Мужикъ мужикомъ и есть! сказала Ѳеша, и залпомъ выпивъ остывшій чай, сама унесла чашку черезъ залу въ чайную.

Только-что успѣла выйдти Ѳеша, какъ та же пара сѣрыхъ рысаковъ промчала того же барина, повидимому еще внимательнѣе смотрѣвшаго на террассу. Это обстоятельство такъ заинтересовало меня, что я быстро сбѣжалъ съ террассы, чтобы посмотрѣть, куда поѣдетъ этотъ баринъ. Коляска обогнула уголъ дачи и скрылась въ аллеѣ, идущей къ воксалу. Что́ тутъ такое творится? подумалъ я, и сѣлъ на скамейкѣ, скрытый большимъ кустомъ сирени. Незамѣченный никѣмъ, я могъ однако все видѣть, еслибы что-нибудь случилось въ саду или на улицѣ. Я даже погасилъ папироску, которой огонекъ могъ обличить мою засаду, и ждалъ, не зная самъ чего. Судя по смущенію Ѳеши, при первомъ появленіи коляски, я заключилъ, что между ею и проѣхавшимъ бариномъ должны быть какія-то особенныя отношенія. Молодость и нѣкотораго рода наивность дѣвочки не позволяли думать о ней ничего дурнаго, и я мысленно извинялъ волокитство молодаго человѣка и врожденное кокетство хорошенькой субретки. Ожиданіе не обмануло меня: коляска снова пролетѣла мимо, но Ѳеши все не было на балконѣ. Мнѣ стало жаль волокиты, которому не везло; предполагая, что, заморивъ пару, господинъ этотъ кончитъ тѣмъ, что выпьетъ стаканъ прохладительнаго и уѣдетъ домой, я сталъ тоже собираться и снова взошелъ на тер-

рассу, чтобы проститься съ тетушкой. Ѳеша попалась мнѣ на встрѣчу.

— Проѣхалъ, невольно сказалъ я.

— Кто? спросила она, и вся вспыхнула.

— Онъ! отвѣчалъ я смѣясь, — прозѣвала.

— Кого это? продолжала она, — что̀ вы это, право? Какъ вамъ не стыдно!...

— Тамъ стыдно ли, нѣтъ ли, а проѣхалъ, да еще два раза....

— Не понимаю, твердила Ѳеша, — мало ли кто тутъ ѣздитъ....

— Справедливо, замѣтилъ я, — только это странно....

— Вы все съ глупостями, сказала она.

Я засмѣялся и вошелъ въ гостиную, гдѣ сѣлъ подлѣ тетушки, но такъ что въ открытое окно могъ видѣть почти все, что̀ дѣлалось на улицѣ.

Ѳеша осталась на террассѣ. Прошло съ четверть часа. Вдругъ мнѣ показалось, что какая-то темная тѣнь мелькнула мимо рѣшетки палисадника, выходившей къ шоссе. Быстро юркнулъ я въ кабинетъ тетушки, гдѣ, по счастью, балконъ былъ отворенъ, и тихо прокрался къ прежнему моему посту — скамейкѣ, заслоненной кустомъ сирени. Ѳеша предполагала меня въ гостиной и конечно не могла въ эту минуту замѣтить моего искуснаго маневра. Тѣнь мелькнула снова и остановилась у рѣшетки. Ѳеша сбѣжала къ ней. Я превратился весь въ слухъ и вниманіе. — Ѳеша! ангелъ! шептала тѣнь.

— Что̀ еще? спросила Ѳеша.

— Гдѣ ты была?... Я ѣздилъ, ѣздилъ....

— Нельзя, некогда. У насъ гости.

— Старики?

— И молодой.

— Ахъ чортъ возьми! Кто такой?

— Анатолій Петровичъ.

— Что̀ за птица?

— Племянникъ графини.

— Трудно развѣ его провести? спросила тѣнь.

— Онъ бѣдовой! шептала Ѳеша.

— Ничего, проведемъ, если любишь.

— Вотъ еще какія новости! Съ чего вы взяли? Никакъ кто-то идетъ?

— Нѣтъ, это вѣтеръ....

— Уйдите....

— Когда жь увидимся?

— Не знаю....

— Отпросись гулять.

— Не пускаетъ....

— Это ужасно! сказала тѣнь съ отчаяніемъ

— Право, идутъ, шептала Ѳеша.

Въ самомъ дѣлѣ двое пѣшеходовъ показались изъ-за угла.

— Такъ и есть! прибавила она и бросилась на ступеньки террассы....

— На, возьми, Ѳеша! шептала ей вслѣдъ темная тѣнь, но Ѳеша ничего не слыхала, и быстро перебѣжавъ залу, скрылась.

— Ѳеша! завтра! здѣсь! все еще шептала тѣнь,

и бросила что-то довольно объемистое на ступеньки террассы, но Ѳеша, спѣша уйдти, этого не замѣтила. Тогда тѣнь отошла въ сторону. Скоро послышался легкій гулъ подъѣзжавшаго экипажа, и знакомая намъ коляска снова пронеслась мимо дачи, не огибая ея, но прямо, по направленію къ Москвѣ. Черезъ нѣсколько минутъ Ѳеша опять взбѣжала на террассу и подняла свертокъ, заключавшій въ себѣ огромный букетъ самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Рукоятка была обернута продолговатою и узкою бумажкой, и перевязана ленточкой. Ѳеша опустила букетъ цвѣтами внизъ, не обративъ на нихъ никакого вниманія, и принялась бережно развязывать ленточку; положивъ ее въ карманъ, она потомъ сняла съ букета бумажку, разгладила ее очень бережно, и вынувъ изъ другаго кармана портмоне, быстро спрятала ее въ уютное хранилище, изъ чего я заключилъ, что рукоятка букета была обернута ассигнаціей. Самый же букетъ она разорвала на части, два цвѣтка положила за корсетъ, а остальные бросила въ кусты, и, не замѣтивъ, что при разрывѣ букета изъ него выпала бумажка, свернутая въ видѣ узла, живо и весело вошла въ гостиную. Съ быстротою молніи я бросился въ свою очередь на записку, спряталъ ее въ карманъ и, поднявъ одинъ изъ цвѣтковъ, брошенныхъ Ѳешею въ сторону, въ одно мгновеніе очутился въ кабинетѣ, откуда входилъ уже въ гостиную въ одно время съ лукавою субреткой.

— Гдѣ вы были? спросила она меня невольно.

— Тамъ, въ кабинетѣ, сказалъ я, сохраняя хладнокровіе,

и Ѳеша замѣтно успокоилась, но увидавъ цвѣтокъ въ моей рукѣ, опять смутилась и сказала:

— А этотъ розанъ гдѣ вы взяли? въ кабинетѣ нѣтъ цвѣтовъ....

— Это съ террасы....

— Вотъ что! сказала она.

— Возьми ее себѣ, сказалъ я, подавая ей розу.

Ѳеша протянула руку.

— *Итого будетъ три*, прибавилъ я, когда она взяла розу.

Ѳеша была слишкомъ умна, и не могла не понять намека; вспыхнувъ какъ та роза, которая была въ рукѣ ея, сказала:

— Я васъ не·понимаю.... что̀ еще такое?....

— Говори по крайней мѣрѣ тише, замѣтилъ я.

— Ничего! громко возразила она: — всѣ четверо глухи.

Я засмѣялся. Тетушка въ это время соображала, какъ бы искуснѣе выиграть весьма слабую игру, и вдругъ строго посмотрѣла въ нашу сторону. Ѳеша, воткнувъ розу въ косу на правомъ вискѣ, сѣла къ окну, а я взялъ шляпу. Тетушка торжествовала: она съ двумя вистами выиграла слабую игру въ червяхъ и съ торжествомъ списывала четыре ремиза. Пользуясь этою минутой, я пожелалъ ей доброй ночи и раскланялся съ гостями.

— Жду тебя завтра обѣдать, сказала тетушка. — Мнѣ нужно съ тобою поговорить.... есть дѣло. До завтра, добавила она, поканчивая со мною, и громко крикнула: играю!...

Я переступалъ уже порогъ сѣней, когда хорошенькая головка Ѳеши высунулась изъ залы въ переднюю.

— Прощайте, Анатолій Петровичъ, крикнула она мнѣ.

«Задобрить хочетъ», подумалъ я, и въ свою очередь сказалъ:

— Прощай, до завтра.

— Вы въ чемъ? спросила она.

— Въ каретѣ.

— Рысаки? прибавила она.

— Нѣтъ, наемныя.... куда ужь намъ тягаться....

— Съ кѣмъ? спросила Өеша, и сдѣлавъ лукавую гримаску, прибавила. — У! да какой же вы хитрый!...

— Пожалуйте-съ, раздался голосъ Анисима, отворившаго дверку кареты.

По возвращенія домой, первымъ долгомъ моимъ было: зажечь свѣчу и прочесть оригинальное письмо неизвѣстнаго барина къ Өешѣ, которое предлагаю также и моимъ читателямъ. Вотъ оно:

«Өеша! жизнь моя! *Только узналъ я тебя, и трепетомъ сладкимъ впервые*.... то-есть, какъ тебѣ сказать? не впервые, а все-таки: *сердце забилось мое!*... И съ тѣхъ поръ я прошу только одного: *Пойми меня, пойми меня!* Я знаю, жизнь твоя у старухи просто ужасъ что̀ такое, и еслибъ только у тебя были подружки, ты бы вѣрно имъ сказала: *Ахъ подруженьки, какъ грустно цѣлый вѣкъ жить взаперти!* Я одинъ понимаю твое положеніе, ненаглядная Өеша, и признаюсь откровенно: *Тебя мнѣ жаль, тебя мнѣ жаль!* Но только: *Полюби меня, радость душечка.* Я такъ богатъ, какъ чортъ, и ничего для тебя не пожалѣю. *Много за душу*

свою одинокую.... или, лучше сказать, за крупныя ассигнаціи: *Много товаровъ куплю.* Посуди сама: *Виноватъ ли я, что тебя черноокую....* То-есть глазки-то у тебя голубые, ну да все равно.... *Больше чѣмъ душу люблю?* Бѣда моя, если ты скажешь: *Прости на долгую разлуку....* Но я тогда скажу: *Не умолимъ жестокій рокъ;* только ты пойми, Ѳеша, *Всю грусть въ словахъ: я одинокъ.* Ты должна же полюбить кого-нибудь и потому: *Люби меня, люби меня....* Повѣрь мнѣ, Ѳеша, брось старуху: *Лови, лови часы любви!* Однако напиши мнѣ хоть разочекъ, но лучше: *Не говори ни да, ни нѣтъ,* да не говори: *Отойди, не гляди....* Приди завтра: *Подъ тѣнь черемухъ и акацій,* то-есть къ рѣшеткѣ. *Прощай, мой другъ! я жду тебя!*»

Это оригинальное письмо было безъ подписи. Я прочелъ его нѣсколько разъ, желая допытаться, что̀ за человѣкъ писалъ его. Говорятъ, по слогу письма можно узнать понятія, умъ и степень образованія писавшаго. Приведенное выше письмо сбило меня просто съ толку. Написано оно было правильно и прекраснымъ мужскимъ почеркомъ на изящнѣйшей бумажкѣ. Былъ ли тонъ этого страннаго посланія насмѣшка, или происходилъ отъ желанія поддѣлаться подъ степень пониманія Ѳеши, былъ ли это наборъ словъ отуманеннаго винными парами, беззаботнаго гуляки, привязавшагося къ дѣвушкѣ отъ скуки, и не знавшаго на что обратить свое наглое удальство? Къ какому сословію, наконецъ, принадлежалъ авторъ этихъ оригинальныхъ объясненій? Судя по его рысакамъ, коляскѣ, пріемамъ, только

не лицу, котораго я совершенно не видалъ, онъ скорѣе походилъ на богача-дворянина, чѣмъ на богатаго купчика, на которомъ всегда есть свой особенный отпечатокъ. Купецъ выражался бы иначе. Но едва ли можно было признать автора письма и за человѣка хорошаго тона. Тысячи разныхъ предположеній и догадокъ тѣснились въ головѣ моей, однѣ страннѣе другихъ, и изъ всего этого, въ видѣ заключенія, составилось убѣжденіе: что̀ мнѣ за дѣло? И дѣйствительно, какое мнѣ было дѣло до всей этой интрижки между неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ и субреткою моей тетки! Одно только меня мучило: я краснѣлъ при мысли, что сдѣлалъ маленькую подлость, утаивъ чужое письмо и даже прочтя, безъ всякаго на то права. Хотя доводы въ родѣ слѣдующихъ: что письмо было безъ адреса, что я его нашелъ, что оно назначалось неопытному созданію, которое я долженъ былъ предупредить, спасти отъ гибели, — всѣ эти доводы старались успокоить мою совѣсть, но мало въ этомъ успѣвали. И что̀ было мнѣ дѣлать? отдать Ѳешѣ письмо, значитъ сознаться въ томъ, что я все видѣлъ и слышалъ; не отдавать, значитъ поступить не совсѣмъ хорошо.... Впрочемъ, этою розой я ей, кажется, достаточно намекнулъ, что знаю ея тайну, и потому рѣшился, на слѣдующій же день, отдать ей странное посланіе и прочитать предварительно строжайшую мораль. Признаться, помучить Ѳешу мнѣ было заранѣе пріятно. Кромѣ того мнѣ приходило въ голову открыть глаза Анисиму; но вмѣшаться въ дѣла лакея, быть посредникомъ между имъ и дочерью, казалось мнѣ ролью недостойною меня, и я ставилъ человѣ-

чество ниже сословія. Разсказать все видѣнное тетушкѣ я считалъ невозможнымъ: она ни за что бы не повѣрила, чтобъ въ ея столь чинномъ и строгомъ домѣ могъ когда-либо случиться подобный скандалъ. Считая за самое лучшее и удобнѣйшее прямо объясниться съ Ѳешей, я, съ этимъ намѣреніемъ, на другой же день пріѣхалъ обѣдать къ тетушкѣ на дачу.

II.

Когда я вошелъ въ гостиную, тетушка сидѣла на диванѣ, окруженная тремя друзьями, и, по обыкновенію, съ утра играла въ преферансъ. Ѳеша сидѣла у окна. На ней было вчерашнее платье и такая же роза, конечно свѣжая, на правомъ вискѣ.

Между тѣмъ въ залѣ столъ уже былъ накрытъ и, ровно въ три часа явился Анисимъ въ дверяхъ гостиной и доложилъ, что кушанье поставлено. Тетушка, взявъ подъ руку старика-князя, поплелась къ столу; одна изъ дамъ завладѣла мною, третьей я изъ учтивости подалъ другую свободную руку, и мы втроемъ пошли за первою парой; Ѳеша тоже вышла въ залу за нами. Тетушка сѣла на первое мѣсто, направо отъ нея князь, налѣво обѣ дамы; я сѣлъ подлѣ князя; мѣсто же подлѣ меня оставалось пустое. Ѳе-

ша стояла въ сторонкѣ и перебирала платокъ. Тетушка, обратясь ко всѣмъ намъ и указывая на Ѳешу, спросила очень любезно:

— Vous permettez?

Мы всѣ молча наклонили головы въ знакъ согласія.

— Prenez place, ma petite, сказала тетушка Ѳешѣ, и она, пунцовая отъ стыда и досады, шумно сѣла возлѣ меня.

Надо замѣтить, что тетушка ежедневно однимъ и тѣмъ же лицамъ дѣлала тотъ же вопросъ касательно позволенія сѣсть Ѳешѣ за столъ; когда же случалось, что она обѣдала вдвоемъ, то Ѳеша все-таки не смѣла сѣсть до тѣхъ поръ, пока графиня этого не позволитъ, что̀ она всегда дѣлала фразой: «Venez vous mettre á ma table». Тетушка кушала медленно и важно, и обѣдъ тянулся очень долго. Послѣ десерта подали стеклянныя полоскательницы съ теплою водой, пропитанною лимономъ. Ѳешу очень смѣшилъ этотъ неграціозный процессъ *омовенія*, и она не разъ закрывала платкомъ свой смѣлый ротикъ; однакожь во все время не смѣла иначе вымолвить слова, какъ только въ отвѣтъ на чей-нибудь вопросъ. Наконецъ мы встали изъ-за стола, и я могъ, взявъ чашку кофе и закуривъ папироску, выйдти на свѣжій, отрадный воздухъ. Во время нашего обѣда легкій, ровный, но не сильный дождикъ спрыснулъ утомленную природу, прибилъ пыль и набросалъ слезинокъ на жадные листки махровыхъ розъ. Кусты скинули съ себя докучную кору шоссейной пыли, и молодыя вѣтки, слегка качаемыя пахучимъ вѣтеркомъ, кропили проходящихъ избыткомъ оживившей ихъ влаги. Птички весело перелетали съ си-

рени на цвѣтущую акацію, и изъ желтыхъ ея чашечекъ жадно пили дождевыя росинки. Резеда, оживленная и довольная, казалось, съ новою силою пропитывала воздухъ своимъ благоуханіемъ. А между тѣмъ набѣжавшей тучки уже не было, солнце снова ярко обдавало землю, и тысячи бриллiянтовъ, слетѣвшихъ съ неба, блистали на ея поверхности. Тетушка, еще до обѣда бывшая, какъ выражаются игроки, *въ малинѣ*, спѣшила снова сѣсть за карты, забывъ вѣроятно дѣло, по которому звала меня, и предоставивъ, мнѣ полную свободу любоваться съ высоты террассы прелестью природы. Прошло полчаса и слѣды дождя исчезли, дорожки снова высохли, а черезъ часъ, съ первымъ показавшимся экипажемъ, поднялись опять облака пыли, и я спѣшилъ укрыться отъ нея въ глубинѣ запущеннаго сада, принадлежавшаго къ дачѣ. Пройдя нѣсколько дорожекъ, заросшихъ травой, я увидѣлъ Ѳешу, которая въ пастушеской круглой и плоской соломенной шляпкѣ, граціозно склонившейся къ лѣвому плечу ея, поднимала что-то съ земли.

— Ау!... крикнулъ я довольно громко.

Ѳеша оглянулась и, быстро поднявшись, подбѣжала ко мнѣ.

— Вотъ вамъ! сказала она еще издали, показывая довольно большой пучокъ только-что сорванной земляники. — Каковы ягоды? продолжала она, — сама нарвала, вотъ возьмите.

— Полно мнѣ ли? спросилъ я.

— А то кому же? переспросила она.

— Плутовка! прибавилъ я: — задобрить хочешь.

— Какъ задобрить?... я не понимаю; вы все такъ говорите, что и не поймешь.

— Или не хочешь понять....

— Нѣтъ, просто, не могу.... а вы лучше вотъ что, дайте-ка мнѣ паппроску....

— Ты развѣ ужь куришь?

— Еще бы!...

Я вынулъ сигарочницу.

— Да у васъ какія? спросила она, — легкія?

— Совершенно, отвѣчалъ я, подавая ей папироску.

Настало молчаніе, во время котораго Ѳеша зажигала свою папироску объ окурокъ моей.

— Ну, пойдемте дальше, сказала она, — а то неравно увидятъ, бѣда!

— Ага! боишься! замѣтилъ я, поворотивъ съ нею въ другую аллею.

— Ну, не изъ таковскихъ, отвѣчала она быстро, пуская густую струю дыма, — а все не хорошо, раскричится старуха-то.... виновата, прибавила она другимъ тономъ: — вѣдь она вамъ тетушка....

— Конечно, сказалъ я: — да и не хорошо такъ отзываться о своей благодѣтельницѣ, а впрочемъ, продолжай....

— Какая она благодѣтельница! вскричала Ѳеша: — она тиранка, она меня мучаетъ.... ни погулять, ни порѣзвиться.... все сиди себѣ на мѣстѣ.... это каторга, а не жизнь; лучше я не знаю куда, чѣмъ съ нею жить!...

— Оно дѣйствительно скверно, замѣтилъ я, прибавивъ: — впрочемъ съ тобою иначе и нельзя.

— Ну и вы туда же!

— Видишь ты какая бѣдовая!

— Поневолѣ будешь такая! сказала Ѳеша; — да я, кажется, готова Богъ знаетъ на что, только не жить здѣсь. Она бранитъ, отецъ бранитъ: ну, онъ, конечно, по необразованности, а она-то отчего? Просто житья нѣтъ. Ну, посудите сами, продолжала она, — что̀ за жизнь, когда на каждомъ шагу только одну брань слышишь? Ухъ! будь я вольная, я бъ ей показала себя!

— А что̀ бы ты такое сдѣлала? спросилъ я.

— Я-то что̀ бы сдѣлала? переспросила она: — поклонъ, да и вонъ, вотъ что̀ бы я сдѣлала! А то что это — продолжала она, — ни свѣту, ни радости не видишь, а все переноси, и капризы, и брань, а пуще всего эту скупость проклятую!

— Какъ, неужели тетушка.... вымолвилъ было я.

— У! продолжала Ѳеша, — да еще какъ: гривенника не выпросишь! При этакомъ-то состояніи: сундуки, вѣдь, ломятся! просто срамъ, что такое.

Ѳеша сильно бросила окурокъ папироски на дорожку, и затоптавъ его, продолжала:

— Однакожь не пора ли и домой? боюсь, спроситъ.

— Вотъ видишь ли, сказалъ я, мнѣ кажется ты все приувеличиваешь....

— А что? спросила она.

— Да какъ же? Боишься, что тетушка разсердится, когда узнаетъ, что ты въ саду, это пустяки: а вотъ вчера не боялась....

— Вчера? чего?...

— Вчера не боялась, продолжалъ я, — что тебя увидятъ съ нимъ.

— Съ кѣмъ?

— Ну, съ этимъ господиномъ; кто онъ такой, я не знаю.

— Съ какимъ господиномъ? что вы? съ трудомъ промолвила она.

— Да полно притворяться, молвилъ я, — вѣдь я все знаю, все видѣлъ....

Ѳеша молчала.

— И это тебѣ не стыдно?... спросилъ я. — Развѣ я не видалъ, какъ онъ бросилъ тебѣ букетъ и въ немъ деньги, не такъ ли? да?... это были деньги? допытывался я у Ѳеши, которая стояла, потупя голову....

— Да, наконецъ съ усиліемъ прошептала она. — А вамъ развѣ не стыдно, прибавила она, оправясь нѣсколько, — подслушивать да.... подсматривать....

— Это сдѣлалось случайно, сказалъ я; — я даже знаю то, чего и ты не знаешь....

— А что? спросила она съ видимымъ любопытствомъ.

— А вотъ что, въ букетѣ была записка, ты ее уронила....

— Неужто? гдѣ же она? молвила Ѳеша, блѣднѣя.

— У меня, вотъ она, сказалъ я, подавая ей извѣстное письмо, — возьми.

Ѳеша взяла записку и положивъ въ карманъ, сказала:

— Ну это онъ напрасно: я все равно читать не умѣю....

— Хочешь, я прочту?...

— На что? я и такъ знаю чего онъ хочетъ.... только врядъ ли! прибавила она послѣ молчанія; — развѣ больно жутко будетъ, развѣ силъ не хватитъ терпѣть, али и то.... если онъ посватаетъ.... молвила она съ разстановкой, — а то нѣтъ....

— Ѳеша! замѣтилъ я, — я ничего не понимаю.

— Все будете знать, скоро состарѣетесь, сказала она смѣясь....

— Странное ты созданье! добавилъ я, совершенно теряясь въ догадкахъ и заключеніяхъ. — Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, кто онъ такой?

— Не знаю.

— Точно не знаешь?

— Ей-Богу, не знаю. Да и къ чему мнѣ знать? Не все ли мнѣ равно? баринъ-то онъ баринъ, это вѣрно....

— Молодъ?...

— Да, скзала Ѳеша, скорчивши гримаску, — лѣтъ этакъ тридцати.... черный, съ усами.... Ничего! — заключила она смѣясь....

— И, кажется, богатъ?

— У!... еще какъ!... сказала Ѳеша, — а то бы что̀ бы въ немъ и толку-то было?

— Какъ! вскрикнулъ я удивленный, — развѣ ты его не любишь?

— Я? спросила Ѳеша и громко расхохоталась; — а кто его знаетъ? можетъ быть полюблю, а можетъ, что и нѣтъ....

Вдругъ она смолкла; на хорошенькомъ личикѣ ея показался оттѣнокъ грусти и даже какой-то горькой ироніи.

— Гдѣ ужь намъ господъ любить? сказала она. — Что̀ я такое? холопка! дочь лакея! Всякій воленъ обидѣть, насмѣяться! Да! что я у графини-то? Велика прибыль! Нѣтъ, будь я вольная, да будь у меня деньги, я бы показала себя! Я бы не одну графиню за поясъ заткнула. Сама бы барыней стала, дворянкой.... Вотъ что!... Ѳеша судорожно сжимала руки и проводила ими по лицу и волосамъ, какъ бы желая освѣжить горячую голову. Отъ этого движенія роза, украшавшая високъ ея, упала на землю, а шляпку, какъ лишнюю тяжесть, сорвала она съ себя и стояла передо мной, блѣдная и встревоженная.

— Ты его не любишь? спросилъ я ее послѣ молчанія.

— Нѣтъ, сказала она твердо и рѣшительно. — Я никого не люблю. И какъ это любить, и кого любить? я не знаю; мать умерла, отецъ служитъ мнѣ какъ лакей, лакей онъ и есть, я росла одна, графиня мнѣ что? чужая. Домъ-то нашъ великъ, правда, да вѣдь онъ не мой, мнѣ все трынь-трава. Только завидно, да досадно; знай только пляши по чужой дудкѣ! А тутъ еще любить! кого? Я никого не люблю.... никого!...

Ѳеша грустно смотрѣла въ сторону.

— Что же ты любишь?... деньги? спросилъ я, однѣ деньги?...

— Да! сказала она, — люблю деньги, хочу денегъ, хочу быть барыней, буду барыней.

И большіе голубые глаза ея, блестящіе, но холодные, впились въ меня долгимъ, испытующимъ взглядомъ.

Я опустилъ голову. Настало молчаніе Голосъ Анисима, бѣжавшаго къ намъ, вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія.

— Пожалуйте, кричалъ онъ, — графиня васъ спрашиваетъ.

— Послушайте, сказала мнѣ Ѳеша очень скоро и почти шепотомъ, — не говорите никому, что знаете, прошу васъ, до поры, до времени, миленькій, голубчикъ, не скажете, нѣтъ?

Я взглянулъ на Ѳешу, и голубые глаза ея, за минуту холодные, смотрѣли на меня такимъ жгучимъ и умоляющимъ взглядомъ....

— Ея сіятельство просятъ васъ къ себѣ, кричалъ бѣжавшій Анисимъ.

— Не скажете? твердила въ свою очередь Ѳеша надъ самымъ моимъ ухомъ и такъ близко, что я чувствовалъ молодое ея дыханіе.

— Нѣтъ, сказалъ я, не скажу....

— Ей-Богу?....

— Честное слово! сказалъ я.

Ѳеша подпрыгнула отъ радости и, забывъ близость отца, обвила одною рукой мою шею и крѣпко поцѣловала меня въ ухо. Странный гулъ почувствовалъ я въ головѣ, въ вискахъ застучало, и я, ошеломленный, едва могъ выговорить пришедшему Анисиму, что иду на зовъ. Какъ я не былъ смущенъ, но фраза Анисима, обращенная къ дочери, достигла моего слуха.

— Чтò по садамъ-то разгуливаешь? говорилъ онъ ей.

Но отвѣта Ѳеши я не могъ разслышать. Вѣроятно ея уже не было, и она другою дорогой и съ другой стороны

побѣжала въ домъ, потому что, когда я, миновавъ гостиную, гдѣ дремали гости въ ожиданіи новой партіи, вошелъ въ кабинетъ тетушки, субретка стояла подлѣ нея и поправляла на ней кружевную косынку.

— Что̀ вамъ угодно̀? спросилъ я тетушку, садясь на первое мѣсто.

— Ѳеша! сказала тетушка съ нѣкоторою торжественностію, — оставь насъ, мнѣ нужно поговорить съ племянникомъ наединѣ, да вели перемѣнить столъ, спроси новыя карты, свѣжихъ мѣлковъ и пересчитай марки... я сейчасъ выйду.... ступай....

Ѳеша молча вышла изъ комнаты, бросивъ на меня выразительный взглядъ. Тетушка сѣла, расправила тяжелыя складки своего поплиноваго клѣтчатаго капота, откинула подвязушки чепца и послѣ молчанія сказала по-французски:

— Я имѣю до тебя просьбу....

— Къ услугамъ вашимъ, отвѣчалъ я, наклоняя голову.

— Voilà ce que c'est, продолжала она, — ты знаешь слабость мою.... Моя слабость — Ѳеша. Черезъ три дня, въ понедѣльникъ, день рожденія Ѳеши, ей минетъ семнадцать лѣтъ, и хоть она еще совершенный ребенокъ....

— Вы думаете? быстро спросилъ я.

— Laissez moi dire! сказала тетушка нѣсколько сухо, — конечно она ребенокъ, хотя и взрослый... Ахъ, мы всѣ дѣти! прибавила она со вздохомъ, въ видѣ размышленія: — вотъ поэтому то я и хотѣла ей сдѣлать подарокъ....

— Я вамъ совѣтую подарить ей денегъ, сказалъ я очень язвительно, чего тетушка, конечно, не поняла.

— Вотъ то-то молодежь! продолжала тетушка, — вамъ деньги ни по чемъ! Подарить денегъ? Во первыхъ деньги портятъ нравственность, а во вторыхъ.... у меня нѣтъ денегъ... что есть, то выходитъ на содержаніе моего дома... какъ можно денегъ? Я и тебѣ-то бы совѣтовала поменьше тратить... Voilà ce que c'est! кончила тетушка и быстро стала обмахивать лицо платкомъ, не смѣя обтереться, чтобы не поблѣднѣть въ одну минуту.

— Что же вы намѣрены сдѣлать?

— А вотъ что, сказала она, вставая и подходя къ бюро, — поди сюда.

Старуха отперла бюро, выдвинула одинъ изъ многочисленныхъ ящиковъ, вынула изъ него какую-то бумагу, сложенную вчетверо и, подавая ее мнѣ, сказала:

— Подпиши.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ я, — но что это за бумага?

— Отпускная Ѳеши! молвила графиня.

— Такъ вотъ подарокъ, вскрикнулъ я, — который вы хотите ей сдѣлать?

— Да, сказала тетушка, — тѣмъ болѣе, что я имѣю свои виды, которые ты скоро узнаешь. — И быстро обмакнувъ перо въ чернилицу, она подала мнѣ его и сказала: — Voyons!....

Я подписалъ отпускную.

— Merci, сказала тетушка, засыпавъ пескомъ мою подпись. — Однакожь это еще не все! продолжала тетушка, — я жду отъ тебя другаго одолженія.

— Располагайте мною, сказалъ я

— Вотъ въ чемъ дѣло: Ѳеша записана въ ревизской сказкѣ по Волчьимъ-Ямамъ, моему селу, близь Подольска, слѣдовательно легче всего засвидѣтельствовать эту отпускную въ тамошнемъ судѣ, а такъ какъ до ея рожденія осталось только три дня, то я боюсь, что ты не успѣешь съѣздить въ Подольскъ и вернуться.

— Отчего же? сказалъ я, — если вамъ это угодно, я готовъ, хотя отпускную можно засвидѣтельствовать и послѣ.

— Нѣтъ, mon ami, возразила тетушка, — не люблю дѣлать благодѣяній въ половину.

Я улыбнулся. Тетушка заперла бюро, подала мнѣ бумагу и сказала:

— Est-ce dit?

— Конечно, отвѣчалъ я, и спряталъ бумагу въ карманъ.

— Прогоны мои, смѣясь и подавая мнѣ руку, сказала тетушка.

Я тоже расхохотался, и мы рука объ руку вышли въ гостиную, гдѣ новое зеленое поле вызывало стариковъ на битву, и Ѳеша разставляла коробки съ марками, мѣлки и щетки.

Партія скоро составилась. Между тѣмъ солнце уже сѣло, и прозрачная дымка сумерекъ падала на землю. Я вышелъ на террассу, и пріютился въ углу, подъ широкими раскинувшимися листьями стройнаго банана. Экипажи безпрестанно шныряли взадъ и впередъ мимо нашей дачи, которая стояла очень близко отъ центра публичныхъ увеселеній, то-есть, отъ той дорожки въ нѣсколько саженъ длиною, на которой обыкновенно толпится знать, и отъ рощи, гдѣ сотни самоваровъ призываютъ почтенное купечество и мѣ-

щанство насладиться чайкомъ на такъ называемомъ чистомъ воздухѣ. Звуки мѣдныхъ инструментовъ, удалая цыганская пѣсня, плачевная шарманка, отрывистыя фразы проходящихъ, брань кучеровъ, ржаніе нетерпѣливыхъ лошадей, голоса лакеевъ, звавшихъ экипажи, все это порознь, а чаще все это вмѣстѣ, раздавалось въ моихъ ушахъ и невольно увлекало меня смѣшаться съ этою шумною толпою. Ѳеша проходила по залѣ.

— Ѳеша! крикнулъ я съ террассы въ открытое окно. Она оглянулась.

— Потрудись, дай мнѣ мою шляпу, просилъ я, — вонъ она, тамъ, на роялѣ.

Ѳеша осмотрѣлась и пошла за шляпой.

— Только не вырони перчатокъ, прибавилъ я.

Ѳеша взяла мою шляпу, взглянула внутрь ея, вынула перчатки, и молодецки надѣвъ ее на свою голову, вышла на террассу.

— То-ли дѣло мальчикъ? сказала она, подавая мнѣ, и ухарски подбоченясь одною рукой, спросила: — Что еслибъ я была мальчикомъ? Вы куда? на музыку?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Счастливые! сказала она со вздохомъ, и грустно снявъ шляпу, подала ее мнѣ.

— Прощай, сказалъ я, сходя съ террассы на шоссе: — если спроситъ тетушка, скажи гдѣ я.

— А вы скоро вернетесь?

— Не знаю! А знаешь ли ты, зачѣмъ я ухожу?

— Почемъ же мнѣ знать! сказала Ѳеша.

— Чтобы не мѣшать тебѣ...

— У! злой человѣкъ! вскрикнула Ѳеша, краснѣя.

— Однакожь послушай, сказалъ я, возвращаясь опять на террассу: — я говорю серіозно; я не знаю, что̀ ты замышляешь, но не могу не сказать... мнѣ вѣдь все равно, мое дѣло сторона.... Еслибъ ты знала, что у меня въ карманѣ....

— Что такое? быстро спросила Ѳеша...

— Скоро узнаешь....

— Когда?

— Въ понедѣльникъ.

— А что такое понедѣльникъ? настаивала Ѳеша.

— Твое рожденье.

— Вы почемъ знаете?

— Да ужь знаю! Я все знаю, прибавилъ я уходя. — Прощай!....

И я ушелъ, оставивъ Ѳешу на террассѣ.

Вчерашняя коляска юркнула мимо меня, и стрѣлой пронеслась къ воксалу.

Пройдясь нѣсколько разъ по дорожкѣ, около которой играла музыка, раскланявшись со всѣми и потолковавъ съ нѣкоторыми знакомыми, я удалился въ уединенную часть парка, прошелъ довольно большое пространство, напился въ воксалѣ горячаго чая и пустился обратно по направленію къ тетушкиной дачѣ. Между тѣмъ почти стемнѣло. Сплошныя сѣрыя тучи бродили по небу, пересылаясь молніями. Воздухъ казался раскаленнымъ и удушливымъ. Я ускорилъ шаги, и достигъ сада тетушкиной дачи. Не успѣлъ я еще обогнуть

угла рѣшетки и приблизиться къ террассѣ, какъ замѣтилъ, что знакомая коляска стояла не вдалекѣ отъ дома и, вѣроятно, дожидалась своего господина. Я пошелъ тише. Вдругъ изъ-за угла показались двѣ тѣни, подбѣжали къ коляскѣ и прыгнули въ нее; рысаки, почуявъ работу, взвились на дыбы, приняли и понеслись съ быстротою молніи по ровному шоссе. Все это было дѣломъ минуты. Я вошелъ въ домъ. Гостей уже не было; столъ, исписанный громадной величины цифрами, стоялъ въ гостиной еще на своемъ мѣстѣ, тетушка сидѣла на диванѣ, а передъ нею робко и подобострастно вертѣлся на кончикѣ стула какой-то господинъ, въ форменномъ фракѣ, довольно поношенномъ. Господину этому было лѣтъ пятьдесятъ; онъ былъ не большаго роста, нѣсколько сутуловатъ, но круглъ и плечистъ. Небольшое шарообразное брюшко значительно выдавалось впередъ, густые, окрашенные въ черный цвѣтъ волосы его были взъерошены на вискахъ и на лбу, и образовывали какой-то хаосъ, не лишенный, впрочемъ, претензіи на прическу. Тетушка очень серіозно говорила съ этимъ господиномъ, который при каждомъ отвѣтѣ подымался на вершокъ отъ стула и, послушный жесту тетушки, снова садился. Разговаривали они въ полголоса. Когда я вошелъ, потокъ рѣчи этого господина оборвался на весьма высокой нотѣ, онъ всталъ, низко поклонился и продолжалъ стоять.... Тетушка тотчасъ сказала ему, что я племянникъ ея такой-то, и обращаясь ко мнѣ, прибавила:

— Никаноръ Андреичъ Полосушкинъ.... такъ кажется? обратилась она къ нему.

— Точно такъ произносить изволите, ваше сіятельство, — отвѣчалъ старикъ, низко кланяясь.

— Служитъ тоже, обратилась тетушка ко мнѣ, указывая на старика. — Садитесь! прибавила она.

Старикъ сѣлъ на кончикъ стула.

— Не помѣшалъ ли я вамъ? спросилъ я тетушку по-французски.

— Немножко! отвѣчала она: — надо съ нимъ покончить.

Я поспѣшилъ оставить комнату.

— Merci, mon cher, крикнула тетушка мнѣ вслѣдъ и снова обратилась къ старику.

Я вышелъ на террассу и только-что хотѣлъ было сѣсть, какъ гулъ ѣхавшаго экипажа затихъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нашей дачи. Прошло мгновеніе, и кто-то скользнулъ въ калитку палисадника, взбѣжалъ по ступенькамъ и, не замѣчая меня, остановился на террассѣ; тамъ, прижавшись спиной къ колоннѣ, обращенная къ освѣщенной гостиной, тѣнь скрестила руки на груди, сдерживая быстрое и неровное дыханье. Въ то же время другая тѣнь сѣла въ коляску, которая быстро помчалась по на правленію къ Москвѣ. Читатель конечно узналъ Ѳешу? Да, это была она. Розовый газовый шарфъ, какъ легкое прозрачное облако, обвивъ ея смуглую шейку, обильными складками покрывалъ ея черные волосы и, скрещенный на груди, длинными концами, завязанными сзади, падалъ на бѣлое платье. Грудь Ѳеши тяжело дышала, глаза еще блистали отъ недавно испытаннаго удовольствія покататься на ры-

сакахъ, а губки, пунцовыя и влажныя, тряслись отъ страха и сомнѣнія, не замѣтила ли графиня ея произвольнаго отсутствія.

— Ѳеша! невольно сказалъ я, — какъ ты хороша въ эту минуту!

Ѳеша вздрогнула.

— Это вы? сказала она, — а я думала васъ еще нѣтъ!....

— Что дѣлать! отвѣчалъ я, — не хотѣлъ видѣть, а увидалъ таки....

— Это ужь мое такое несчастіе! замѣтила она.

— Гдѣ же это была?

— Каталась! сказала она: — ахъ какъ весело! скоро, скоро! духъ захватываетъ, орловскіе вѣдь! Шесть тысячь пара! серебромъ шесть тысячь... Два раза кругомъ объѣзжали, къ воксалу и назадъ. Чудо просто!..

— А не хорошо, замѣтилъ я.

— Эка бѣда какая! Да и кто знаетъ? прибавила она. — Никто. Вы только. Да вы такой добрый... Вы, миленькій, не скажете вѣдь?

— Что съ тобою дѣлать

— Хотите персикъ? быстро спросила она и, вынувъ изъ кармана два персика огромной величины, также быстро положила ихъ ко мнѣ на колѣна.

— Персики въ маѣ? спросилъ я.

— Намъ ни почемъ! сказала она съ самодовольствіемъ.

Въ это время господинъ, говорившій съ тетушкой, скромно прошелъ по залѣ и скрылся въ передней.

— Ѳеша! крикнула тетушка.

— Я здѣсь! отозвалась она и, быстро бросивъ мнѣ горсть конфетъ, побѣжала къ тетушкѣ. Нѣсколько конфетъ попало мнѣ въ руки, другія разсыпались по полу. Посмотрѣвъ на одну, другую, третью, которыя были у меня въ рукѣ, я пришелъ въ такое изумленіе, что бережно поднялъ всѣ, насчиталъ ихъ ровно семь и рѣшительно сталъ, какъ говорится, въ тупикъ. И не мудрено: каждая конфетка была завернута въ крупную ассигнацію, такъ что я насчиталъ до полутораста рублей. Если, подумалъ я, къ этимъ деньгамъ прибавить стоимость фруктовъ, то этому барину удовольствіе покатать хорошенькій предметъ своей страсти, на своихъ же рысакахъ, обошлось рублей въ двѣсти, а можетъ-быть и болѣе. Этотъ человѣкъ просто Крезъ, и удивительно, что Ѳеша не знаетъ кто онъ.

Пока я предавался этимъ размышленіямъ, Ѳеша пробѣжала по залѣ.

— Постой, постой! крикнулъ я ей и вошелъ въ комнату.

— Некогда, графиня одѣвается, отвѣчала она на ходу....

— Такъ поздно? зачѣмъ?

— Ѣдетъ на вечеръ.

Ѳеша взялась за ручку двери.

— Постой еще на минуту, крикнулъ я.

— Что еще? некогда.

— Видѣла ты эти конфеты? спросилъ я, подавая ей на ладони дорогіе леденцы.

— Нѣтъ, а что? хороши?

— Взгляни, они завернуты въ деньги.

Ѳеша посмотрѣла и вскрикнула:

— Какой онъ глупый! сказано ему не надо: нѣтъ, онъ свое. Куда мнѣ съ ними дѣваться! И такъ не оберешься...

— Возьми же ихъ, по крайней мѣрѣ.

— На что онѣ мнѣ?... бросьте куда нибудь.

— Деньги-то бросить? спросилъ я, — ты же ихъ любишь....

— Да когда ихъ нѣтъ, а когда есть, ни почемъ. Оставьте ихъ у себя.

— Вотъ это забавно! сказалъ я.

— Ну, нищему отдайте.

— Сколько? спросилъ я.

— А развѣ ихъ много? Ну, да все равно, оставьте у себя, пожалуста: кто знаетъ, что̀ будетъ? — понадобится, я у васъ спрошу, вы мнѣ ихъ отдадите, а то я ихъ всѣ растеряю или раздамъ зря...

— Постой однакожь, началъ было я, но съ словомъ: некогда! ей-Богу! Ѳеша юркнула въ корридоръ.

— Скажи тетушкѣ, что я уѣхалъ, крикнулъ я ей вслѣдъ и изъ глубины корридора.

— Хорошо, скажу, прощайте.

Нечего было дѣлать; съ твердымъ намѣреніемъ отдать деньги въ опекунскій совѣтъ, я положилъ конфеты въ карманъ, взялъ шляпу и вышелъ въ переднюю.

— Скажи пожалуста, спросилъ я Анисима, надѣвая пальто: — кто это былъ у графини, старичокъ такой толстенькій?

— Да вотъ-съ, сударь, отвѣчалъ онъ, пока другой

лакей отворялъ дверь и кликалъ моего кучера, спавшаго въ кухнѣ, — вотъ-съ кому счастье! Нашъ братъ холопъ былъ, а теперь въ гостиную норовитъ, и милости просимъ садиться, и все такое прочее.

— Вольноотпущенный? спросилъ я.

— Покойнаго братца графинина-съ.

— Какъ бишь его зовутъ-то? продолжалъ я спрашивать.

— Да былъ Никанорка, сталъ Никаноромъ при покойномъ графѣ; вольную получилъ, Никоноромъ Андреевичемъ возвеличился; а нонече и цѣлымъ Никаноромъ Андреевичемъ Полосушкинымъ сталъ-съ.

— Что же онъ у тетушки такое? стряпчій, что-ли?

— Не могу знать-съ, отвѣчалъ Анисимъ, а бываетъ-съ.

III.

На слѣдующій день раннимъ утромъ отправился я въ Подольскъ, гдѣ привелъ очень скоро къ желаемому концу возложенное на меня тетушкою дѣло и съ свободой Ѳеши въ карманѣ вернулся къ вечеру въ Москву. Всю субботу я былъ занятъ хлопотами по моему дѣлу, что̀ лишило меня возможности видѣться съ тетушкой. Но я поспѣшилъ отправить къ ней письмо вмѣстѣ съ отпускной Ѳеши. Наконецъ насталъ и понедѣльникъ. Въ половинѣ третьяго я поѣхалъ на дачу. Въѣзжая въ ворота, я увидѣлъ Ѳешу на террассѣ въ новомъ и свѣжемъ розовомъ платьѣ. Не успѣлъ я войдти въ залу и затворить за собою двери, какъ Ѳеша подбѣжала ко мнѣ, положила обѣ руки на мои плеча и, весело прыгая, повторяла:

— Я вольная, вольная, вольная!...

Голубые глаза ея блистали какъ крупные алмазы, румянецъ игралъ ярче обыкновеннаго на смугломъ личикѣ, все худенькое и гибкое существо ея дышало счастьемъ и веселостью. Увлеченный, я схватилъ ее обѣими руками за талію, и какъ перышко, поднявъ ее довольно высоко, сказалъ:

— Поздравляю, поздравляю и съ волей, и съ рожденьемъ....

Ѳеша представилась мнѣ какимъ-то видѣніемъ; голова моя закружилась, мысли спутались, куда дѣвалась моя роль наблюдателя, и когда я опускалъ ее, чтобъ снова поставить на паркетъ, ея дѣтское дыханіе коснулось лица моего, губы наши готовы были встрѣтиться, и громкій поцѣлуй раздался бы въ комнатѣ, еслибъ Ѳеша не опомнилась первая, не вырвалась изъ рукъ моихъ, и въ два прыжка не очутилась въ гостиной.

— Анатолій Петровичъ пріѣхалъ, сказала она, перебѣгая гостиную и скрываясь въ кабинетѣ тетушки. Амишка, внезапно пробужденная, заслышавъ шорохъ въ залѣ, съ громкимъ лаемъ бросилась ко мнѣ на встрѣчу, катясь какъ кубарь и скользя по гладкому паркету. Оправясь въ одно мгновеніе, я важно и спокойно вошелъ въ гостиную, гдѣ тетушка сидѣла одна на диванѣ и съ помощію лорнета читала какую-то нравственно-религіозную книгу, переплетенную въ малиновый бархатъ съ бронзовыми украшеніями по угламъ и по срединѣ. Поцѣловавъ надушенную руку тетушки, я спросилъ ее:

— Принимаете вы поздравленія?

— Принимаю, сказала она очень ласково; — видѣлъ ты новорожденную?

— Она встрѣтила меня въ залѣ....

— Какъ рада, какъ счастлива! замѣтила тетушка. — И чему она глупенькая рада? Не все ли ей равно?

— Видно не все равно, замѣтилъ я.

— Конечно это было необходимо, тѣмъ болѣе что....

Тетушка не кончила фразы и задумалась. Амишка храпѣла; въ залѣ накрывали на столъ; Ѳеша прошла по гостиной и вышла на террассу, куда и меня, правду сказать, тянуло, но не ловко было оставить тетушку одну, тѣмъ болѣе, что кромѣ меня на этотъ разъ никого не было, и даже Амишка спала очень крѣпко.

— Гдѣ же ваши друзья? спросилъ я тетушку.

— Я не звала ихъ нынче, некогда, есть дѣло. Впрочемъ, прибавила она, сдѣлай милость, не стѣсняйся для меня, надѣюсь, что ты здѣсь какъ дома. Хочешь курить, ступай на террассу, даже въ залѣ можешь, только не здѣсь: ты знаешь, какъ я слаба здоровьемъ....

— Я могу и не курить, замѣтилъ я. — Какъ часто въ свѣтѣ провожу я цѣлые дни, не смѣя и подумать о сигарѣ!

— Да, въ свѣтѣ, но не дома, сказала тетушка, подавая мнѣ руку, которую я опять поцѣловалъ.

Въ это время Анисимъ доложилъ, что кушанье поставлено. Я подалъ тетушкѣ руку, и мы вошли въ залу. На этотъ разъ, благодаря рожденью Ѳеши, тетушка сдѣлала исключеніе и, не доходя еще до стола, сказала ей:

— Venez, mon enfant, и даже не прибавила — vous mettre à ma table.

Мы всѣ трое въ одно время сѣли за столъ. Обѣдъ тянулся по обыкновенію весьма долго. Тутъ только между соусомъ и жаркимъ вспомнилъ я, что сдѣлалъ маленькую неловкость и не приготовилъ Ѳешѣ заранѣе никакого подарка. Придумывая какъ исправить ошибку, я вспомнилъ, что между нѣсколькими кольцами, которыя я ношу обыкновенно, есть одно менѣе завѣтное, давно утратившее мимолетную свою прелесть, и снявъ его осторожно съ пальца, незамѣтно спряталъ въ карманъ, рѣшившись послѣ обѣда надѣть его на пальчикъ Ѳеши. За жаркимъ тетушка налила себѣ рюмку малаги и, обратясь къ Ѳешѣ съ нѣкоторою торжественностью, которой желала дать комическую интонацію, сказала:

— A ta santé!

Ѳеша вспыхнула какъ роза, встала и поцѣловала руку графини, чѣмъ та осталась видимо довольною. Я тоже поздравилъ Ѳешу, когда она снова сѣла за столъ, и взглянувъ на Анисима, стоявшаго за стуломъ своей барыни, замѣтилъ, что онъ съ любовью смотрѣлъ на дочь свою, которую не смѣлъ не только обнять, но даже поздравить, хотя его нѣмое обожаніе было вдвое сердечнѣе и задушевнѣе нашихъ форменныхъ поздравленій.

— Впрочемъ, обратилась тетушка ко мнѣ, — если ты хочешь шампанскаго, я велю подать, qu'à cela ne tienne.

Я конечно отказался, и экономія тетушки не была нарушена. Отведя тетушку обратно въ гостиную, откуда она

въ сопровожденіи Амишки поплелась въ кабинетъ, я вышелъ на террассу. Ѳеша въ залѣ говорила съ отцомъ, убиравшимъ со стола. Другой лакей показался изъ корридора съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ помѣщались серебряныя же принадлежности кофе.

— Налить вамъ кофею? крикнула мнѣ Ѳеша изъ залы.

— Потрудись, отвѣчалъ я.

Она взяла чашку и осторожно, шагъ за шагомъ, чтобы не пролить, принесла ее на террассу и, бережно поставивъ передо мной на столикъ, сказала:

— Полнымъ домомъ жить.

— Merci за кофе и за желаніе.

Ѳеша хотѣла было уйдти, но я остановилъ ее.

— Ты на меня не сердишься? спросилъ я.

— За что?

— Ну, хоть бы за то, что пріѣхалъ съ пустыми руками.

— Какъ вамъ не стыдно!

— Стыдно мнѣ, отвѣчалъ я, подавая ей кольцо, — что не имѣю ничего лучшаго, но все равно, возьми хоть эту бездѣлицу на память обо мнѣ грѣшномъ.

— Ахъ, какая прелесть! вскрикнула Ѳеша, принимая подарокъ и прыгая: — вотъ такъ прелесть! благодарю васъ, миленькій! чудо что за колечко

Она надѣла кольцо и любовалась переливами свѣта, отражавшимися въ мелкихъ брилліантахъ.

— Очень радъ, что мой подарокъ тебѣ по вкусу, сказалъ я.

— Еще бы! вещь маленькая, надѣть можно, никто и

не примѣтитъ, да хоть бы и примѣтили, ничего: это не то, что вотъ онъ-то, съ дуру, ни свѣтъ ни заря, сунулъ мнѣ въ руку, когда я съ Анной Назаровной, съ экономкой, выходила отъ ранней обѣдни. Ну, куда я съ этимъ дѣнусь?

Она подошла къ своему рабочему столику, стоявшему на террассѣ, открыла его и, вынувъ муаровый ярко-розовый футляръ, въ видѣ сердца, подала его мнѣ. Я открылъ футляръ, и блестящія искры посыпались передо мною. На черномъ бархатѣ покоились брилліантовыя серги, севинье, и нитка чудныхъ алмазовъ, величиною съ самый крупный горохъ. Вещи стоили, вѣроятно, очень дорого.

— Отъ этого не отказалась бы и сама графиня! сказалъ я.

— А какъ вы думаете, дорого это сто́итъ?

— Тысячъ... какъ тебѣ сказать.... тысячъ шесть серебромъ.

— Неужто? спросила Ѳеша. — Ну, да видно ему это ни по чемъ.

— Однакожь, на какомъ основаніи даритъ онъ тебѣ такія вещи?

— Да такъ вотъ, здорово живешь.

— Видно любитъ не на шутку.

— Должно быть, отвѣчала смѣясь Ѳеша; — однако какъ бы не увидала графиня?

Я отдалъ футляръ Ѳешѣ. Она снова спрятала его въ столикъ.

— Но зачѣмъ ты берешь отъ него такія вещи?

— Отчего жь не взять, когда даетъ? Да и почемъ я знаю, что онъ даетъ; только дома узнаю, да ужь поздно.

— Все это очень странно. Чего этотъ человѣкъ хочетъ?

— Чтобъ я съ нимъ ѣхала, сказала Ѳеша: — вотъ вамъ и все, если ужь на то пошло.

— Куда ѣхать?...

— А Богъ его знаетъ.

— За чѣмъ? необдумано и неловко спросилъ я....

— Какіе вы смѣшные! краснѣя вскрикнула Ѳеша, засмѣялась и отвернувшись, прибавила: — знать жениться хочетъ.

Я улыбнулся, мнѣ не вѣрилось; настало молчаніе. Я заговорилъ первый:

— За чѣмъ же ты прячешь въ такомъ случаѣ эти вещи?

— Еще бы не прятать!

— Для чего же? Если намѣренія его честны, пусть сватается открыто. Только это уже очень странно.... Зачѣмъ ты скрываешься отъ тетушки?... Такой женихъ — кладъ.

— Она никогда не позволитъ.

— Отчего?

— Оттого! ну что она безъ меня? со скуки пропала. Да полно вамъ разсуждать....

— Но вѣдь эти драгоцѣнности могутъ у тебя украсть: вѣдь это капиталъ!

— А что́ вы думаете? сказала Ѳеша, — и точно продать: деньги дадутъ. Возьмите-ка вы ихъ къ себѣ, спрячьте.

— Помилуй, Ѳеша, ты мнѣ и такъ навязала свои деньги, я ихъ положилъ на имя неизвѣстнаго въ опекунскій совѣтъ, билетъ у меня; но вѣдь ты знаешь, я не здѣшній, живу больше въ Петербургѣ, или тамъ, гдѣ Богъ велитъ; я могу уѣхать....

— Что же? перебила она меня, — когда-нибудь увидимся.

— Конечно, можетъ-быть, и увидимся: мнѣ Москвы не миновать, куда бы я ни ѣхалъ; но знаешь что́? я совѣтую тебѣ лучше признаться во всемъ отцу.

— И! что вы это? да ни за что на свѣтѣ!

— Грѣшно, Ѳеша: онъ, кажется, такъ тебя любитъ.

— Еще бы не любилъ: на то я ему дочь. Да нѣтъ, прибавила она рѣшительно, — нечего тутъ и толковать, возьмите вы эти вещи, и дѣло съ концомъ....

— Послушай.... сказалъ было я, но она, вынувъ изъ столика листъ газетной бумаги, завернула въ него футляръ, и сказавъ: — ничего и слушать не хочу!... вышла въ залу, и положивъ его въ мою шляпу, скрылась въ корридорѣ.

Между тѣмъ тетушка вышла въ гостиную и позвала меня къ себѣ.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Тоска, сказала тетушка, тоска безъ картъ. Что значитъ, однакожь, привычка! Точно чего-то не достаетъ. Не сѣсть ли намъ въ пикетъ.

— Не умѣю, отвѣчалъ я. — Не лучше ли намъ затѣять преферансъ вдвоемъ, съ открытымъ?

— Да ты вѣдь обыграешь? Я рѣдко играю съ этимъ homme de bois.

— Попытайте счастья, ma tante.

Тетушка позвонила; вошелъ лакей.

— Столъ и карты, сказала тетушка, и крикнула Ѳешу, когда лакей вышелъ. Чрезъ минуту вбѣжала Ѳеша.

— Я сажусь играть, сказала ей графиня.

Ѳеша вышла. Столъ внесли и поставили. Я сталъ распечатывать колоду.

— А по чемъ? спросила тетушка.

— По чемъ вамъ будетъ угодно.

— Чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

— Напримѣръ?

— Двѣ копѣйки? Согласенъ? спросила тетушка.

Я наклонилъ голову въ знакъ согласія, и мы сѣли за столъ. Ѳеша подала коробочки съ марками, мѣлки и щетки. Тетушка посмотрѣла на Ѳешу, и съ чувствомъ произнесла:

— Не долго тебѣ придется исполнять при мнѣ твою должность!

Ѳеша съ удивленіемъ посмотрѣла на графиню и на меня; я также посмотрѣлъ на тетушку и на Ѳешу.

— Да, подай скамеечку, прибавила тетушка Ѳешѣ, — и вели смочить табакъ.

Исполнивъ приказаніе, Ѳеша сѣла возлѣ меня и внимательно слѣдила за игрой. Тетушка играла отлично, но весьма осторожно. Я же, подстрекаемый замѣчаніями и односложными совѣтами Ѳеши, шептавшей мнѣ «семь»,

когда я думалъ играть просто, рисковалъ ужасно и наставилъ ремизовъ, къ большому удовольствію тетушки. Пулька подходила уже къ концу, когда вошелъ лакей и доложилъ, что Никаноръ Андреевичъ Полосушкинъ испрашиваетъ позволенія войдти.

Nous y voilà! сказала мнѣ тетушка, и обращаясь къ лакею, прибавила: — проси!

Лакей вышелъ и скоро въ залѣ послышались робкіе шаги Никанора Андреевича. Проснувшаяся Амишка бросилась съ громкимъ лаемъ встрѣчать гостя, тетушка крикнула:

— Tout beau, Амиша....

А Θеша тихо шептала:

— Хорошенько его, Амишка, хорошенько.

Никаноръ Андреевичъ издавалъ въ залѣ тотъ неизобразимый звукъ, которымъ зовутъ и ублажаютъ разъяренныхъ псовъ, и тихими шагами, едва ступая по паркету, какъ будто боясь замарать его, вошелъ въ гостиную и, низко поклонившись тетушкѣ и мнѣ, сдѣлалъ два шага къ Θешѣ и робко произнесъ:

— Позвольте, изъ глубины души принести вамъ, сударыня, мое поздравленіе со днемъ вашего рожденія.

— Благодарю васъ, сказала Θеша холодно.

— А васъ, матушка, ваше сіятельство, обратился Никаноръ Андреевичъ къ графинѣ, — позвольте тоже рабски поздравить, такъ-сказать, съ новорожденной.

— Садитесь, любезный Никаноръ Андреевичъ, сказала тетушка, — садитесь.

— Благодаримъ покорно-съ, отвѣтилъ старикъ, и сѣлъ на кончикѣ стула.

— Оставимъ пока, обратилась ко мнѣ тетушка, кладя карты полукругомъ около своего мѣста, что̀ означало ея очередь сдавать.

Тетушка встала и сказавъ,

— Никаноръ Андреевичъ, подите-ка ко мнѣ, ушла въ свой кабинетъ, куда за нею послѣдовалъ старикъ, одѣтый чище и изысканнѣе прежняго.

— Что̀ это за человѣкъ? спросилъ я Ѳешу, когда мы остались одни.

— Былъ лакей, отвѣчала она.

— А теперь?

— Теперь старикъ.

— Онъ, говорятъ, служитъ, продолжалъ я.

— Да, писцомъ гдѣ-то служитъ, отвѣчала Ѳеша съ презрѣніемъ.

— За чѣмъ же онъ сюда ходитъ?

— Почемъ я знаю! А ходитъ часто, мѣсяца два какъ ходитъ.

— Что онъ человѣкъ семейный?

— Говорятъ, вдовецъ и дѣти есть, дочери невѣсты.

— Онъ вѣрно по дѣламъ графини ходитъ, замѣтилъ я.

— Можетъ быть. А не правда ли какъ у насъ весело?

— Очень.

— Зѣвай сколько душѣ угодно, замѣтила она.

Я засмѣялся. Въ это время тетушка торжественно вступила въ гостиную въ сопровожденіи старика, и сѣла на диванъ.

— Ѳеша, сказала она, — поди ко мнѣ. Садитесь, обратилась она къ гостю.

Ѳеша подошла къ тетушкѣ.

— Ѳеша! начала тетушка: — ты знаешь, что я имѣю слабость къ тебѣ. Ты знаешь также, что я тебѣ зла не пожелаю. Тебѣ сегодня минуло семнадцать лѣтъ; я становлюсь слаба, могу умереть, нынче рано умираютъ: надо подумать о твоей будущности.

Ѳеша смотрѣла на графиню удивленными глазами.

— Сегодня, продолжала тетушка, — я дала тебѣ отпускную, но я не люблю дѣлать благодѣяній вполовину: я подумала и о судьбѣ твоей. Тебѣ пора замужъ, Ѳеша! Ты молода, неопытна, тебѣ нуженъ руководитель, у тебя нѣтъ матери, отецъ твой при мнѣ, ты не можешь жить своимъ умомъ; надежный другъ замѣнитъ тебѣ и мать и отца, меня даже, когда меня не станетъ.

У тетушки навернулись слезы при мысли, что она можетъ умереть; она ждала отвѣта Ѳеши, но та молчала. Впитавъ слезинки въ батистъ платка и, встрѣтивъ гробовое молчаніе въ отвѣтъ на свои торжественныя рѣчи, тетушка со вздохомъ продолжала:

— Случай мнѣ поблагопріятствовалъ. Надежный и, могу сказать, почтенный человѣкъ, не смотря на его происхожденіе, сходное, впрочемъ, съ твоимъ, просилъ у меня руки твоей. Онъ человѣкъ не молодой, это правда, но извѣдавшій уже, въ продолженіе двадцати-пяти-лѣтняго перваго супружества, все, что́ можетъ сдѣлать женщину счастливою, и потому есть надежда, что ты будешь благо-

словлять судьбу свою, тѣмъ болѣе, что этотъ человѣкъ имѣетъ маленькій капиталецъ, и прельщенный твоею наружностію и тѣми нравственными правилами, которымъ ты видѣла примѣръ въ моемъ домѣ, беретъ тебя за одни твои качества, не думая вовсе о приданомъ.

Тетушка остановилась, чтобы перевести духъ, и распустивъ вееръ, начала имъ обмахивать лицо свое.

Ѳеша, склонивъ голову, упорно молчала.

— Конечно, продолжала тетушка, — я не оставлю тебя безъ куска хлѣба; это было бы грѣшно, но мои дѣла разстроены, деньги достаются трудно, я не могу тебѣ дать больше тысячи цѣлковыхъ. Итакъ, мой другъ, хотя мнѣ и грустно будетъ съ тобой разстаться, но это неизбѣжно, и я, зная твою покорность, заранѣе обѣщала твою руку этому человѣку. Ты и себя осчастливишь, увѣряю тебя, и отца обрадуешь, и меня утѣшишь, если выйдешь замужъ за Никанора Андреевича, который своимъ предложеніемъ дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ доставляетъ удовольствіе.

Ѳеша быстро обернулась и, наклоняясь всѣмъ корпусомъ назадъ, а правую руку вытягивая по направленію къ старику, вскрикнула:

— За него?... мнѣ? за него?... Никогда!...

Ѳеша такъ громко и такъ дико захохотала, что Полосушкинъ всталъ, я вздрогнулъ, а тетушка понюхала табаку.

— За него! твердила Ѳеша, безъ слезъ и жалобъ, но блѣдная, съ остановившимися на женихѣ глазами; — за него!... и снова громкій, истерическій хохотъ заглушилъ эти отрывистыя восклицанія.

— Осчастливьте, Өедосья Анисимовна, сказалъ было Никаноръ Андреевичъ.

— Прочь! крикнула Өеша. Мнѣ идти за тебя? да какъ ты смѣлъ подумать только? Еще графиню безпокоилъ! Меня, за тебя!...

Она быстро схватила его за руку и, подведя къ зеркалу, крикнула:

— Смотри, меня, этакую красавицу, за тебя, старую обезьяну! Ну развѣ это возможно! Тебѣ сколько? шестьдесятъ? а мнѣ семнадцать! Дѣдъ ты, а не мужъ. На старости лѣтъ молодость мою купить хочешь?... Не хватитъ капиталу. Прочь отъ меня, старый хрычь, лакеишка противный! Ваше сіятельство! обратилась она къ тетушкѣ, — не губите: лучше въ воду, чѣмъ за него.... Заступитесь! обратилась она ко мнѣ, что же вы молчите?...

Өеша залилась громкимъ удушливымъ смѣхомъ.

Никаноръ Андреевичъ не зналъ куда дѣваться; я то вставалъ, то садился, и былъ какъ на иголкахъ; тетушка, разсерженная неожиданною выходкой Өеши, перешедшей отъ покорнаго молчанія къ отчаяннымъ возгласамъ, чувствовала всю непріятность этой сцены и рвала съ досады кружево, которымъ былъ обшитъ ея платокъ.

— Өеша! крикнула она, — ты забылась! опомнись! твое поведеніе не прилично! какъ смѣешь ты отзываться такъ рѣзко о человѣкѣ, котораго моя опытность выбрала тебѣ въ мужья, о томъ человѣкѣ, котораго я тебѣ приказываю любить и уважать.

— Ваше сіятельство! сказала Өеша, — прикажите

что̀ хотите, я исполню: а любить эту чучелу я не могу и не буду.

— Однакожь, сказала тетушка съ гнѣвомъ, — я дала слово, понимаешь, я, графиня Буриме, и ты должна повиноваться.

— Что̀ хотите, не могу.

— Вздоръ! крикнула тетушка, если на то пошло, то я тебѣ приказываю.

— Не пойду! твердо и спокойно отвѣчала Ѳеша.

Тетушка была внѣ себя.

— А вотъ мы увидимъ. Никаноръ Андреевичъ, Ѳеша ваша невѣста, я вамъ это говорю. Подойдите и обнимите ее: я вамъ позволяю.

Старикъ сдѣлалъ было два шага къ невѣстѣ.

— Прочь! крикнула она: — я вольная! и никого не боюсь. Пойду за кого хочу, а не за кого велятъ. Я вольная!....

— Это ужь слишкомъ! хриплымъ голосомъ прошептала тетушка, и сильно позвонила.

Амишка, потревоженная и испуганная, залаяла; я началъ ублажать ее, прибирая всѣ адресуемыя къ собакамъ нѣжности. Анисимъ показался въ дверяхъ гостиной.

— Тебя-то мнѣ и надо, сказала тетушка, увидавъ его. — Урезонь ты свою глупую дочь? я нашла ей жениха, ты его знаешь: вмѣстѣ у покойнаго брата жили. Онъ не молодъ, но честенъ, и не безъ состоянія: вотъ онъ!

Графиня указала на Никанора Андреевича.

— Что̀ же ты? обратился Анисимъ къ Ѳешѣ.

— Нейдетъ! сказала тетушка — смѣетъ нейдти, когда я этого хочу для ея же счастія. Вразуми ее: ты отецъ....

— Что же ты это, дура, кланяйся, благодари, говорилъ Анисимъ дочери.

— Приданое даю, тысячу цѣлковыхъ, продолжала тетушка: — все дѣлаю что̀ могу, больше нежели могу, и вотъ благодарность, вотъ уваженіе ко мнѣ.... вотъ награда за всѣ мои милости....

Тетушка заплакала.

— Что же ты за безчувственная! началъ Анисимъ, — поди, цѣлуй ручку, проси прощенія.

Ѳеша подошла было къ тетушкѣ, но она вскрикнувъ: «Поди, ты не сто̀ишь руки моей!» взглянула въ зеркало, и увидавъ, что слезы смыли розы съ щекъ ея, и повторяя: «ты не стоишь ни любви моей, ни прощенія,» — съ сильнымъ жестомъ ушла въ уборную.

Только-что тетушка успѣла выйдти, какъ Анисимъ, забывъ, вѣроятно, мое присутствіе, перемѣнилъ интонацію и грубо обратился къ дочери.

— Каторжная! висѣльная! за что ты мою-то жись заѣдаешь? за что я изъ-за тебя, изъ-за пигалицы этакой, подъ гнѣвъ попадаю? А? за что? Ну-ка! Пропадала бы ты пропастью, да отца-то бы не губила! сволочь ты этакая.

— Ну и ты тоже! Господи! съ ума сойдешь! вскрикнула Ѳеша.

— Волѣ барской повинуйся! возразилъ Анисимъ. — Смотри, дѣвка, хоша ты теперь и вольная, а плохо будетъ....

— Что̀ хочешь, не пойду, утоплюсь, удавлюсь, а не пойду, твердо сказала Ѳеша.

Желая прекратить эту тяжелую сцену, я сказалъ Анисиму:

— Оставь ты ее. Кажется, тетушка идетъ....

— И впрямь, ну ее совсѣмъ, сказалъ Анисимъ: — извините, сударь, что при васъ, можетъ, что и лишнее сказалъ.

Анисимъ вышелъ, а Ѳеша, все время стоявшая, тяжело опустилась въ кресло и закрыла лицо руками. Отчаяніе, долго сдерживаемое, нашло себѣ исходъ, и слезы полились ручьями. Горько и громко рыдала бѣдная Ѳеша. Я подошелъ къ Полосушкину и сказалъ ему:

— Извините, что я, такъ мало зная васъ, рѣшаюсь говорить съ вами откровенно.

— Помилуйте-съ, сказалъ онъ, привставъ на вершокъ со стула и снова опускаясь на него.

— Посмотрите въ какомъ она положеніи; сжальтесь надъ нею....

— Мнѣ и то жаль-съ, отвѣчалъ старикъ и снова на вершокъ отдѣлился отъ стула.

— Она молода, очень молода, продолжалъ я, — ребенокъ, не понимающій жизни, не видавшій ея: ей хочется пожить.

— Давай Богъ, на многія лѣта-съ.

— Нѣтъ, я не въ томъ смыслѣ, сказалъ я, но видя, что надо говорить проще, продолжалъ: — Еще есть время, откажитесь отъ нея.... вы ей, откровенно сказать, не пара.

— Почему же-съ? званіе наше съ Ѳедосьей Анисимовной почти одинаково-съ....

— Но лѣта? возразилъ я.

— Да-съ, на счетъ этого! ну, это плевое дѣло-съ. Молодые-то нынче куда больно не надежны стали.

— Значитъ Ѳеша вамъ очень нравится.

— Онѣ не безъ пріятности.... Больно сухопароваты: нашему брату жена поплотнѣе была бы посподручнѣе-съ....

— Ну, вотъ видите ли, быстро замѣтилъ я.

— Только на счетъ этого не извольте безпокоиться, продолжалъ Полосушкинъ: — за Ѳедосьей Анисимовной, хотя не большой, а все-таки капиталецъ есть, да покровительство высокое, а это нашему брату, мелкому человѣку, вещь важная.

— А! сказалъ я очень сухо: — такъ вы только по разсчету хотите взять ее, а не изъ любви, какъ я думалъ; ну такъ нечего и говорить: но знайте, что нашлись бы люди, которые готовы были бы дать вамъ вдвое противъ ея приданаго, чтобы только вы отъ нея отказались.

— Хорошо, что предупредили-съ; отвѣчалъ старикъ: — я и такъ бы не согласился на этакую аферу, а теперь и подавно.

Ѳеша, вслушавшись въ нашъ разговоръ, подошла ко мнѣ и шепнула на ухо:

— Предложите ему мои вещи, авось отвяжется.

— Ну, сказалъ я Полосушкину, — а если я вамъ предложу за то, чтобы вы отказались отъ вашего намѣренія, бриллiянтовъ на шесть тысячь серебромъ?

— Вы вѣрно шутить изволите? спросилъ старикъ.

Этотъ вопросъ, какъ темное согласіе, вселилъ во мнѣ надежду спасти Ѳешу.

— Нисколько! отвѣчалъ я старику, и пошелъ въ залу, откуда принесъ знакомый уже футляръ: — смотрите! прибавилъ я, представляя изумленнымъ глазамъ Полосушкина описанныя вещи, — эти брилліянты ваши, если вы откажетесь отъ Ѳеши ...

Старикъ разсматривалъ вещи долго и внимательно, потомъ взглянулъ на Ѳешу, гордо и презрительно вперившую въ него свои глаза, потомъ опять на вещи, какъ будто прицѣниваясь и вычисляя, которая изъ двухъ вещей дороже, Ѳеша или брилліянты. Наконецъ глазки старика запрыгали, улыбка искривила лице его, онъ потеръ руки и нѣжно произнесъ:

— Нѣтъ-съ, ужь лучше, такъ-сказать, ихъ позвольте пріобрѣсти, чѣмъ эти камни-съ. Съ камнями еще пожалуй хлопотъ наживешь, а тутъ дѣло чистое.

— Все кончено! сказала Ѳеша съ отчаяніемъ.

Я заперъ футляръ, повернулся къ старику спиною и быстро вышелъ въ залу. Въ это время тетушка, съ новыми розами на щекахъ, входила въ гостиную и, найдя Полосушкина съ Ѳешей наединѣ, сказала:

— Ну что, поладили? Уговорили ли вы ее быть разсудительнѣе и не огорчать меня? Я и такъ больна, а эта сцена меня совершенно разстроила. Вы, Никаноръ Андреичъ, будьте покойны, это дѣло рѣшеное, считайте Ѳешу своею невѣстой. Пройдетъ нѣсколько дней, она образумится

и приметъ васъ какъ слѣдуетъ, а теперь дайте мнѣ отдохнуть отъ столькихъ волненій....

— Какъ прикажете-съ, пробормоталъ Полосушкинъ, вставая.

— Прощайте, сказала ему тетушка....

— Когда прикажете мнѣ....

— Пріѣхать? перебила тетушка: — когда хотите, дня черезъ два... дайте ей попривыкнуть къ этой мысли.... черезъ три.... прощайте.

Старикъ отвѣшивалъ поклоны тетушкѣ и Ѳешѣ, когда я входилъ въ гостиную, и вышелъ, не удостоивъ меня поклона.

— А вы, сказала тетушка Ѳешѣ, — перестаньте дурачиться, не сердите меня. Какъ красны у васъ глаза! Подите, освѣжитесь!...

Ѳеша вышла, а тетушка позвонила и велѣла вошедшему лакею сказать, чтобъ закладывали карету.

— Куда вы? спросилъ я.

— Поѣду рязсѣяться, сказала она, — хоть къ княгинѣ, сыграю пульку, другую, а съ тобой мы кончимъ послѣ нашу партію, не правда ли?

— Когда вамъ угодно.

— Ахъ, какъ эта дѣвочка меня разстроила! какое упрямство! Не слыхано. Самъ ты посуди, партія прекрасная....

— Я этого не вижу, ma tante, возразилъ я.

— Не говори ты ей по крайней мѣрѣ этого...

— Почему бы не попробовать пріискать ей другаго жениха, ma tante, помоложе, который бы былъ ей болѣе по

5

вкусу; вѣдь она молода и хороша, въ нее можно влюбиться. Можетъ-быть у ней и есть кто-нибудь на примѣтѣ.

— Безъ моего вѣдома. Въ умѣ ли вы? Да и то сказать: кто же ее возьметъ изъ порядочныхъ.

— Поищите, тетушка, только помоложе этого....

— За молодаго не отдамъ ни за что. У вашего брата одинъ вѣтеръ въ головѣ. А впрочемъ, продолжала она, — vous me donnez une idée; можно отсрочить; выждать время; къ тому же у меня и денегъ теперь мало, а тысяча цѣлковыхъ капиталъ; можетъ-быть какой-нибудь разсудительный, обстоятельный человѣкъ возьметъ и совсѣмъ безъ приданаго....

Я началъ дышать свободнѣе, и радуясь въ душѣ за Өешу. сказалъ:

— Неужели же кромѣ Полосушкина вы никого не имѣете въ виду?

— Нѣтъ, отвѣчала тетушка, — скучно, скучно хлопотать, пріискивать, ждать; опять сцены, непріятности, слезы: это меня разстроиваетъ; нѣтъ, это скучно. Къ тому же женихъ на лице, чего же лучше? Только что старъ: ну, это не бѣда! А что онъ старше меня? должно быть старше, но все-таки ему какихъ-нибудь сорокъ восемь, пятьдесятъ лѣтъ. Что это за старость! Нѣтъ, рѣшено! Она будетъ за нимъ!

Человѣкъ доложилъ, что карета готова.

— Ну, прощай, сказала тетушка, — оставайся, если хочешь: здѣсь все-таки чистый воздухъ, а въ Москвѣ, я воображаю, что за духота. Спроси себѣ чаю безъ церемоніи.

— Въ стаканѣ? спросилъ я.

— Ну, пожалуй, безъ меня можно и въ стаканѣ. Видишь, какъ я тебя балую. А не то пріѣзжай къ княгинѣ; я тебя представлю; у ней очень весело: мы играемъ и больше никого!

— Нѣтъ, ужь я лучше останусь здѣсь хозяйничать, сказалъ я.

— Ну, какъ хочешь! Ѳеша! крикнула тетушка.

Ѳеша, грустная, но спокойная, вошла съ террассы въ залу.

— Угости Анатоля чаемъ, сказала она ей: — вели ему налить въ стаканъ. Да не грусти, дурочка, вѣдь я тебя все-таки люблю, если такъ хлопочу о твоемъ замужствѣ....

Тетушка потрепала Ѳешу по щекѣ и, сказавъ мнѣ въ полголоса:

— Право, я люблю ее! вышла въ переднюю и уѣхала.

— Нѣтъ, себя ты любишь больше, подумалъ я ей въ слѣдъ и, въ первый разъ взявъ Ѳешу подъ руку, прибавилъ: — пойдемъ на воздухъ.

Мы вышли на террассу, когда карета тетушки огибала уголъ дачи.

— Ну ужь денекъ выдался сегодня! сказала Ѳеша, пока я закуривалъ сигару: — не даромъ говорятъ, понедѣльникъ тяжелый день!..

— Признаться сказать, я и самъ не могу еще опомниться отъ всего, что̀ видѣлъ и слышалъ, молвилъ я.

— Только этому не бывать! сказала Ѳеша. — Да что же это я? пойдти спросить вамъ чаю.

Ѳеша побѣжала, а я началъ перебирать въ умѣ моемъ все видѣнное въ этотъ день и, какъ неопытный юноша, не могъ понять, почему этотъ неизвѣстный господинъ не ищетъ знакомства съ тетушкой, и идетъ окольною дорогой, почему онъ не скажетъ своего имени Ѳешѣ и вообще дѣйствуетъ такъ странно и такъ скрытно.

Не прошло и четверти часа, какъ вернулась Ѳеша въ сопровожденіи лакея, несшаго чай.

— Поставь сюда, любезный, сказалъ я, и лакей, исполнивъ приказаніе, вышелъ. Мы снова остались одни.

— А сколько нужно времени, чтобъ выучиться писать? спросила меня внезапно Ѳеша.

— Смотря по способностямъ и степени прилежанія.

— Должно быть долго! сказала Ѳеша, какъ бы размышляя. — Хотите вы мнѣ сдѣлать большое одолженіе? спросила онъ помолчавъ немного. — Сдѣлаете о чемъ я васъ попрошу? Скажите заранѣе, что сдѣлаете?

— Если возможно....

— Очень возможно, вамъ это ничего не значитъ.

— Пожалуй; все, что не противно чести и совѣсти, я готовъ сдѣлать....

— За чѣмъ тутъ путать честь. Я вамъ говорю, что моя просьба для васъ пустяки. Сдѣлаете?

— Пожалуй.

— Только вотъ видите ли: дайте мнѣ честное слово, что все, что я ни заставлю васъ дѣлать, вы сдѣлаете, не спрашивая у меня ничего, и никому про то не скажете? Согласны?

— Видишь ли, возразилъ я: — дѣло-то запутывается.... ну, а какъ это что-нибудь такое.... не хорошее....

— Будьте покойны, ваше дѣло тутъ сторона.

— Да скажи прежде, что это такое?

— Ну такъ не надо! сказала съ сердцемъ Ѳеша, — найдемъ и безъ васъ! Я думала вы добрый человѣкъ, а вышло-то на дѣлѣ, что и вы противъ меня: бездѣлицы сдѣлать не хочетъ!...

— Ну, не сердись; что нужно дѣлать?... говори.

— Вырвите изъ вашей книжки одинъ листокъ.

Я исполнилъ ея желаяіе.

— Пишите теперь, что я буду вамъ говорить.

— Пишу.

Ѳеша начала диктовать:

— «Послѣ завтра, въ середу!»... написали? спросила она.

— Въ середу, повторилъ я.

— «Будьте на концѣ сада нашей дачи»!... написали?... «на концѣ сада нашей дачи.»

— Что же это такое? свиданіе? вскрикнулъ я ...

— А условіе не дѣлать вопросовъ?

— Я слова не давалъ....

— Да пишите же!

Я снова взялъ карандашъ. Ѳеша продолжала:

— «Будьте въ каретѣ, въ семь часовъ я выйду...» написали?

— Написалъ! сказалъ я съ отчаяннымъ жестомъ.

— «Выйду».... повторила Ѳеша и продолжала: «Ввѣряюсь вашей чести.»

— Чести, молвилъ я.

Ѳеша подумала и сказала: — Только! будетъ!...

Я положилъ карандашъ и, посмотрѣвъ на нее, спросилъ:

— Что же это все значитъ?

— А вы дали честное слово. Ну, дайте жь мнѣ эту бумажку...

Она взяла записку, положила ее въ карманъ и, нѣжно взглянувъ на меня, спросила.

— Никому не скажете?

— Мало ли что я знаю и что бы могъ сказать, однакожь молчу, хотя знаю, что дурно дѣлаю....

— Миленькій! сказала она, кладя обѣ руки мнѣ на плечи: — знаете, что я вамъ скажу?....

Она долго и прямо смотрѣла мнѣ въ глаза, закрыла свои, какъ бы что-то припоминая, потомъ опять взглянула на меня вдругъ встала, и сказавъ: — Нѣтъ! ребячество! — сбѣжала со ступенекъ и скрылась въ палисадникѣ.

Я посидѣлъ нѣсколько времени одинъ на террассѣ. Наконецъ я собрался. Предполагая, что субретка не далеко, я крикнулъ съ балкона:

— Ѳеша! я ѣду! прощай!... и ждалъ отвѣта.

— Иду! раздалось въ ближайшей купѣ акацій, и скоро Ѳеша взбѣжала на террассу. Глаза ея были заплаканы.

— До свиданія, сказалъ я ей.

— Прощайте, отвѣчала она грустно. — Можетъ быть вы меня больше не увидите. Мало ли что можетъ случиться?

— Я боюсь понять тебя, Ѳеша. Что ты затѣваешь? Все можетъ измѣниться.

— Я не хочу быть женою Полосушкина! сказала твердо Ѳеша: — не хочу!

— Упроси тетушку.

— Развѣ я ея не знаю? горько смѣясь спросила Ѳеша.

— Зачѣмъ отчаиваться? промолвилъ я.

— Я и не отчаиваюсь! Есть объ чемъ.

— Не изорвать ли записку? спросилъ я.

— Нѣтъ.... видите ли, если мы увидимся, я вамъ ее отдамъ, если жь нѣтъ....

— Значитъ что? спросилъ я.

— Значитъ она послана.

— Кому?

— Опять-таки не знаю.

— А ты гдѣ же будешь?

— И этого не знаю.

— Ты странное созданіе!... Въ такомъ случаѣ, что же дѣлать съ этими вещами?

— Оставьте у себя, такъ какъ есть, или продайте, деньги сохраните мнѣ.... Когда вы сюда опять? завтра? пріѣзжайте завтра.

— Не могу.... не буду.

— Такъ когда же?

— На дняхъ. До свиданія.

— Прощайте! грустно промолвила Ѳеша.

Когда я выѣзжалъ изъ воротъ дачи, Ѳеша стояла на балконѣ, и махала мнѣ платкомъ въ знакъ прощанія.

IV.

Два дня незамѣтно канули въ вѣчность, два блѣдные дня, не принесшіе ничего новаго и оставившіе пробѣлъ въ моихъ запискахъ. На третій день послѣ всего описаннаго выше, я былъ обрадованъ вѣстію, что дѣло мое слушали и рѣшили вь нашу пользу. Тотчасъ написалъ я объ этомъ къ роднымъ въ Петербургъ и остался въ Москвѣ ждать ихъ резолюціи на счетъ моей особы. Но мое удовольствіе было испорчено запиской, которую я получилъ отъ тетушки. Первое слово, поставленное сверху листка почтовой бумажки, меня уже поразило: тетушка писала мнѣ вмѣсто: mon cher и пр. просто: Monsieur! Вотъ содержаніе записки въ переводѣ:

«Милостивый государь!

«Дѣло крайней важности требуетъ послѣдняго можетъ-быть въ этой жизни объясненія между нами, и потому на-

хожусь въ весьма непріятной для меня необходимости, просить васъ пожаловать ко мнѣ на дачу, немедленно по полученіи этихъ строкъ. Надѣюсь, что вы будете достаточно учтивы и не заставите меня долго ждать себя.»

«Графиня Анастасія де-Буриме.»

«Вотъ тебѣ разъ! подумалъ я: — quelle mouche a piqué ma tante? Что бы значило это, не только холодное, но даже колкое письмо? Что я такое сдѣлалъ? Ужь не узнала ли она о продѣлкахъ Ѳеши? Да я-то чѣмъ въ нихъ виноватъ?»

Тысяча подобныхъ вопросовъ осаждали мою голову, и я, не находя на нихъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, счелъ за самое лучшее тотчасъ же отправиться въ Паркъ, тѣмъ болѣе, что и въ запискѣ выражена была почти такая же жажда объясненія.

Я прошелъ залу и гостиную, не встрѣтивъ Ѳеши, и только въ кабинетѣ, гдѣ сторы были спущены, увидѣлъ я тетушку, полулежащую на кушеткѣ, съ повязанною бѣлымъ платкомъ головой, и обставленную со всѣхъ сторонъ разныхъ величинъ и формъ пузырьками. Сильный запахъ eau-de-Cologne распространялся въ комнатѣ.

— Что случилось? спросилъ я входя: — вы не здоровы?

— И вы меня спрашиваете! тихимъ голосомъ прошептала тетушка, — вы смѣете спрашивать!

— Что вы? что съ вами? объясните, ради Бога!

— Молодежь! — продолжала шептать тетушка — о безнравтственная молодежь! Нѣтъ, я не ожидала, чтобы вы были способны на подобный поступокъ!

— Боже мой! вскрикнулъ я: — послали ли вы за докторомъ?

— И вы еще надо мной смѣетесь! Вы меня уморили, уложили въ постель, и вы же смѣетесь!

— Это простуда, продолжалъ я, — у васъ жаръ и бредъ! Что вамъ прописано? Кто васъ лѣчитъ. Да гдѣ же Ѳеша?...

— Это изъ рукъ вонъ! простонала тетушка. — Какое гнусное притворство!.. И вы можете у меня спрашивать про Ѳешу? У васъ достаетъ духу?

— Я пойду позову ее.

— Поздно, сударь, я не приму ея.

— Какъ не примете?...

— Чтобы я пустила ее къ себѣ на глаза послѣ того, что она сдѣлала, послѣ того какъ она промѣняла меня на обольстительныя рѣчи моднаго Ловеласа, послѣ того какъ она, облагодѣтельствованная, воспитанная мною въ строгихъ правилахъ, сдѣлала такой скандалъ въ моемъ домѣ, убѣжала?... нѣтъ.... это кончено!

— Какъ убѣжала? спрашивалъ я въ ужасѣ.

— Кому же лучше знать какъ не вамъ, какъ все это сдѣлалось? язвительно замѣтила тетушка.

— Клянусь вамъ, я ничего не знаю!.. Но Боже мой! неужели это правда? Какъ, она бѣжала?

— Нѣтъ! это ужь слишкомъ! сказала тетушка вставая. — Такое безстыдство возмутительно! Я имѣю вамъ только сказать одно: чтобъ вы не знали болѣе моего дома, чтобъ вы забыли о моемъ существованіи и нашемъ родствѣ.

Слышите ли? Я запрещаю вамъ переступать порогъ моего дома.

— Но за что же? объясните ради Бога.

— Мнѣ вамъ объястнить! О! вы хуже, нежели я думала. Я надѣялась, что вы пріѣдете ко мнѣ съ раскаяніемъ, со слезами, и я бы можетъ быть простила увлеченію молодости, но подобная наглость съ вашей стороны не простительна! Обмануть слѣпую довѣрчивость почтенной родственницы, увлечь неопытное сердце невинной дѣвочки и наконецъ увезти ее. Это ужасно! низко! не простительно! не простительно! Вы все это сдѣлали.

— Я? крикнулъ я изо всей мочи, — я увезъ Ѳешу?

— Не вы ли предлагали Полосушкину отказаться отъ несчастной дѣвочки, не вы ли предлагали ему сперва двѣ тысячи цѣлковыхъ, и наконецъ какія-то брилліянты, стоившіе шесть тысячь, не вы ли уговаривали его принять въ резонъ разницу лѣтъ и многое другое? и послѣ всего этого вы смѣете сказать, что не вы увезли Ѳешу?

— Клянусь вамъ, я незнаю ничего, я въ эсомъ бѣгствѣ не повиненъ, честью увѣряю васъ!....

— Гдѣ Ѳеша? строго спросила тетушка: — куда вы ее дѣвали? Что вы съ ней сдѣлали? Гдѣ Ѳеша? Гдѣ она!...

— Не знаю, не знаю, не знаю, повторялъ я въ отчаяніи.

— Какая ваша цѣль? продолжала тетушка, ходя по комнатѣ и забывъ недуги: — какую будущность готовите вы ей несчастной? Жениться вы на ней не можете, да если бы и пришла вамъ эта глупость въ голову, я, за отсутствіемъ вашихъ ближнихъ родныхъ, не допущу васъ до этого. Если жь

это была прихоть, одинъ капризъ, то это ужасно! Не говоря уже, что вы сгубили навсегда бѣдную дѣвушку, вы показали полное неуваженіе ко мнѣ, если осмѣлились сдѣлать подобной скандалъ въ моемъ, всѣми уважаемомъ, домѣ. Подобныя оскорбленія не прощаются.

— Тетушка! началъ я. — видитъ Богъ, что не я увезъ Ѳешу, но не могу умолчать, что я давно зналъ многое, чего вы не знали, что я даже предугадывалъ этотъ случай. Извините меня, но я зналъ Ѳешу лучше васъ.

— Лучше меня? вы знали ее лучше меня?

— У ней были дурныя наклонности.

— Этого только не доставало! Значитъ и я съ дурными наклонностями? значитъ и мои правила дурны?

— Боже меня избави подумать это, не только сказать, возразилъ я, — но Ѳеша давно замышляла побѣгъ съ человѣкомъ весьма богатымъ, который давно за ней ухаживалъ безъ успѣха, не смотря на огромныя его траты. Она, кажется, надѣялась выйдти за него замужъ, но сватовство Полосушкина послужило къ ея гибели: Ѳеша, доведенная до отчаянія, вѣроятно рѣшилась убѣжать съ богатымъ искателемъ приключеній. Вините въ этомъ только себя, тетушка, и манеру вашего воспитанія.

— Хитро придуманная исторія! сказала тетушка: — предположимъ, что я ей вѣрю, но допустимъ нѣсколько вопросовъ. Возможно ли, чтобъ въ моемъ домѣ, безъ вѣдома моего, могъ быть этотъ богатый обольститель? кромѣ васъ никого не было.

— Онъ не переступалъ порога вашего дома.

— Гдѣ же они видались?

— Въ саду, здѣсь, у самой террассы.

— Быть этого не можетъ! вскрикнула тетушка.

— Я самъ видѣлъ.

— Что же вы молчали?

— Конечно, это было необдуманно съ моей стороны, и я каюсь въ томъ; но я далъ честное слово Ѳешѣ не выдавать ея легкомысленныхъ поступковъ: тайнаго катанья съ незнакомымъ мущиной, свиданій, подарковъ и прочаго, въ то время, когда я не могъ предвидѣть послѣдствій. Въ этомъ только вы можете упрекнуть меня, а болѣе ни въ чемъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала тетушка, — назовите похитителя, дѣло можетъ поправиться, я найду слѣды, отыщу и увижу, что дѣлать. Назовите, кто онъ!

— Я незнаю.

— Не знаете? Ну такъ это ложь! Не можетъ быть, чтобъ Ѳеша, откровенная съ вами, не сказала вамъ его фамиліи.

— Она сама ея не знала.

— Она не знала съ кѣмъ бѣжала?

— Нѣтъ!

Тетушка громко расхохоталась.

— Это забавно! продолжала она смѣясь: — вы, кажется, слишкомъ дурнаго обо мнѣ мнѣнія; но я не такъ глупа, какъ вы думаете, чтобы повѣрить подобной несодѣянности. Вы очень хитры и лукавы, но вамъ не провести меня. Это самое объясненіе, весьма впрочемъ неискусное, обвиняетъ васъ еще болѣе. Но довольно! будетъ и того, если я скажу вамъ, что я ничему не вѣрю. И по-

тому прошу васъ оставить меня въ покоѣ и никогда не смѣть тревожить своимъ присутствіемъ. Ѳешу я не хочу видѣть. Васъ же, милостивый государь, я никогда не прощу. Вы отняли у меня послѣднее утѣшеніе; теперь только я понимаю, какъ я была привязана къ этой дѣвочкѣ; она была моимъ развлеченіемъ, моею игрушкой, а я теперь по милости вашей осталась одна, одна совершенно!

Старуха горько заплакала.

— Прощайте, тетушка! отвѣчалъ я, — но да будетъ вамъ извѣстно, что я, во что бы то ни стало, найду слѣды Ѳеши, узнаю, кто увезъ ее и тогда вы по неволѣ должны будете сознаться, что мало знали меня, если не вѣрили моей чести.

— Ну, хорошо, хорошо: будетъ! утомленнымъ голосомъ сказала тетушка.

— Нѣтъ, тетушка, сказалъ я: — какъ та партія, которую мы не кончили въ гостиной, такъ этотъ поединокъ между нами не конченъ. Мы еще увидимся съ вами, и тогда не мнѣ, а вамъ придется защищаться.

— Хорошо, прощайте, простонала старуха

— До свиданія, тетушка! сказалъ я, ударяя на это слово, и гордо прошелъ до самой передней, гдѣ Анисимъ въ томъ же фракѣ, но какъ будто постарѣвшій нѣсколькими годами, сидѣлъ на дубовомъ диванѣ, грустно свѣсивъ голову.

— Что? спросилъ я, положа ему руку на плечо: — Ѳеша то? ушла?

— Ушла! отвѣчалъ Анисимъ, и крупныя слезы потекли по старому лицу его.

— На кого ты думаешь? спросилъ я.

— И не придумаю! сказалъ онъ, вставая: — лукава была, разбойница, и слѣды всѣ замела.

— Я можетъ быть найду, узнаю....

— Батюшка! отецъ родной! будьте благодѣтелемъ! сквозь слезы бормоталъ Анисимъ, ловя мою руку.

— Ты очень любилъ ее, замѣтилъ я.

— Одна была! сказалъ онъ. Горькія рыданія заглушили голосъ старика; я поспѣшилъ выйдти, бросился въ карету и уѣхалъ.

Встревоженный и огорченный, не столько бѣгствомъ Ѳеши, сколько неожиданнымъ и непріятнымъ для меня исходомъ всего этого дѣла, я, въ ожиданіи письма изъ Петербурга, оставилъ паркъ надолго, бросился въ Сокольники и другія открытыя въ то время публикѣ мѣста, гдѣ непремѣнно ожидалъ встрѣтить Ѳешу; но всѣ мои попытки оказались неудачными, допросы и поиски напрасными: Ѳеши нигдѣ не было, Ѳеша точно въ воду канула. Разъ только, въ молоденькой, весьма нарядной дамочкѣ, небрежно развалившейся въ коляскѣ и обогнавшей мою измученную пару всею силою своихъ вороныхъ рысаковъ, я почти готовъ былъ найдти сходство съ Ѳешей; но это мнѣ только показалось; догнать же ее я не могъ.

Между тѣмъ ожидаемое письмо не замедлило явиться. Меня отсылали въ одно изъ нашихъ имѣній, состоящее Л. губерніи, О. уѣзда, гдѣ лѣтъ десять никто изъ нашего семейства не былъ, и гдѣ управитель выказывалъ большое расположеніе къ любостяжанію, за что мнѣ предписывалось

раэсчесть его и учтивымъ образомъ выпроводить вонъ изъ теплаго гнѣздышка. Впрочемъ поѣздка въ деревню не была мнѣ очень непріятна, особенно послѣ всего случившагося въ паркѣ. Скоро пролетѣлъ я по широкой бѣлой полосѣ шоссе, простиравшагося только на двѣсти верстъ, и съ грустью помышлялъ о столькихъ же другихъ, которыя я долженъ былъ одолѣть по простой, столбовой, большой дорогѣ. Но на этотъ разъ, въ іюлѣ, дорога была хороша. На послѣдней станціи, стоявшей на шоссе, мнѣ запрягли свѣжихъ лошадей, и я садился уже въ экипажъ, какъ вдругъ увидѣлъ превосходный дормезъ, запряженный четверкой ямскихъ лошадей, быстро подкатившій къ станціи и остановившійся почти рядомъ съ моею каретой. Я высунулся въ окно посмотрѣть на пріѣзжихъ; но сторы въ ихъ каретѣ были спущены. У щегольски одѣтаго лакея, торопившаго ямщиковъ, я спросилъ, чей это дормезъ, но ямщикъ мой свиснулъ, и я уѣхалъ, не разслышавъ сказанной фамиліи.

Становилось темно, когда я подъѣхалъ къ слѣдующей станціи, но несмотря на то, что-то красное, разостланное на полу, обратило мое вниманіе; я вышелъ изъ кареты, и подойдя ближе, замѣтилъ, что ближайшая къ станціонному дому большая изба была превращена чьимъ-то стараніемъ во что-то необыкновенное. Пространство аршина на три отъ крыльца, какъ и самое крыльцо, было обтянуто краснымъ сукномъ; сѣни были густо обвиты свѣжимъ плющемъ и обставлены срубленными березами. Толпа мужиковъ и ребятишекъ стояла передъ крыльцомъ, и всѣ, болѣе или менѣе, почесываясь и перебрасываясь лаконическими замѣ-

чаніями, глазѣли на невиданное зрѣлище. Я подошелъ ближе и спросилъ перваго подвернувшагося мужичка:

— Что здѣсь, свадьба, что ли?

— Какая свадьба, отвѣчалъ онъ, — не свадьба.

— Ждутъ, что ли, кого?

— Сказываютъ, ждутъ, отвѣчалъ мужикъ.

— Кого же?

— Кого? переспросилъ онъ, — не сказываютъ кого.

— Да кто же это и избу разукрасилъ, и сукно постлалъ, и цвѣтовъ поставилъ? продолжалъ я спрашивать.

— А кто его знаетъ! молвилъ мужикъ. — Нонѣ такъ, къ примѣру, въ обѣдъ, солнце еще гдѣ было, пріѣхали на поштовыхъ сюда три, видишь ты, подводы не подводы, лежанцы, не лежанцы, длинныя такія, какъ кибитки словно.

— Ну!...

— Двѣ-то дальше, къ примѣру, поѣхали, а одна-то здѣсь, выходитъ, осталась. Вотъ осталась она туто-ти; изъ нея, глядимъ, прыгъ, баринъ не баринъ, а такой бравый, изъ себя ловкій, холопъ что ли онъ, нанялъ избу, вотъ евту самую, Бориса Тягунова, что Качаномъ зовутъ; нанялъ и давай разгружаться изъ евтой, къ примѣру, кибитки-то.

— Это удивительно! замѣтилъ я.

— Ужь и мы съ ребятами не мало дивовались, продолжалъ мужикъ: — какъ пошелъ онъ изъ нея таскать, изъ кибитки-то, ужь чего онъ только изъ нея, Господи ты Боже мой, не повытаскалъ! Повытаскалъ, да вонъ, ишь ты какъ

разукрасилъ! Хитеръ народъ, подумаешь. Насъ внутро-то и не пущаетъ! Внутро-то и ни вѣсть чего понатаскано!

Я не могъ утерпѣть, чтобы не полюбопытствовать и не взойдти на крыльцо. Народъ, видя такую смѣлость съ моей стороны, почтительно разступился и далъ мнѣ дорогу. Вошелъ я въ сѣни, гдѣ неизбѣжная противуположная дверь, причиняющая вѣчный сквозной вѣтеръ, была заколочена. Кадки, корыта и прочая принадлежность крестьянскихъ сѣней были убраны; стѣны выбѣлены; неровный и дырявый полъ устланъ разныхъ величинъ коврами, домашней фабрикаціи. Дверь въ такъ-называемую чистую избу, или свѣтелку, была отворена, и я съ изумленіемъ замѣтилъ, что стѣны ея сверху до низу были увѣшены коврами, лавки покрыты красныхъ сукномъ, большой дубовой столъ чистою салфеткой; на окнахъ были разставлены серебряныя принадлежности мужскаго и женскаго туалетовъ, а на другомъ столѣ дорогой серебряный чайный сервизъ. Въ двухъ противоположныхъ углахъ стояли двѣ складныя кровати, огороженныя ширмами. Полюбовавшись роскошью этого микроскопическаго апартамента и подивясь комфорту, нѣсколько излишнему, съ которымъ можетъ путешествовать только одинъ русскій баринъ, я вышелъ изъ сѣней, когда высокій, ловкій, щегольски одѣтый лакей, при часахъ и цѣпочкѣ, самодовольно куря сигару, всходилъ на крыльцо.

— Кого вамъ? окликнулъ онъ меня довольно грубо.

— Тебя, — отвѣчалъ я, окинувъ его взглядомъ, и прибавилъ: — Чей ты?

Лакей, поспѣшно спрятавъ сигарку за спину и низко кланяясь, отвѣчалъ:

— Господина Отлетаева-съ.

— Чей? переспросилъ я, ожидая услышать какое-нибудь громкое имя, — чей?

— Отлетаева-съ, отвѣчалъ лакей: — Сергѣя Васильевича-съ.

— Не знаю, сказалъ я, — не слыхалъ никогда. Что онъ служитъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Женатъ?

— Какже-съ.

— На комъ?

— На Сторковой, Надеждѣ Николаевнѣ.

Не успѣлъ я сойдти съ крыльца, какъ тотъ самый дормезъ, который я видѣлъ на послѣдней станціи, быстро подкатился къ красному сукну, разостланному у подъѣзда, и два лакея спрыгнули съ своихъ мѣстъ. Дверца отворилась и, сколько позволяла набѣжавшая темнота, я замѣтилъ, что худенькій небольшаго роста мущина, легко выпрыгнувъ изъ кареты, подалъ руку молодой, повидимому, женщинѣ и, полный вниманія и заботливости, повелъ ее на крыльцо. Лицо дамы было подъ вуалемъ, и потому трудно было разсмотрѣть его; впрочемъ, ни будь вуаля, темнота также бы скрыла ея черты отъ моихъ жадныхъ взоровъ. Чета ушла въ свое роскошное убѣжище, а я поѣхалъ дальше, и долго думалъ обо всемъ видѣнномъ, всячески стараясь припомнить фамилію барина и весьма удивляясь замѣтному размноженію

богачей на бѣломъ свѣтѣ. Одинъ, думалъ я, даритъ горничной тысячи; другой ѣздитъ съ женой какъ принцъ крови... ужь не поднялись ли цѣны на хлѣбъ или не нашли ли эти люди свою Калифорнію? Съ этими мыслями я заснулъ, и меня сроннаго на другое утро привезли въ деревню.

Управитель моего имѣнія оказался плутомъ, съ которымъ я, несмотря на всѣ его уловки и хитрости, скоро покончилъ.

Занятый хозяйствомъ, я и не замѣчалъ какъ проходило время; имѣніе наше граничило со всѣхъ сторонъ съ имѣніями многихъ другихъ помѣщиковъ; но они, кака люди весьма богатые, жили постоянно въ столицахъ и предоставляли управителямъ играть роль хозяевъ, что тѣ конечно исполняли съ особеннымъ усердіемъ. Это безлюдье было мнѣ по сердцу и избавляло отъ набѣговъ сосѣдей, часто весьма непріятныхъ; одиночество отзывалось въ душѣ моей какою-то грустью и особенною настроенностью къ мечтательности. Не рѣдко приходила мнѣ на умъ и бѣдная Ѳеша, и воображеніе въ разныхъ видахъ и разными красками рисовало мнѣ ея будущность. Между тѣмъ насталъ и августъ. Румяныя яблоки дружною семьей тѣснились на вѣткахъ, согнувшихся подъ тяжестью и подпертыхъ жердями; слабосильная липа первая начала понемногу сбрасывать съ себя полинялый листъ и предвѣщать своимъ товарищамъ, другимъ деревьямъ, ту же неминуемую печальную участь; георгины, крупныя, махровыя, выставляли напоказъ замысловатое сочетаніе красокъ, ихъ составляющее, и какъ будто гордились своею красотой передъ другими

цвѣтами, какъ франты средней руки передъ мелкимъ людомъ коломенской вечеринки. Такъ жилъ я, какъ въ одно прекрасное утро мнѣ доложили, что Антонъ Иванычъ Трезвонинъ пріѣхалъ и желаетъ меня видѣть.

Я поспѣшилъ въ гостиную. Гость мой стоялъ передъ зеркаломъ и поправлялъ густые свои волосы, причесанные хохломъ. Вся фигура его отражалась въ огромномъ зеркалѣ, занимавшемъ простѣнокъ между двумя окнами гостиной. Я замедлялъ нѣсколько шаги, чтобъ хорошенько разсмотрѣть гостя. Онъ былъ очень высокаго роста, худъ и гибокъ; продолговатое лицо его было бѣло и румяно и, отражаясь въ зеркалѣ, самодовольно улыбалось, выказывая два ряда прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ. Длинные и костлявые пальцы его расправляли и взбивали огромный хохолъ, совершенно чернаго цвѣта, но лишенный блеска и мягкости. Одѣтъ онъ былъ весь въ черномъ, во фракѣ съ коротенькою таліей, длинными узкими фалдами и съ такими же узкими рукавами; жилетъ и галстукъ были тоже черные, что̀ выставляло еще рѣзче на видъ безукоризненную бѣлизну его сорочки, или, какъ я послѣ замѣтилъ, не сорочки, а манишки. Ноги сосѣда были такъ длинны и такъ тонки, что, казалось, такъ вотъ и переломятся при малѣйшимъ движеніи, и все угловатое костистое существо его разсыплется на части. На видъ ему казалось лѣтъ сорокъ, но когда, заслышавъ мое приближеніе, онъ обернулся и, сдѣлавъ ко мнѣ два исполинскіе шага, началъ раскланиваться, я удивился: въ этомъ существѣ все было искусственно; сосѣдъ былъ старикъ, только подновленный и разрисованный. И онъ шаркалъ пе-

редо мной, стуча ножкой, хорохорясь, охорашиваясь и желая скрыть свои пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ подъ личиной купленной въ магазинахъ молодости.

— Трезвонинъ! сказалъ онъ тонкимъ, женскимъ голоскомъ, все продолжая шаркать и протягивая мнѣ руку. — Я давно былъ бы у васъ, но уѣзжалъ въ другія мои имѣнія. Возвращаюсь, и узнаю, что новый сосѣдъ пріѣхалъ, что сосѣдъ — человѣкъ холостой, молодой.... ну, думаю, между холостыми людьми не должно быть церемоній: вотъ я и пріѣхалъ.

— Очень вамъ обязанъ, отвѣчалъ я, — прошу покорно садиться.

Мы сѣли. Трезвонинъ старался принять граціозную позу и, раскрывъ двойной черный дамскій лорнетъ, висѣвшій на черной же муаровой лентѣ, поднесъ его къ большимъ и нѣкогда вѣроятно прекраснымъ глазамъ своимъ, и началъ разсѣянно осматривать потолокъ и стѣны комнаты, просто оштукатуренной и просто выбѣленной.

— Вы постоянно живете въ деревнѣ? спросилъ я.

— Да-съ, теперь, запищалъ Трезвонинъ, — отъ скуки и для отдохновенія. Мнѣ, знаете, все надоѣло. Живалъ я и въ столицахъ, надоѣло; все приглядѣлось, все пріѣлось. Я вамъ скажу безъ зазрѣнія совѣсти, что я избалованъ женщинами! Да-съ, я очень счастливъ по этой части.

Трезвонинъ засмѣялся и взглянулъ на себя въ зеркало, что онъ дѣлалъ поминутно во время разговора.

— Женщины меня измучили, продолжалъ онъ: — ктому же у меня такой непостоянный характеръ, я легко увле-

каюсь, легко и охлаждаюсь, я человѣкъ минуты, впечатлѣній не ношу долго, я ихъ мѣняю какъ перчатки — впечатлѣнія. Я молодъ еще, очень молодъ, характеромъ то-есть молодъ, хотя пожилъ, даже отжилъ, — морально то-естъ отжилъ. А впрочемъ....

Онъ взглянулъ въ зеркало и потомъ на меня.

— Вы еще очень свѣжи, не безъ злости молвилъ я.

Трезвонинъ опустилъ глаза какъ женщина, и переминаясь, съ улыбкой молвилъ:

— Это.... съ весною....

Насилу удержался я отъ смѣха, и чтобы дать другой оборотъ и мыслямъ и разговору, я спросилъ сосѣда, не угодно ли ему сигару.

— О! нѣтъ, сказалъ онъ, — я не курю, мнѣ и вредно, да притомъ я человѣкъ будуарный, мнѣ бы только жить въ вѣкъ пудры и мушекъ....

Но я, однако же, безъ всякаго стыда закуривая папироску, сказалъ.

— А мнѣ позволите?... Это легкія.

— Сдѣлайте милость! пищалъ Трезвонинъ, — я только самъ не курю, а запахъ дыма могу сносить, особенно когда открыты окна.

Настало молчаніе.

— Скажите, спросилъ я сосѣда, — какъ вы проводите время въ деревнѣ? вамъ должно быть скучно, какъ свѣтскому человѣку? или вы занимаетесь хозяйствомъ, охотой, литературой?...

— Нѣтъ-съ, некогда! отвѣчалъ онъ, — знакомство и

здѣсь у меня большое: сегодня тамъ, завтра въ другомъ мѣстѣ. Пріѣдешь, дамы обступятъ: Трезвонинъ, что новаго? Трезвонинъ, гдѣ были? Всѣ меня, могу сказать, любятъ: я очень счастливъ по этой части....

— Это пріятно.

— Конечно-съ, продолжалъ сосѣдъ, потупляя глаза; — но и то сказать: надоѣдаетъ. Иногда не можется, лѣнь, а надо любезничать.

— Да здѣсь, кажется, никого и нѣтъ по сосѣдству....

— Помилуйте!... Да вотъ, я отъ васъ ѣду обѣдать въ одинъ домъ.... первый по уѣзду. Живутъ отлично. Хозяинъ просто, что̀ называется, баринъ.

— Кто же это такой?

— Корнетъ Отлетаевъ.

— Вотъ какъ! Развѣ мнѣ онъ сосѣдъ?

— Всего пятнадцать верстъ. Вы у него были?

— Нѣтъ.

— Неужто не были-съ?

— Я съ нимъ не знакомъ.

— Что жь такое? все бы съѣздили.

— Къ какой же стати?...

— Первый человѣкъ по уѣзду, въ предводители выбирали, отказался, богачъ, то-есть просто разливанное море! Представьте, три тысячи душъ въ одномъ мѣстѣ, правда заложены; десять тысячъ десятинъ земли, натощакъ не выговоришь, десять тысячъ десятинъ земли, и на милліонъ лѣсу, хотя и говорятъ много срублено, да все-таки на милліонъ лѣсу.

— Это большое состояніе, замѣтилъ я.

— Огромное! Да что за люди! Совершенно комъ-иль-фо! Я у нихъ очень часто, свой человѣкъ. Я такъ счастливъ, что вездѣ свой человѣкъ. И жена его.... прелесть женщина.... я бы желалъ, чтобы вы видѣли Нину....

— Какъ вы сказали? быстро спросилъ я.

— Нина. Между нами, я въ этомъ домѣ поставленъ въ ложное положеніе: съ одной стороны мужъ — молодой человѣкъ, прекрасный малый, мой пріятель; съ другой Нина — существо нѣжное, слабое, привязчивое....

— Ну-съ, такъ что же? спросилъ я.

— Такъ-съ.... неловко, знаете... запинаясь и опуская глаза шепталъ Трезвонинъ, потомъ вынулъ изъ кармана флаконъ, понюхалъ спирту, положилъ флаконъ въ карманъ и взялся за шляпу, а я, припоминая встрѣчу съ Отлетаевымъ, сказалъ:

— А мнѣ говорили, что Отлетаевъ внимателенъ къ женѣ....

— Да-съ, онъ внимателенъ, пропищалъ Трезвонинъ вставая, — любитъ ее, и она тоже, я вѣдь ничего не говорю!... и дай Богъ, чтобъ ихъ согласіе было прочно, никто этого такъ сильно не желалъ бы, какъ я....

Сосѣдъ взглянулъ въ зеркало и опустилъ глаза. Я насилу могъ удерживать смѣхъ, но не скрывалъ улыбки, которой онъ не понялъ.

— Однакожь пора, а то опоздаю! сказалъ Трезвонинъ, снова шаркая длинными ножками, хорохорясь и корча юношу. — Прощайте, очень радъ, сидѣлъ бы дольше, да

никакъ нельзя.... не могу.... Что̀ сказать отъ васъ Отлетаеву?

— Ничего, быстро отвѣчалъ я, — рѣшительно ничего.

— Такъ вы къ нему и не съѣздите?

— Такъ и не съѣзжу.

— Грѣшно! посмотрѣли бы Нину.

— Я скоро ѣду въ Петербургъ.

— Жаль! продолжалъ Трезвонинъ, идя къ двери, — а то бы я васъ познакомилъ со всѣми здѣшними женщинами, передалъ бы вамъ ихъ съ рукъ, на руки я ужь усталъ, право усталъ!... я старый левъ.... пора на смѣну....

Съ этими словами Трезвонинъ вышелъ въ переднюю, куда и я проводилъ его, не столько изъ учтивости, сколько для того, чтобы еще насладится его лицезрѣніемъ.

— Что это безпокоитесь! проговорилъ онъ мнѣ въ передней, надѣвая шляпу и принимая изъ рукъ лакея свою черную альмавиву. — Милости прошу ко мнѣ; близко, рукой подать; безъ церемоніи, какъ слѣдуетъ между холостыми людьми.

Съ этими словами Трезвонинъ, прыгая какъ юноша, съ ступеньки на ступеньку, направился къ своему экипажу, легкой двумѣстной весьма старой колясочкѣ, запряженной четвернею разношерстныхъ лошадей, управляемыхъ худенькимъ, старымъ человѣкомъ, которому когда-то было сказано: ты будь кучеромъ! что онъ съ тѣхъ самыхъ поръ есть и чѣмъ до скончанія жизни будетъ.

Я вышелъ тоже на крыльцо. Трезвонинъ обмѣнялся со мною послѣднимъ поклономъ и звонко крикнулъ:

— Пошелъ!

— Куда? угрюмо спросилъ возведенный въ званіе кучера человѣкъ, оборотясь къ барину.

— Къ Отлетаеву! сказалъ Трезвонинъ, и пока лакей его садился на козлы, глубоко съ намѣреніемъ вздохнулъ и тихо произнесъ: — къ ней!

Коляска тронулась и скоро скрылась изъ виду, а я все еще стоялъ на крыльцѣ и долго не могъ придти въ себя отъ удивленія, что на Руси бываютъ моральные уродцы, подобные Трезвонину.

Прошла недѣля, другая; полевая работа приходила къ концу, и я задумывалъ уже обратную поѣздку въ Петербургъ, но визитъ Трезвонину лежалъ у меня на совѣсти; я выбралъ наконецъ день и отправился въ старинномъ кабріолетѣ, отысканномъ между рухлядью каретнаго сарая, къ оригинальному сосѣду. Наружный видъ его домика не обѣщалъ ничего хорошаго; но какъ часто бываетъ, такъ и на этотъ разъ наружность была обманчива. Домикъ былъ невеликъ, но опрятно содержанъ, даже черезъ чуръ. На подзеркальникахъ были разставлены разныя фарфоровыя, бронзовыя и хрустальныя штучки въ изумительномъ порядкѣ. Вообще, какъ я узналъ послѣ, хозяинъ, занимавшійся самъ устанавливаніемъ игрушекъ вездѣ, гдѣ только было можно ихъ поставить, любилъ чистоту и порядокъ въ домѣ, а хозяйственную часть предоставлялъ на произволъ судьбы, старосты и экономки Анны Ивановны, женщины лѣтъ подъ сорокъ, толстой и румяной, которою, по секретнымъ причинамъ, онъ уважалъ и даже боялся. Съ утра до ночи занятый собой и своимъ туалетомъ, Трезво-

нинъ предоставлялъ Аннѣ Ивановнѣ всю власть хозяйничать и распоряжаться, ѣздить по полямъ, продавать хлѣбъ изъ всѣхъ его имѣній, составлявшихъ въ сложности триста душъ и тысячу десятинъ земли, вести расходъ, хранить у себя деньги и выдавать ему изъ нихъ, по мѣрѣ надобности, на покупку быстро истощавшихся запасовъ румянъ, бѣлилъ, пудры, фабры и прочаго.

Трезвонинъ былъ дома, когда ему доложили о моемъ пріѣздѣ, и видимо довольный, съ тѣмъ же шарканьемъ, молодцовато принялъ меня въ третьей комнатѣ, которая, по всей вѣроятности, была его уборною, о чемъ свидѣтельствовали огромное зеркало и столики, заставленные множествомъ баночекъ, коробочекъ, флаконовъ, ножницъ всякаго фасона, пилочекъ, щеточекъ, гребешковъ, и прочаго. Онъ былъ точно такъ же разрисованъ, какъ и прежде, только одѣтъ иначе: на тонкихъ ножкахъ его болтались чрезвычайно широкіе черные шаровары, черное бархатное прямое пальто, въ видѣ мѣшка, висѣло, какъ на вѣшалкѣ, на костистыхъ плечахъ; воротнички бѣлой манишки были отложены à l'enfant, и длинный кусокъ атласа, ярко-розоваго цвѣта, вѣроятно остатокъ отъ шляпки Анны Ивановны, обнималъ сухую его шею, и завязанный небрежнымъ бантомъ, граціозно падалъ двумя концами на черный бархатъ. Трезвонинъ твердо былъ убѣжденъ, что онъ очень интересенъ въ этомъ небрежномъ нарядѣ. Когда мы вошли въ этотъ пріютъ, третье лице, низенькое и полное, среднихъ лѣтъ, съ гладенькою головкой, одѣтое съ ногъ до головы въ сѣренькое же трико, встало и поклонясь молча сѣло.

— Рекомендую, сказалъ Трезвонинъ: — сосѣдъ мой Иванъ Иванычъ Огородъ.

Огородъ всталъ, а Трезвонинъ, указывая на меня, назвалъ мое имя и фамилію.

Огородъ молча поклонился и сѣлъ снова.

Между мною и хозяиномъ начался пустой и безцвѣтный разговоръ, въ которомъ женщины и побѣды надъ ними играли первую роль.

— Припоминаю! неожиданно пробасилъ съ своего мѣста Огородъ и умолкъ также неожиданно.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Трезвонинъ понюхалъ спирту и посмотрѣлъ на что-то въ лорнетъ.

— Видалъ! пробасилъ снова Огородъ.

Я не зналъ что̀ и подумать.

— Какіе духи вы предпочитаете? спросилъ меня хозяинъ.

— Я не употребляю духовъ, отвѣчалъ я.

— Въ тридцатомъ году! прервалъ насъ Огородъ.

Мы замолчали. Я ждалъ, что̀ будетъ. Прошла минута.

— Въ Москвѣ, снова продолжалъ Огородъ и остановился.

Еще прошла минута.

— Въ клубѣ, опять проговорилъ Огородъ и, собравшись съ духомъ, кончилъ залпомъ и скороговоркой: — Припоминаю, видалъ въ тридцатомъ году, въ Москвѣ, въ клубѣ, вашего батюшку!

— Моего? спросилъ я, — очень можетъ быть.

— Можетъ, пробасилъ онъ и смолкъ, но чрезъ минуту продолжалъ: — и матушку.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ я.

— Былъ, продолжалъ онъ, — принятъ, и послѣ минутнаго молчанія прибавилъ: — въ домѣ.

Казалось, что Огороду, какъ съ сокровищемъ, было трудно разстаться съ каждымъ словомъ. Между тѣмъ тотъ же лакей, который сопровождалъ Трезвонина ко мнѣ, подалъ намъ чаю. Огородъ взялъ стаканъ и прогремѣвъ:

— Припоминаю! долго мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ, послѣ чего вымолвилъ: — Видалъ и васъ, — глотнулъ раза два чаю и кончилъ скороговоркою: — Видалъ и васъ ребенкомъ.

Я ему сказалъ какую-то любезность и принялся за чай.

— Вели мнѣ налить пожиже, пищалъ хозяинъ лакею: — развѣ Анна Ивановна не знаетъ, какъ слабы мои нервы?

Лакей вышелъ и скоро вернулся съ стаканомъ самаго жидкаго чая.

Но тутъ въ уборную вошло новое лицо.

— Василій Васильевичъ! сказалъ хозяинъ, и шаркая бросился на встрѣчу къ входившему высокому, плотному господину, съ лысою головой, украшенною только на вискахъ черными волосками, и съ большими черными усами. — Какими судьбами?

— Bonjour! важно сказалъ господинъ и также важно вошелъ въ комнату....

— Припоминаю! забасилъ было Огородъ...

— Хорошо, bonjour! сказалъ ему пріѣзжій.

Несчастному Огороду было суждено припоминать и никогда не высказывать своихъ припоминаній.

— Позвольте васъ познакомить, тонкимъ голоскомъ сказалъ Трезвонинъ и, назвавъ меня величавому барину, прибавилъ:

— Василій Васильевичъ Великодольскій, бывшій нашъ судья, обладатель пяти сотъ душъ отличнаго имѣнія, двухъ дѣвицъ отъ перваго супружества и ни одной еще отъ втораго.

Трезвонинъ видимо старался блеснуть умомъ. Василій Васильевичь важно взглянулъ на меня и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ на языкѣ, который считалъ вѣроятно за французскій; отвѣтами же моими остался повидимому доволенъ и съ высоты своего величія бросалъ мнѣ изрѣдка весьма благосклонные взгляды. Вообще Великодольскій держался прямо, голову носилъ гордо и смотрѣлъ на всѣхъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: удивляйтесь, благоговѣйте и будьте счастливы, что я, Великодольскій, къ вамъ ничтожнымъ смертнымъ благосклоненъ и милостивъ.

Великодольскій объявилъ, что завтра у Отлетаева прощальный обѣдъ, что онъ Великодольскій сейчасъ оттуда, и что корнетъ зоветъ Трезвонина и Огорода тоже завтра кушать, ибо самъ ѣдетъ скоро въ отъѣзжее поле съ нимъ Великодольскимъ.

— Не премину! сказалъ Огородъ, а хозяинъ шепнулъ мнѣ, указывая на Великодольскаго:

— Что у него за жена, я вамъ скажу! . . . . Но мнѣ кажется, что . . . она. . . .

Трезвонинъ опустилъ глаза и отошелъ отъ меня всторону, а Великодольскій удостоилъ меня еще однимъ весьма бла-

госклоннымъ взглядомъ, выражавшимъ отчасти удивленіе, почему я не тронутъ такою милостью?

Между тѣмъ становилось поздно. Я взялъ фуражку и началъ раскланиваться. Хозяинъ шаркалъ, и молодясь увѣрялъ меня, что никогда не забудетъ пріятныхъ минутъ, проведенныхъ со мною. Огородъ хотѣлъ что-то сказать, а можетъ быть и сказалъ по выходѣ моемъ. Великодольскій же важно обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ побывать у него, сказаннымъ въ видѣ торжественнаго приказанія, и съ особенною милостью подалъ мнѣ цѣлыхъ два толстыхъ пальца.

Еще разъ раскланявшись, я уѣхалъ, а черезъ два дня, въѣзжая въ уѣздный городъ, откуда лежалъ мой путь на Москву, увидалъ великолѣпную охоту, состоявшую человѣкъ изъ сорока, одѣтыхъ въ одинаковаго цвѣта платья съ галунами по швамъ, предводительствуемую небольшимъ черненькимъ, красивымъ господиномъ на арабской лошади, покрытой бархатнымъ, шитымъ золотомъ чапракомъ. Самъ же господинъ былъ облеченъ въ малиновый бархатъ, обложенный соболями, не смотря на то, что было еще тепло на солнцѣ и даже въ тѣни. Когда я спросилъ, чья охота? — мнѣ отвѣчали: Отлетаева.

VI.

Прошло послѣ моей поѣздки въ деревню восемь мѣсяцевъ, которые провелъ я въ Петербургѣ, и болѣе года, какъ я впервые узналъ Ѳешу. Невольно, даже посреди петербургскихъ развлеченій, вспоминалась мнѣ иногда эта бѣдная дѣвушка, ея худенькое личико, ея наивность, не лишенная граціи. По крайней мѣрѣ въ тѣ дни, когда мы съ вами, читатель, узнали Ѳешу, она не была знакома съ порокомъ, и вселяла къ себѣ сочувствіе, во мнѣ по краіней мѣрѣ; мудрено ли же, что дальнѣйшая судьба этого ребенка такъ занимала мою молодую голову, которая однакожь никакъ не могла придумать средствъ къ отысканію искусно затерянныхъ слѣдовъ своенравной бѣглянки. Въ началѣ мая я выѣхалъ изъ Петербурга. Въ Москвѣ узналъ я, что тетушка переѣхала уже въ паркъ, и живетъ опять на той же

дачѣ. Я долго думалъ, ѣхать ли мнѣ къ тетушкѣ, или нѣтъ, и наконецъ, предполагая, что можетъ-быть не вернулась ли къ ней Ѳеша, если не съ мужемъ, то по крайней мѣрѣ со слезами раскаянія и сознаніемъ своей грустной ошибки, и такимъ образомъ оправдала меня въ глазахъ графини, я рѣшился съѣздить къ ней на дачу. Навстрѣчу мнѣ вышелъ Анисимъ и объявилъ, что тетушка уѣхала куда-то на богомолье.

— Ну что Ѳеша? спросилъ я.

— Кто ее знаетъ? отвѣчалъ Анисимъ.

— Неужели нѣтъ слуху?...

— Ни слуху, ни духу, сударь, словно въ воду канула...

— Странно!

— Лучше бы ужь она умерла! сказалъ Анисимъ: — все бы легче было! На то была бы Божья воля, а то знать, что жива, а гдѣ обрѣтается, въ Москвѣ ли, въ иномъ ли мѣстѣ, не вѣдать — хуже вдвое!

Анисимъ отеръ украдкой слезу. Его тихая грусть хватала меня за сердце. Пользуясь отсутствіемъ тетушки, я вошелъ въ домъ и заглянулъ на террассу. Тѣ же кусты сирени, тѣ же акаціи цвѣли тѣмъ же цвѣтомъ, точно ихъ не общипывала осень, не пудрила зима; резеда такъ же точно наполняла воздухъ своимъ сильнымъ запахомъ, такія же пышныя розы горделиво качались на своихъ колючихъ вѣткахъ; но гдѣ была та живая, стройная роза, которой голосокъ раздавался въ этихъ кустахъ? Мнѣ стало тяжело, и я, быстро пройдя залу, спѣшилъ уѣхать; но Анисимъ, видимо

собиравшійся что-то сказать и не рѣшавшійся, остановилъ меня словами:

— Позвольте, сударь, васъ побезпокоить, собственно не изъ чего такого, а только изъ того, что все-таки я ей отецъ....

— Говори, любезный, что̀ такое?

— Да вотъ-съ я наслышанъ, будто и ихъ сіятельство того же разсужденія, будто, то-есть... извините....

— Ничего, продолжай...

— Будто Ѳешу-то мою... я право не смѣю и сказать-съ...

— Смѣлѣе, любезный, молвилъ я, догадываясь въ чемъ дѣло...

— Будто вы.... извините ей-Богу... будто Ѳеша-то съ вами убѣжала-съ... Такъ ужь если оно и такъ, будьте, сударь, милостивы, откройте мнѣ; я не побрезгаю: какая ни на есть, все дочь.

— Послушай, Анисимъ, прервалъ я старика, — точно тетушка того мнѣнія, что я увезъ Ѳешу, но вѣришь ты моей чести?

— Помилуйте, сударь, смѣю ли я не вѣрить...

— Ну, такъ я даю тебѣ честное слово, что рано или поздно, я отыщу Ѳешу и назову тебѣ похитителя...

— И на этомъ много благодаренъ, молвилъ Анисимъ, низко кланяясь.

— А теперь я могу тебѣ сказать только одно: не я увезъ Ѳешу, вѣрь этому, это правда. Прощай!

Я уѣхалъ. Однакожь, думалъ я дорогой, легко сказать:

отыщу, а каково-то исполнить! Гдѣ искать и какъ искать? Мнѣ досадно было, что я не могъ долѣе прожить въ Москвѣ, гдѣ конечно и слѣдовало искать Ѳешу, въ одной изъ отдаленныхъ частей города, въ какомъ-нибудь глухомъ или кривомъ переулкѣ, какими изобилуетъ Москва, въ деревянномъ домикѣ, убранномъ съ извѣстнаго рода роскошью, съ цвѣтами на окнахъ, въ домикѣ, къ которому ежедневно подъѣзжаетъ одна и та же карета, или лучше сказать, одно и то же лицо въ разныхъ можетъ-быть экипажахъ. Въ такомъ домикѣ, съ такою обстановкой, должна была неминуемо жить Ѳеша; но какъ отыскать этотъ домикъ? Оставайся я лѣто въ Москвѣ, публичныя гулянья, не смотря на неудачи прошлаго года, навѣрно указали бы мнѣ слѣды изчезнувшей Ѳеши, но я долженъ былъ ѣхать. Мнѣ казалось тоже страннымъ, что Ѳеша, живя въ одномъ городѣ съ отцомъ, не дала до сихъ поръ знать о себѣ. Если она боялась графини, то не могла ли она найдти тысячу случаевъ видѣть отца безъ ея вѣдома? Неужели боязнь отца въ ней сильнѣе раскаянія? И то сказать: раскаялась ли она еще? Можетъ-быть эта новая жизнь, безпечная, спокойная, даже веселая, пришлась ей по сердцу, и она забыла прошлое, всѣхъ и все, и предалась душою своему обольстителю. Тысячи предположеній, одно драматичнѣе другаго, толпились въ головѣ моей, когда я выѣзжалъ изъ Москвы. Дорогой я далъ себѣ однакожь обѣщаніе, какъ можно скорѣе покончить съ дѣлами въ деревнѣ, чтобы въ августѣ еще вернуться въ Москву и возобновить мои поиски. Предметы, встрѣчавшіеся по обѣимъ сторонамъ дороги, были тѣ же: тѣ же

гостинницы и въ нихъ тѣ же рубленыя котлеты съ горошкомъ, тѣ же станціи, тѣ же смотрители съ болѣе или менѣе красными носами, тѣ же ямщики, даже тѣ же лошади; все было мнѣ знакомо, и я готовъ былъ выразить удовольствіе свиданія каждому смотрителю, каждому ямщику, кромѣ котлетъ съ горошкомъ, но затаилъ однако въ душѣ эти благородные порывы. Какъ всякое начало имѣетъ свой конецъ, такъ и шоссе оборвалось за шлагбаумомъ казеннаго домика, справедливо взимающаго обычную дань за испытанное наслажденіе; но хотя и говорится, весьма впрочемъ справедливо, что конецъ вѣнчаетъ дѣло, бываютъ однако грустныя исключенія, и конецъ не увѣнчалъ моего путешествія, которое должно было продолжаться по весьма грязному пространству. Дождливый май, покрывшій и самое шоссе толстымъ слоемъ жидкой грязи, обратилъ остальное пространство въ тяжелое и неудобоодолѣваемое мѣсиво. Почтовая четверня всею силою кнута вывозила мою карету изъ растворившейся земли, на полъ-аршина прорѣзываемой колесами. Это было мученіе ни съ чѣмъ несравненное. Такъ ѣхалъ я сутки. На другой день къ вечеру стало удушливо-жарко; лошади были всѣ въ мылѣ и съ шагу на шагъ везли меня, измученнаго и жаромъ и грустнымъ способомъ передвиженія. Кузьма мой спалъ крѣпкимъ сномъ, сидя на козлахъ и качаясь изъ стороны вь сторону. Ямщикъ кричалъ ежеминутно то «эй, вы, соколики!», то «ну, вывози, что ли!» и многое другое. Свистъ кнута, взмахиваемаго и достигавшаго назначенія, ежеминутно раздавался въ моемъ слухѣ. Между тѣмъ огромныя черныя облака, разгуливавшія поодиночкѣ и попарно

по мутному небу, слились въ одно громадное цѣлое; все предвѣщало грозу. До станціи оставалось верстъ семь. Къ несчастію лошади мнѣ попались, такъ называемыя, *обратныя,* и хотя онѣ и чувствовали по инстикту близость своего пріюта, но, измученныя, едва передвигали ноги. Два тарантаса и одна карета обогнали насъ почти въ одно и то же время. Тщетно кричалъ я «пошелъ!» лошади шли не иначе какъ шагомъ. Между тѣмъ порывы вѣтра становились чаще, говоръ листьевъ тревожнѣе. Струя свѣта озарила окрестность и пропала. Тихій, отдаленный, глухой раскатъ грома вторилъ каждому потоку молніи, кривыми, ломаными линіями прорѣзавшей темную глубь обложеннаго неба. Крупныя капли дождя застучали по каретѣ, и не прошло четверти часа, какъ цѣлая масса воды хлынула съ неба; вѣтеръ постепенно усиливался, далекій громъ, грохотавшій по небу, вдругъ оборвался однимъ неистовымъ ударомъ; стало холодно, пошелъ градъ; непередаваемые звуки оглашали окрестность: протяжный заунывный свистъ вѣтра, гулъ проливаго дождя, дребезжаніе стеколъ подъ ударами града, унылое понуканье лошадей, плескъ разжиженной подъ колесами грязи съ густыми басовыми раскатами грома, все это вмѣстѣ хватало за сердце, нагоняло тоску и раздражало нервы. Наконецъ послѣ часа безплодной, неровной борьбы, побѣжденные и измученные, дотащились мы до почтовой станціи, давно уже занятой обогнавшими насъ путешественниками, расположившимися ночевать, на чтò рѣшился и я. Оказалось, что изъ трехъ постоялыхъ дворовъ, имѣющихся на разныхъ концахъ огромнаго села, два были

уже заняты семействами, пріѣхавшими съ другой стороны и укрывшимися отъ застигшей ихъ бури, а третій, за баснословную плату — по той причинѣ, что русскій человѣкъ въ дѣлѣ коммерческомъ любитъ пользоваться критическою минутой, — былъ предоставленъ въ мое распоряженіе. Я не могу передать того отраднаго чувства, которое я испыталъ послѣ такого непріятнаго путешествія, входя въ довольно просторную свѣтелку, оклеенную грошовыми обоями прямо по дереву, снабженную крошечными окнами, лавками, по стѣнамъ, столомъ въ углу и неизбѣжною двуспальною хозяйскою кроватью, съ высоко взбитыми пуховиками, подъ пестрымъ ситцевымъ пологомъ. Все это мнѣ показалось такъ хорошо, такъ спокойно, что я не промѣнялъ бы тогда этой избы ни на какую драгоцѣнность. Карету ввезли на дворъ, тощей четвернѣ дали корму, а буря все еще бушевала, казалось даже, съ большею силою. Кузьма принесъ мою шкатулку, погребецъ, подушки и многое другое. Не успѣлъ онъ уставить на столѣ весь мой чайный дорожный сервизъ, пока самоваръ пыхтѣлъ, закипая въ сѣнцахъ, а хозяйка хлопотала о кринкѣ сливокъ, какъ раздался густой и сдержанный тихою ѣздою гулъ разнокалиберныхъ бубенчиковъ. «Еще проѣзжающіе! подумалъ я — гдѣ-то они пріютятся?» Бубенчики замолкли въ дали. «Вотъ отважные! подумалъ я снова: проѣхали, бравируя грозу», которая такъ и рвалась въ маленькія окна моего небольшаго пріюта. Кузьма внесъ самоваръ, давно нечищенный, и поставивъ его на столъ, вышелъ. Я съ наслажденіемъ занялся приготовленіемъ чая, когда въ сѣняхъ послышался

говоръ, а удалившіеся было звуки бубенчиковъ снова приближались и становились слышнѣе и слышнѣе. По мѣрѣ ихъ приближенія, усиливался и говоръ въ сѣняхъ, я различалъ голосъ Кузьмы, о чемъ-то спорившаго съ хозяиномъ и еще какимъ-то третьимъ лицомъ.

— Что̀ тамъ такое? крикнулъ я.

Кузьма, вмѣсто всякаго отвѣта, пропустилъ темную стоявшую за нимъ фигуру, и высокій, стройный лакей, съ котораго вода текла, какъ съ гуся, переступилъ порогъ горницы и поклонился.

— Что́ тебѣ, любезный? спросилъ я лакея.

— Баринъ приказали кланяться-съ, отвѣчалъ онъ учтиво, съ нѣкоторымъ страхомъ посматривая на меня, — приказали сказать, что такъ какъ ѣхать невозможно, вездѣ все занято, то не позволите ли имъ здѣсь переждать только ливень?...

Положеніе было затруднительное: отказать совѣстно, принять скучно: Богъ знаетъ еще, что за человѣкъ.

— Чей ты? спросилъ я.

— Господина Отлетаева, отвѣчалъ лакей.

— Что за пропасть! подумалъ я: — никакъ видно мнѣ не отвертѣться отъ знакомства съ этимъ человѣкомъ.

— Скажи мнѣ, спросилъ я лакея: — онъ одинъ?

— Одни-съ.

— Ну, скажи, что, не́чего дѣлать, очень радъ, милости прошу, какъ-нибудь потѣснимся.

Лакей поклонился и вышелъ съ Кузьмой. На улицѣ было слышно движеніе, приближавшееся постепенно къ моей

двери. Наконецъ она снова отворилась, и Отлетаевъ влетѣлъ какъ вихрь, въ сопровожденіи своего лакея, навьюченнаго подушками, шкатулкой, кисетомъ, трубками и многимъ другимъ, въ мою комнату.

— Mille pardons, monsieur, de vous avoir dérangé, сказалъ онъ пріятнымъ, звучнымъ голосомъ, на чистомъ французскомъ языкѣ. — Пріютите запоздалаго странника отъ тѣхъ невѣроятностей, которыя совершаются въ природѣ! Представьте, я объѣхалъ все село: нигдѣ не пускаютъ! Всѣ дворы заняты, и заняты дамами. Place aux dames! Вошелъ было я въ курную избу, но это ужасъ: телята, куры, свиньи, грудные и всякіе ребята, мужики, бабы, и въ добавокъ старыя бабы, все это вмѣстѣ!... Я ужаснулся и бѣжалъ, бѣжалъ, не зная, что̀ дѣлать и куда дѣвать свою персону, какъ вдругъ узнаю, что этотъ дворъ занятъ проѣзжающимъ, но человѣкомъ одинокимъ. Спрашиваю: кѣмъ? — мнѣ отвѣчаютъ; я вспоминаю, хотя и дальнее, сосѣдство по деревнямъ, и рѣшаюсь просить у васъ пріюта. Вы были такъ любезны, что дозволили мнѣ раздѣлить съ вами это убогое пристанище, и вотъ я на лицо, весь какъ есть, вашъ покорнѣйшій слуга корнетъ Отлетаевъ.

Все это онъ говорилъ очень скоро, съ неподдѣльною веселостью, переминаясь съ ноги на ногу, потирая руки, шаркая и смѣясь.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ я, — но не взыщите: à la guerre, comme à la guerre, чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ. Садитесь, прошу васъ...

— Очень вамъ благодаренъ, весело отвѣчалъ Отлетаевъ,

и обратясь къ лакею, указалъ ему на лавку и прибавилъ очень скоро: — брось это все сюда, дай мнѣ въ зубы, то-есть трубку, и убирайся, согрѣйся, только не силь-ву-пле, не пѣнникомъ, а хоть щами, высохни и будь тутъ за дверью. Ступай.

Лакей положилъ вещи, подалъ ему трубку и вышелъ

— Извините, обратился корнетъ ко мнѣ, — что я при васъ отдаю приказанія, но они необходимы. И такъ мы съ вами знакомы? Я этого давно желалъ и слышалъ объ васъ очень много: между прочимъ то, что вы не хотѣли ко мнѣ пріѣхать...

— Не хотѣлъ! возразилъ я, — ce n'est pas le mot, или, пожалуй, я употреблю выраженіе «не хотѣлъ», только прибавя: «васъ собою безпокоить.»

— Прибавя еще, замѣтилъ быстро корнетъ, — «какъ вы теперь меня безпокоите»? Не правда ли?

— Извините, если я скажу неправда. Я очень радъ, что проведу вечеръ въ такомъ пріятномъ обществѣ. Но что же это я и не предложу вамъ чаю?

— Не знаю, что̀ вы не предложете? Я давно объ этомъ думаю, отвѣчалъ корнетъ, очень весело смѣясь.

— Значитъ вы не весь на лицо, какимъ себя рекомендовали.

— Совѣстно было прямо сказать: «дайте мнѣ чаю, смерть хочется.» Мы и такъ что-то съ вами, съ первыхъ минутъ знакомства, какъ точно вѣкъ живали, молвилъ также весело корнетъ.

— Я полагаю, что иначе и быть не можетъ между порядочными людьми.

— А кто вамъ сказалъ, что я порядочный человѣкъ? спросилъ меня Отлетаевъ: — я напротивъ самый безпорядочный человѣкъ! Узнайте только меня короче. Я ужасъ что̀ такое! Какая-то смѣсь добра и зла. Не удивляйтесь, что я съ перваго раза такъ откровененъ съ вами: это тоже одна изъ моихъ безпорядочностей — откровенность.

— Вы, я буду тоже откровененъ, вы прелюбезный человѣкъ, monsieur Отлетаевъ, сказалъ я ему, подавая стаканъ чаю, — и я благословляю грозу, которая доставила мнѣ такого собесѣдника.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ весело, — благодарю васъ разомъ за чай и за комплиментъ; но кстати о грозѣ. Гроза, вотъ вамъ мой характеръ. Гроза — корнетъ Отлетаевъ. Шумитъ, гремитъ, гадко, скверно, грязно, мокро, сыро, неистово, но чуть все улеглось, небо ясно, свѣтло, тепло, весело, смѣяться хочется. Ну вотъ, вотъ вамъ я.

— О! да вы еще поэтъ.

— Да, немножко: я поэтъ немножко, и музыкантъ немножко, и актеръ немножко, рисую немножко, пью немножко — это тоже по части художествъ, — а въ сущности я ровно ничего. И если разсудить, что̀ такое корнетъ Отлетаевъ? Ничего.

Теперь въ отставкѣ, былъ военный.

Вотъ что можно сказать о немъ при жизни, а по смерти останется только въ газетахъ, да и то врядъ ли, что выѣхалъ въ Ростовъ.

— Уничиженіе паче гордости! замѣтилъ я, подавая ему другой стаканъ.

— Кстати о гордости! началъ онъ: — съ чего взялъ раскрашенный Трезвонинъ, что вы человѣкъ пренеприступный?

— Не знаю. Я, кажется, не подавалъ повода къ такому заключенію; я дѣлалъ все, что̀ могъ: отдалъ ему визитъ.

— Онъ глупъ! рѣшилъ корнетъ и крикнулъ: — Ѳомка! трубку.

Ѳомка вошелъ и подалъ трубку, только не ту, которую Отлетаевъ уже выкурилъ, а другую, также роскошно украшеннную янтаремъ и серебромъ, что́ повторялось, я замѣтилъ, каждый разъ, когда онъ спрашивалъ трубку, а выкурилъ онъ ихъ пять.

— Вотъ чучело, этотъ Трезвонинъ! началъ опять корнетъ: — а вѣдь пожалуй тоже умнѣе меня. У него одна только страсть: молодиться, или двѣ: молодиться и мысленно побѣждать бѣдныхъ женщинъ всѣхъ странъ и возрастовъ, а я, несчастный человѣкъ: мнози борютъ мя страсти. Одинъ любитъ поэзію, другой вино, третій кухню, четвертый собакъ, пятый охоту, шестой лошадей, седьмой птицъ, тотъ женщинъ, этотъ кошекъ — одна впрочемъ порода: я все люблю, и поэзію, и вино, и кухню, и собакъ, и охоту, и лошадей, и птицъ, и кошекъ, и женщинъ, ну, словомъ сказать, все люблю... вѣдь это ужасно!

— Отчего же?

— Да помилуйте, не хватаетъ ни меня на удовлетвореніе всѣхъ этихъ страстей, ни даже денегъ не хватаетъ.

— Вы кажется такъ богаты?

— Да, конечно, есть еще, а скоро и я вылечу въ трубу,

право. Во мнѣ столько стремленій, что и не сообразишь. Къ несчастію, я понимаю хорошее, да еще вкусъ тонкій имѣю: ну вотъ и бѣда! Однимъ словомъ, во мнѣ столько же зла, сколько и добра.

— Съ большимъ количествомъ ума, прибавилъ я.

— А дѣлаю невѣроятныя, душу потрясающія, глупости.

— Удѣлъ всѣхъ умныхъ людей, замѣтилъ я.

— Подумаешь, что только дураки не дѣлаютъ глупостей.

— Нѣтъ глупости дураковъ такъ обыкновенны, что на нихъ никто не обращаетъ вниманія, а дурачество умнаго человѣка бросается въ глаза.

— И колетъ ихъ, возразилъ корнетъ. — Выходитъ лучше всего быть, такъ себѣ, середкой на половинѣ. Не глупъ и не уменъ, а такъ знаете, такъ. Правда?

— Нѣтъ! ужь лучше дѣлать глупости.

— Вотъ то-то и есть! Ѳомка! крикнулъ онъ, — трубку.

Лакей вошелъ, и пока онъ набивалъ и подавалъ барину трубку, а тотъ раскуривалъ, настало молчаніе, и я могъ хорошенько разсмотрѣть моего давнишняго знакамаго, въ первый разъ встрѣчаемаго такъ близко. Онъ былъ небольшаго роста, худъ, но повидимому очень силенъ, съ быстрыми, неуловимыми движеніями, съ пѣвучею скорою рѣчью. Короткіе, но вьющіеся отъ природы, черные его волосы кокетливыми кольцами ложились по высокому лбу и нѣсколько сжатымъ вискамъ. Маленькіе черные глазки его бросали молніи, и, вращаясь во всѣ стороны, казалось, пронизывали тѣ предметы, на которые смотрѣли. Тонкіе длин-

ные и также черные усы лежали будто двѣ піявки и рѣзко оттѣняли довольно полныя малиновыя губы, выказывавшія два ряда блестящихъ и ровныхъ зубовъ. Цвѣтъ лица его былъ тотъ, который Французы называютъ «basané» и который я назову не совсѣмъ вѣрно, если назову смуглымъ. Вообще лицо его было чисто азіятское, весьма впрочемъ пріятное. Выговоръ его былъ не совсѣмъ чистъ и ясенъ, но самая шепелявость его выговора придавала его рѣчи что-то такое, что̀ можно выразить только французскимъ словомъ *piquant*. Лицо, голосъ, непринужденная веселость и свобода движеній невольно располагали къ нему. Одѣтъ онъ былъ просто, но чисто и хорошо. Черный бархатный сюртучокъ, стянутый въ таліи, рѣзко выдавалъ бѣлизну его бѣлья; часы и цѣпочка, не бросаясь въ глаза, были вещи сами по себѣ очень дорогія. Огромный солитеръ блестѣлъ на указательномъ пальцѣ правой руки. Съ тѣхъ поръ какъ Отлетаевъ переступилъ порогъ моей комнаты, онъ ни на минуту не оставался спокоенъ, и во все время нашего разговора то ходилъ, то садился, то бралъ какую-нибудь вещь, и повертѣвъ ее въ рукахъ, принимался за другую, позабавясь которою, бралъ третью, или снова ходилъ, и такъ безпрерывно. Закуривъ трубку, онъ сѣлъ и сказалъ:

— Скажите мнѣ, только откровенно скажите, надоѣлъ я вамъ, или нѣтъ?

— Помилуйте! молвилъ я.

— Нѣтъ, безъ шутокъ? настаивалъ онъ: — вамъ не скучно со мною?

— Напротивъ, очень весело.

— Ну я очень радъ. Я такой человѣкъ — люблю повеселиться. La vie est si courte! Не люблю мечтателей, философовъ, мыслителей.... Не все ли сказано? Новаго ничего быть не можетъ. Стало быть надо жить, пока живется, не заботясь о будущемъ: было бы хорошо настоящее. Хотите я вамъ спою? спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, досталъ между двухъ подушекъ бережно завернутую въ шелковый чехолъ дорогую гитару, покрытую бронзой и перламутровыми инкрустаціями.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я.

— Да вы можете-быть по части италіянской, какое-нибудь этакое: Li ravviso! (и онъ запѣлъ тотъ самый мотивъ), — или vava-a superba? — и это мы знаемъ. (Онъ запѣлъ было и этотъ мотивъ). Только все это не то. Хорошо, очень хорошо, да не русское. Аріи только электризуютъ чувства, а наша заунывная пѣсенка раздражаетъ, а какъ перейдетъ она въ залихватскую, сердце просто выскочить хочетъ, кровь кипитъ, а ужъ о разумѣ и не думай: вотъ тутъ поле широкое для глупостей! Съ пѣсней все русское ни почемъ! Съ пѣсней на приступъ крѣпости идемъ! Съ пѣсней и другія крѣпости беремъ.... сердце красавицъ.... Эхъ!.. крикнулъ онъ изо всей мочи и, ударивъ по струнамъ, сыгралъ бѣгло и чисто какой-то пассажъ, и смѣнивъ его простымъ аккомпаниментомъ, началъ чистымъ груднымъ теноромъ заунывную русскую пѣсню.

Грусть тяжелаго воспоминанія слышалась въ этомъ прекрасномъ голосѣ, то дрожавшемъ на одной сильной нотѣ, то катившемся бѣглою и чистою руладкой. Но вотъ, кончивъ

граціозно нѣжное анданте на высокой нотѣ, онъ слилъ этотъ задушевный вздохъ съ новымъ быстрымъ мотивомъ, полнымъ страсти и увлеченія, и пѣлъ долго, пѣлъ отъ души, и повидимому забывая мое присутствіе. Когда я взглянулъ на Отлетаева, бросившаго гитару, я не узналъ его. Яркая краска горѣла на смуглыхъ щекахъ его, глаза блистали какимъ-то страшнымъ огнемъ, судорожная дрожь пробѣгала по всѣмъ его членамъ, онъ быстро вскочилъ и пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, сказалъ:

— Послѣ нѣсколькихъ такихъ пѣсенъ, спѣтыхъ женщинѣ и вызванныхъ ею, она бы или страстно, безумно полюбила меня, или на всю жизнь возненавидѣла. Послѣ такой пѣсни я самъ готовъ измучить женщину моею любовью, а за ея любовь въ эту минуту отдать все что̀ имѣю, не говоря уже о себѣ самомъ; но еслибы въ эту минуту, эта сама женщина осталась холодною ко мнѣ, еслибъ она не поняла той страсти, которая кипитъ во мнѣ, я могъ бы задушить ее какъ ничтожную гадину, убить могъ бы, еслибы въ эту минуту она взглянула на другаго. Вотъ до чего меня можетъ довести страсть къ музыкѣ. И такъ со всѣми другими страстями.

— По этому судя, сказалъ я,—въ васъ преобладающая страсть—страсть къ женщинамъ.

— Да, я люблю женщинъ, всѣхъ женщинъ, кромѣ старухъ, разумѣется, да тещи; за женщинъ я готовъ въ огонь и въ воду; но кромѣ того, я все люблю; возьмемъ хоть напримѣръ собакъ; не собаку я люблю, а собакъ, всякихъ собакъ, не за красоту, понятливость, породу, нѣтъ, такъ про-

сто, часто за безобразіе, безотчетно, привяжусь и кончено. И пока люблю,—ревную, не только женщину, это понятно, животное ревную. Если моя собака приласкается къ другому, меня ужь это бѣситъ. Однимъ словомъ, во мнѣ развита до невѣроятія способносгь любить, и это меня губитъ.

— Странный вы человѣкъ, право, молвилъ я.

— Сумазбродный! продолжалъ онъ. —Да вотъ хоть теперь: это кончено, я васъ люблю, пріятно ли вамъ это, или непріятно, мнѣ все равно: я васъ полюбилъ и готовъ вамъ доказать это тысячами пожертвованій....

— Очень вамъ благодаренъ.

— Не стòитъ. Я могу завтра разлюбить васъ, только покажись мнѣ, что вы внимательнѣе къ другому, нежели ко мнѣ, и тогда я изъ друга самаго преданнаго становлюсь врагомъ непримиримымъ.

— О, да вы опасный человѣкъ! сказалъ я шутя.

— А вотъ попробуйте, отвѣчалъ онъ тоже шутя, — не пріѣхать завтра ко мнѣ, тогда увидите, чтò будетъ.

— Завтра не могу; я спѣшу въ уѣздный городъ, гдѣ на почтѣ думаю навѣрное найдти очень нужныя письма.

— Это не отговорка, сказалъ Отлетаевъ: — я бы могъ послать въ городъ нарочнаго, и онъ привезъ бы ваши письма; впрочемъ, дѣлайте какъ знаете, я уже доволенъ и тѣмъ, что вы мнѣ сказали: «завтра не могу», а не просто «не могу»: это даетъ мнѣ право ожидать васъ къ себѣ на дняхъ, по полученіи писемъ, разумѣется. Кстати о письмахъ. Я скажу какъ Репетиловъ:

Когда подумаю, какъ время убивалъ!

прибавя еще отъ себя:

И сколько въ жизнь мою я писемъ написалъ!

одно другаго нѣжнѣе и страстнѣе, оригинальнѣе и даже безграмотнѣе, потому что:

Меня учили понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Это огромное количество бумаги, истраченной мною на черновыя и бѣловыя посланія, должно было бы подвигнуть впередъ бумажную фабрикацію.

— Преоригинальныя бываютъ письма, замѣтилъ я, вспомнивъ посланіе неизвѣстнаго богача, адресованное Ѳешѣ:—у меня есть копія одного весьма куріознаго объясненія въ любви.

— Ахъ, покажите! вскрикнулъ Отлетаевъ,—смерть люблю эти вещи, даже составляю коллекцію ихъ.

— Покажу вамъ его съ удовольствіемъ при первомъ, или лучше сказать, при второмъ нашемъ свиданіи.

— Отчего же не теперь? Мнѣ очень любопытно...

— Оттого что письма съ прочими разными разностями находятся въ портфёлѣ, а портфёль въ важѣ, а важъ на каретѣ; доставать же не стоитъ — сыро, грязно.

— Да, ну если такъ далеко, дѣйствительно не стоитъ. Однако я замѣчаю, что моя болтовня, поразившая васъ сначала, начинаетъ вамъ надоѣдать.

— Почему же вы такъ думаете?

— Потому что вы устали, васъ закачало, вамъ спать хочется, и мнѣ тоже, а становится поздно, скоро одиннадцать. Не пора-ли и на боковую?

— Конечно, молвилъ я, — кому рано вставать...

— Тому не до болтовни какого-нибудь корнета Отлетаева?

— Видите, сказалъ я, — любовь ваша ко мнѣ проявляется страннымъ образомъ, — вопіющею несправедливостью. Не вы ли первый предложили искать успокоенія на этихъ твердыхъ лавкахъ?

— Но отчегожь бы вамъ не взобраться на эту гору пуховиковъ?

— Покорно васъ благодарю, сказалъ я. — Чтобы я легъ на этотъ катафалкъ? Ни за что на свѣтѣ.

— Профанъ! сказалъ смѣясь Отлетаетъ. — Это ложе, это, можетъ-быть, и даже навѣрно, грѣшное ложе, принадлежитъ женщинѣ... и женщинѣ прехорошенькой... Впрочемъ, покорно васъ благодарю....

— Странный переходъ!.. за что эта благодарность?

— За пренебреженіе къ пуховикамъ хозяйки.

— Неужели вы хотите?... спросилъ было я.

— Хочу! сказалъ онъ весьма комически. — Я человѣкъ неприхотливый и, сказать правду, для того и предложилъ вамъ эту постель, чтобы вы отъ нея отказались.

— Дипломатическая хитрость! замѣтилъ я.

— Которая уравновѣшиваетъ стремленія двухъ великихъ державъ, съ комическою важностью произнесъ Отлетаевъ и вслѣдъ за тѣмъ крикнулъ: — Ѳомка!

— Кузьма! крикнулъ я въ свою очередь.

Мы расхохотались, а лакеи наши вошли въ комнату. Съ ихъ содѣйствіемъ мы кое-какъ размѣстились: я на лавкѣ, Отлетаевъ на хозяйской перинѣ.

— Чтò на дворѣ? спросилъ онъ своего лакея, когда, быстро раздѣвшись, юркнулъ подъ ситцевое одѣяло.

— Темно-съ.

— Оселъ! не о томъ спрашиваютъ....

— Лѣто-съ, отвѣчалъ Ѳомка.

— Разумѣется не зима, дуракъ ты этакой, началъ корнетъ, пока Кузьма презрительно улыбался на глупый отвѣтъ Ѳомки, — конечно лѣто, хотя и сказалъ одинъ человѣкъ, котораго имени ты не достоинъ произносить, что

...наше сѣверное лѣто
Каррикатура южныхъ зимъ...

Да гдѣ тебѣ дураку понять это. Ты самъ каррикатура на человѣка. Вѣдь ты каррикатура?

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ Ѳомка.

— Говори, дуракъ: каррикатура.

— Каррикатура-съ, повторилъ лакей.

— Ты изъ породы амфибій? продолжалъ спрашивать баринъ лакея, пока тотъ подавалъ трубку.

— Точно такъ-съ...

— Опять врешь; говори просто: амфибія-съ, молъ.

— Амфибія-съ.

— То-то же!... крокодилъ ты?

— Крокодилъ-съ.

— Ну, пошелъ вонъ. Да смотри, у меня не проспать зари, а то, не бось, туда же за гармонію примешься, барыню-сударыню погромыхивать...

— Помилуйте-съ, началъ было Ѳомка.

— Только проспи у меня, не помилую. Ну пошелъ вонъ, рѣшилъ онъ, и Ѳомка вышелъ.

Я не могъ удержаться отъ смѣха и смѣялся въ продолженіи этой сцены, что̀ было видимо пріятно Отлетаеву. Кузьма собирался тоже уйдти, но Отлетаевъ остановилъ его.

— Поди-ка сюда, любезный. Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ.

— Кузьмой-съ.

— Хорошее имя! Ну, Кузьма, слушай, что̀ я тебѣ скажу: ты Кузьма молодой, ты Кузьма курчавый, ты Кузьма удалой, ты Кузьма... Что̀ онъ лѣнивъ? обратился онъ ко мнѣ другимъ тономъ.

— Случается, отвѣчалъ я....

— Ты Кузьма, случается, лѣнивый, продолжалъ корнетъ, — ты Кузьма продувной, ты Кузьма... что̀ онъ по части *силь-ву-пле,* какъ? спросилъ онъ опять у меня.

— Кажется, не пьетъ!

— Ты, Кузьма, по части *силь-ву-пле* не прохаживающійся, ты Кузьма степенный, только ты не безсребренникъ!

Vous êtes Jean, vous êtes Jacques, vous êtes roux, vous êtes sot,
Mais avec tout cela vous n'êtes pas Jean-Jacques Rousseau

продекламировалъ корнетъ, и снова обратился къ Кузьмѣ:

— А скажи мнѣ на ушко, много у барина крадешь?

— Помилуй Богъ!... отвѣчалъ Кузьма, обиженный.

— Глупо дѣлаешь! замѣтилъ Отлетаевъ.

— Я, слава Богу, сказалъ Кузьма, — съ меня будетъ,

по милости барина! Стану я... у меня голова-то всего одна-съ.

— О! да ты съ амбиціей! замѣтилъ корнетъ: — вѣдь я шутилъ....

И онъ запѣлъ изъ пѣсни Офеліи, въ извѣстномъ переводѣ Полеваго:

Развѣ дѣвица не знала:
Я шутилъ.... вѣдь я шутилъ.

Я кивнулъ Кузьмѣ, и онъ пошелъ къ двери, взявъ прежде еще брошенную въ уголъ шинель свою, а Отлетаевъ продолжалъ, указывая на Кузьму съ шинелью:

Онъ поспѣшно одѣвался...

Когда же Кузьма выходилъ, прибавилъ:

Тихо двери отворялъ!

Дверь затворилась, и онъ обратился ко мнѣ, распѣвая:

Быть *вамъ* вѣрнымъ страшно клялся...

и прибавилъ: — А когда онъ у васъ что-нибудь украдетъ, вы кончите такъ:

Обманулъ!...

А вмѣсто: «и разлюбилъ» прибавьте!

И обокралъ!

— А что, не погасить ли свѣчи? спросилъ я.

— Это значитъ: полно вамъ пѣть, я спать хочу? спросилъ въ свою очередь корнетъ.

— Пора, сказалъ я и погасилъ свѣчи.

— Когда же вы ко мнѣ-то?

— На дняхъ.

— Покажу вамъ Нину, то-есть она просто Надежда, а ужь это такъ, по вольности дворянства, Нина.

— Мнѣ будетъ очень пріятно....

— Я думаю! замѣтилъ онъ:—она прехорошенькая. И еслибъ вы знали, какъ я ее люблю! Просто ужасъ! До того люблю, что даже изъ любви къ ней люблю другихъ женщинъ. А знаете вы, что̀ такое моя теща? Если всю гнусность сатаны смѣшать со злостью тридцати тысячъ вѣдьмъ, прибавя еще всякой чертовщины, да еще всякой дьявольщины, то что̀ вы думаете изъ этого всего выйдетъ? Скажите, что̀?

— Не знаю.

— Моя теща. Прощайте.

— Покойной ночи.

Мы спали какъ убитые, встали на зарѣ, пожали другъ другу руку, и въ одно время разъѣхались въ разныя стороны: онъ къ себѣ, а я въ уѣздный городъ, откуда и далъ слово Отлетаеву заѣхать къ нему, не побывавъ даже въ своемъ Подкосихинѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VII.

Окончивъ въ городѣ дѣла, я вспомнилъ объ Отлетаевѣ и рѣшился наконецъ воспользоваться его приглашеніемъ, чтобъ поближе познакомиться съ этою оригинальною личностью. Въ городѣ узналъ я о блажномъ корнетѣ еще нѣсколько интересныхъ подробностей, особенно благодаря исправнику, большому говоруну и разкащику, у котораго былъ неистощимый запасъ мѣстныхъ анекдотовъ и біографій. Старожилъ уѣзда, онъ зналъ всѣхъ и все, а потому, когда рѣчь коснулась Отлетаева, неудивительно, что потокъ разказовъ полился какъ рѣка, прорвавшая плотину. Ужь я былъ и не радъ, что коснулся такого плодотворнаго вопроса, и насилу могъ уйдти отъ повѣствователя.

Изъ всѣхъ этихъ разказовъ и изъ собственныхъ недавнихъ наблюденій составилось у меня довольно полное пред-

ставленіе о человѣкѣ, къ которому я отправился въ гости по ухабистой проселочной дорогѣ.

Василій Сергѣевичь, давшій въ послѣдствіи жизнь Сергѣю Васильевичу, нашему герою, былъ человѣкъ уже весьма толстый, когда узналъ его исправникъ. Какъ протекло его дѣтство, что за люди были его родители, покрыто, какъ говорится, мракомъ неизвѣстности. Что они были дворяне, и дворяне весьма богатые, остается фактомъ, не требующимъ доказательствъ. Василій Сергѣевичь служилъ смолоду въ гвардіи, но вышелъ рано въ отставку по требованію старичковъ, которымъ черезъ два-три года закрылъ глаза и остался одинъ одинехонекъ въ огромномъ опустѣвшемъ домѣ.

Въ лицѣ сосѣдки, Саши Ананьиной, дочери весьма богатаго помѣщика, обремененнаго, впрочемъ, огромною семьей, обрѣлъ онъ надежду на счастье, женился и изъ барченка сталъ вполнѣ бариномъ. Саша была не дурна собой, съ лицомъ весьма выразительнымъ и съ тою степенью воспитанія, которая какъ разъ подходила подъ уровень понятій ея супруга. Они, казалось, были счастливы. Василій Сергѣевичь былъ уступчивъ, и терпѣливо переносилъ капризы вспыльчивой Саши, подарившей его, послѣ двухгодоваго супружества, дочерью, Машей, а въ послѣдствіи сыномъ Сережей, нашимъ героемъ, котораго рожденіе было праздновано съ неимовѣрною помпой, поразившею всѣхъ сосѣдей и занявшею умы не только всего уѣзда, но даже и далѣе.

Сережа со дня рожденія былъ кумиромъ своихъ родителей. Сами не зная почему, гордились они сыномъ въ то

время, когда онъ былъ еще такъ малъ, что не могъ своими совершенствами внушать подобное чувство. Безчисленное множество нянекъ, крѣпостныхъ и наемныхъ, суетилось вокругъ Сережи, предупреждая малѣйшія его желанія, изъ боязни раздразнить мальчика, въ капризахъ котораго родители всегда обвиняли прислугу. Такъ росъ Сережа до десяти лѣтъ. Тутъ только начали его сажать за азбуку, надѣляя предварительно конфетами. «Не заучите его!» говорили родители Сережи нанятому къ нему педагогу, — «ему вѣдь не ученымъ быть.» Сережа былъ мальчикъ очень живой и понятливый, но выучивалъ обыкновенно только то, что̀ ему нравилось; иногда же просто на-просто не хотѣлъ ничѣмъ заниматься. Педагогъ приходилъ въ отчаяніе, Сережа настаивалъ, возникала ссора, въ которую вступались родители, преимущественно отецъ, говорившій въ такихъ случаяхъ:

— Дайте ему отдохнуть. Что это вы съ нимъ точно съ равнымъ себѣ поступаете! Дайте срокъ, онъ перещеголяетъ васъ ученыхъ.

Сережа торжествовалъ. Нѣсколько дѣтей сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ жили въ домѣ Отлетаевыхъ, какъ бы изъ милости и для воспитанія, а собственно для Сережиной забавы. Привыкши повелѣвать, мальчикъ обращался съ ними болѣе нежели безцеремонно. Худшія игрушки доставались имъ; въ играхъ *воинственныхъ* роли побѣжденныхъ всегда выпадали на ихъ долю, не считая тѣхъ пинковъ и потасовокъ, не входившихъ въ условія игры, которыми онъ произвольно награждалъ своихъ товарищей.

— Хорошенько ихъ, мелкотравчатыхъ, хорошенько! вотъ такъ! лихо, Сережа! молодецъ! кричалъ Василій Сергѣичь съ балкона, и хохоталъ во все горло.

Можно себѣ представить теперь, что̀ терпѣли прикомандированные къ особѣ Сережи дворовые мальчишки. Впрочемъ если онъ и больно таскалъ ихъ, то конечно не отъ злости, а такъ, по навыку. За то надобно отдать справедливость мальчику: ни одинъ нищій не уходилъ отъ него безъ щедраго подаянія. Сережа, будучи двѣнадцати лѣтъ, имѣлъ уже свой штатъ людей, своихъ лошадей, свои экипажи, даже свои карманныя, значительныя деньги, которымъ, разумѣется, не зналъ цѣны и тратилъ ихъ безъ пользы и дѣла. Дворня обирала мальчика: всякая лесть стоила денегъ, всякое наушничанье приносило барскую милость. Лукавыя горничныя выманивали у Сережи мелочь на пряники и орѣхи, а между тѣмъ то и дѣло твердили ему, что ужь лучше его и на свѣтѣ-то нѣтъ, что ужь такого молодца, какъ Сергѣй Васильевичь, только въ сказкахъ встрѣтить можно, и многое другое. Слѣдствіемъ этого было то, что Сережа, будучи четырнадцати лѣтъ, былъ уже страстно и чуть ли не преступно влюбленъ въ молоденькую швею, только-что кончившую курсъ наукъ въ московскомъ модномъ магазинѣ и вернувшуюся въ деревню. Такъ развивался Сережа, приводя въ отчаяніе сначала Нѣмку Шарлоту Карловну, потомъ Француза Mr. Cornichon, за нимъ русскаго учителя и даже холоднѣйшую изъ Англичанокъ, какую-то миссъ, приставленную къ кроткой и тихой Машѣ. Ей бѣдной тоже доставалось отъ Сережи въ минуты запальчи-

вости; но не проходило секунды, какъ ужь онъ страстно обнималъ сестру, которую очень любилъ.

Такъ проходило время въ домѣ Отлетаевыхъ, когда въ одно утро камердинеръ Василья Сергѣевича, удивляясь, что баринъ долго не просыпается, рѣшился войдти въ его комнату и нашелъ его недвижимымъ и холоднымъ. Василій Сергѣевичъ умеръ ударомъ на тридцать-седьмомъ году своего возраста. Прошелъ годъ траура, и неутѣшная вдова рѣшилась снова принимать сосѣдей и снова показаться въ мѣстномъ свѣтѣ, гдѣ давно уже, еще при жизни Василья Сергѣевича, показался нѣкто господинъ Мальвининъ, пріѣхавшій изъ Петербурга погостить къ матери, весьма умной и образованной старухѣ, принадлежавшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ самому высокому кругу и поселившейся подъ старость въ весьма, впрочемъ, небольшомъ своемъ имѣніи. Мальвининъ, молодой, красивый, ловкій, быстро овладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ, сталъ душою общества и побѣдителемъ неопытныхъ и опытныхъ сердецъ. Онъ обратилъ вниманіе на молодую Отлетаеву еще при жизни мужа, хотя она, по воспитанію, нисколько не могла оправдать такого съ его стороны предпочтенія передъ другими дамами и дѣвицами тѣхъ странъ; но Саша считала его ухаживаніе за излишнюю любезность, сознавая, впрочемъ, въ душѣ все превосходство Мальвинина надъ ея супругомъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ.

По смерти мужа, Мальвининъ удвоилъ свое къ ней вниманіе, и постепенно учащая свои посѣщенія, сталъ наконецъ ежедневнымъ ея гостемъ, о чемъ, конечно, не преминули

забарабанить любители скандалёзныхъ исторій, которыя доходили до слуха Александры Ивановны. Она обдумала свое положеніе, и вникнувъ глубже въ сердце, дѣйствительно нашла въ немъ привлекательный образъ молодаго Мальвинина. Испугавшись этого открытія, она вспомнила, что ей тридцать два года, что она старѣе предмета своей страсти, и невольныя сомнѣнія насчетъ чистоты намѣреній Мальвинина запали въ ея робкую душу. Мальвининъ же, въ свою очередь, сознавая вполнѣ, что истинное счастіе такого человѣка, какъ онъ, которому недостаетъ только состоянія, заключается именно въ томъ, чего у него нѣтъ, очень естественно разсчитывалъ на состояніе вдовушки и ту седьмую часть, которая, по закону, слѣдовала ей изъ имѣнія покойнаго мужа. Онъ любилъ вдовушку не восторженною любовью безбородаго юноши, а весьма разсудительно и здраво. Хорошо имѣть прекрасную жену, но вдвое лучше имѣть при такой женѣ и прекрасное состояніе. Сообразя это, но не обращая вниманія на лѣта Александры Ивановны и видя только зрѣлую, полную и румяную красоту ея, Мальвининъ счелъ нужнымъ, при первомъ необходимомъ между имъ и ею объясненіи, разыграть роль безкорыстно-преданнаго любовника и окончательно увлечь довѣрчивое сердце въ свои искусно разставленныя сѣти. Между тѣмъ дѣти, осиротѣвшія послѣ добраго папаши, перенесли всю силу обожанія на мать, занятую одною любовью; люди же, нянюшки, мамушки, мосье Корнишонъ, самая миссъ, и вся челядь, понимая отношенія вдовы къ Мальвинину, не нашли нужнымъ скрывать отъ дѣтей намѣренія послѣдняго — замѣнить имъ

покойнаго папашу, и ненависть было первое чувство, которое Мальвининъ въ нихъ встрѣтилъ. Но объясненіе послѣдовало; увлеченная Александра Ивановна отдала красавцу Мальвинину свою руку и давно побѣжденное сердце, не спросясь разумѣется дѣтей, и только послѣ скромной свадьбы, сыгранной весьма романически, поутру, въ своей же церкви, гдѣ невѣста была въ бѣломъ утреннемъ капотѣ, съ свѣжею розою въ волосахъ, а женихъ въ легкомъ лѣтнемъ сюртукѣ, — представила его дѣтямъ, какъ отца и покровителя. Очень понятно, каково было дѣтямъ это грустное обстоятельство, слѣдствіемъ котораго возникла затаенная вражда между ними и вотчимомъ. Вотчимъ, впрочемъ, оказался человѣкомъ честнымъ, но разсчетливымъ, съ твердымъ и настойчивымъ характеромъ. Александра Ивановна боготворила своего втораго мужа и была счастлива новою семьею, прибывавшею съ каждымъ годомъ. Между тѣмъ Маша, оставленная единственно на попеченія гувернантки, выросла, стала дѣвицей прехорошенькою, но не развитою и недоученою, что̀ впрочемъ не помѣшало ей выйти за долговязаго офицера полка, квартировавшаго въ уѣздѣ, и вскорѣ уѣхать съ нимъ куда-то. Сережа, въ свою очередь, достигнувъ на свободѣ семнадцати лѣтъ и не ставя ни въ грошъ мосье Корнишона, также недоученый и совершенно неразвитый, пылкій, взбалмошный и бѣшеный, дѣлалъ на каждомъ шагу такія непріятности вотчиму, котораго ненавидѣлъ, что тотъ, занятый разсчетами и приведеніемъ въ порядокъ своего имѣнія, опустѣвшаго со смертью матери, рѣшился, съ согласія жены, записать его въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ

россійской арміи, и тѣмъ избавиться отъ непріятныхъ сценъ, дѣлаемыхъ ему избалованнымъ мальчишкой. Понятно, что дворня не любила Мальвинина и, наушничая на него Сережѣ, только подливала масла въ огонь. Наконецъ Сережа уѣхалъ, и спокойствіе водворилось. Мальвининъ съ лѣтами сталъ взыскательнѣе, характеръ его сталъ жестче, и у бѣдной Александры Ивановны всегда навертывалась слеза при воспоминаніи о слабой добротѣ перваго мужа; она съ грустью помышляла о любви Маши, выданной безвременно и странно, съ грустію мечтала о пылкомъ и отчаянномъ Сережѣ, безпрестанно бомбардировавшемъ вотчима письмами о высылкѣ денегъ и уплатѣ долговъ. Александра Ивановна грустила и цѣловала новую семью свою — пятерыхъ хорошенькихъ малютокъ. Такъ прошло время до совершеннолѣтія Сережи, которому Мальвининъ честно и вѣрно сдавъ имѣніе, нисколько не разоренное, перевезъ жену въ свою деревню, гдѣ и поселился. Сережа надѣлъ эполеты, вспрыснулъ ихъ весьма лихо и, поносивъ не долго, вышелъ въ отставку такъ же порывисто и безотчетно, какъ дѣлалъ все въ своей жизни. Вскорѣ умерла и мать его, давъ жизнь шестому малюткѣ, и Мальвининъ остался вдовъ, молодъ еще, съ шестью дѣтьми, но съ сознаніемъ своихъ тысячи незаложенныхъ душъ и съ надеждою нажить еще столько же, въ чемъ онъ и успѣваетъ. Понятно, что Сережа, потерявъ послѣднее существо, которое изъ любви къ нему могло словомъ и дѣломъ останавливать въ немъ буйные порывы, увлекаемый ежеминутно, на каждомъ шагу дѣлалъ необыкновенныя глупости. Деньги не имѣли въ глазахъ его ровно ни-

какой цѣны, но онъ сознавалъ ихъ необходимость на удовлетвореніе своихъ желаній, и потому приказывалъ грабившему его управителю обращать все въ деньги, не заботясь о запасахъ и объ улучшеніи имѣнія. Тысячи летѣли на пустяки. Напримѣръ, пріѣхать въ магазинъ за склянкою духовъ и накупить ихъ на пять сотъ рублей было у него дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Купить лошадь за неслыханную цѣну, для того только, чтобъ отбить ее у богатаго какого-нибудь туза, считалъ онъ тоже забавною шуткой.

Въ Москвѣ, Отлетаевъ имѣлъ порядочное знакомство, и на одномъ балѣ встрѣтилъ теперешнюю жену свою, Надежду Васильевну, переименованную имъ послѣ въ Нину. Мудрено ли, что молодой, стройный, красивый Отлетаевъ, особенно при желаніи понравиться, увлекъ молоденькое, неопытное сердце хорошенькой пансіонерки, впервые вывезенной въ свѣтъ? Дома всю ночь не спалъ Отлетаевъ, и на другое утро переломалъ нѣсколько стульевъ, разбилъ два зеркала, и все это только потому, что хотѣлъ видѣть Нину и не могъ, не зная гдѣ она живетъ, на какой улицѣ и въ чьемъ домѣ: а то бы онъ сталъ то и дѣло ѣздить взадъ и впередъ по этой улицѣ и около этого дома, — что̀ онъ въ послѣдствіи и дѣлалъ, и что̀, какъ ясный признакъ любви, очень нравилось молодой дѣвушкѣ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ кадрилей, вальсовъ и мазурокъ на многихъ балахъ, корнетъ не вытерпѣлъ, и пока другія пары дѣлали фигуру мазурки, онъ въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ описалъ Нинѣ свою мучительную страсть, и просто-на-просто просилъ у ней самой ея руки. Дѣвочка, довольная и счастливая, вспыхнула,

какъ тѣ розы, которыя дрожали, на длинныхъ стебелькахъ, въ густыхъ бѣлокурыхъ ея локонахъ, и быстро вставъ съ мѣста, робко, но весело отвѣчала:

— Погодите немножко, пойду скажу маменькѣ.

Дѣвушка побѣжала къ матери, а Отлетаевъ, восхищенный такимъ наивнымъ отвѣтомъ, чуть-чуть не расцѣловалъ даму сосѣдней по мазуркѣ пары. Матушка конечно дала свое согласіе, и молодыхъ людей помолвили. Влюбленный Отлетаевъ, разумѣется, не справлялся о количествѣ приданаго своей невѣсты; но когда онъ узналъ отъ матери, что она не можетъ ничего дать за дочерью, кромѣ тряпокъ, ему пришла блажь ослѣпить и мать и дочь великолѣпіемъ, слѣдствіемъ чего была первая продажа лѣса, и свадьба съ подарками обошлась ему около ста тысячъ. Хорошо еще, что лѣсу было такъ много, что одинъ столичный пріятель Отлетаева, случившійся въ Сережинѣ и увидавшій необозримое зеленое пространство, воскликнулъ:

— Que de bois à manger!

Однакожь, несмотря на это восклицаніе, лѣсъ значительно, почти совершенно убылъ со дня свадьбы корнета и до времени моего разказа, то-есть ровно въ десять лѣтъ, которыя я прейду молчаніемъ, чтобы заняться Отлетаевымъ такимъ, какимъ уже видѣлъ его читатель.

Еще версты за три до села Сережина, стоявшаго на вершинѣ горы, показалась, на зеленомъ грунтѣ густаго лѣса, громадная барская усадьба, пестрѣвшая издали множествомъ разноцвѣтныхъ крышъ, угловыхъ раскрашенныхъ бесѣдокъ и блестѣвшая на солнцѣ своею бѣлизной. Всѣ строенія

были каменныя, и между ними особенно виднѣлась большая старинной архитектуры церковь, съ отнесенною поодаль превысокою колокольнею: все вмѣстѣ издали походило болѣе на крошечный городокъ, чѣмъ на обыкновенную усадьбу. Господскій домъ состоялъ собственно изъ трехъ домовъ, раздѣленныхъ между собою садами и стоявшихъ, благодаря мѣстности, каждый выше другаго. Третій изъ этихъ домовъ, построенный въ видѣ башни, помѣщался на самой вершинѣ горы, высоко надъ другими, и былъ, вѣроятно, замѣчателенъ видами, надъ которыми господствовалъ. Все это гнѣздо, утопавшее въ густой зелени садовъ, виднѣлось мнѣ то въ правое, то въ лѣвое окно кареты, смотря по тому, какими изгибами шла узкая проселочная дорога. Наконецъ предметы, выроставшіе по мѣрѣ моего къ нимъ приближенія, приняли свои настоящіе размѣры, когда карета моя въѣхала на мощеный дворъ перваго, самаго большаго дома, и остановилась у террассы, служившей подъѣздомъ, отъ котораго широкая аллея, идущая въ гору, вела ко второму дому, почти исчезавшему въ зелени. Домъ, къ которому я подъѣхалъ, былъ большой двухъ-этажный; главный его корпусъ соединялся съ каждой стороны длинными галлереями съ флигелями, отчего строеніе принимало огромные размѣры. Изумленные лакеи, въ прекрасныхъ ливреяхъ, выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу и, казалось, не знали, что̀ имъ дѣлать. По ихъ смущенію мнѣ показалось, что хозяина нѣтъ дома; и дѣйствительно, онъ былъ въ другомъ домѣ, гдѣ никто не жилъ кромѣ его, и который назывался *монплезиромъ*. Лакей, объявившій мнѣ объ этомъ, просилъ меня пожа-

ловать на верхъ, куда, войдя по широкой паркетной лѣстницѣ, тщательно натертой и покрытой ковромъ, очутился я въ залѣ, и остановился, пока другой лакей бѣгомъ отправился доложить барину о моемъ пріѣздѣ. Мертвая тишина царствовала въ этой половинѣ дома. Отъ нечего дѣлать я сталъ осматривать комнаты. Зала была въ два свѣта, съ круглыми, верхними окнами, со стѣнами, окрашенными свѣтло-шеколаднаго цвѣта краской. Группы играющихъ наядъ занимали простѣнки; тѣ же наяды играли и по всему потолку. Вся мебель залы была старинная съ инкрустаціей, и обитая голубымъ, нѣсколько полинявшимъ штофомъ. Густая драпировка, стариннаго фасона, на золотыхъ стрѣлахъ, обшитая тяжелою бахромой, закрывала нижнія окна. Я пошелъ дальше. Гостиная была тоже велика, тоже въ два свѣта, съ балкономъ; стѣны здѣсь были разрисованны, по блѣднозеленому полю, разноцвѣтными китайскими аттрибутами; старинная золоченаа мебель, разставленная симемтрически, была обита китайскою матеріей, шитою шелками. Та же матерія драпировала окна. Худенькая, длинная, на тонкихъ ножкахъ, старинная рояль, розоваго дерева, скромно стояла у стѣнки. Столы и подстольники огромныхъ зеркалъ, занимавшихъ простѣнки, были мраморные на залоченыхъ ножкахъ. Третья комната, обитая желтымъ штофомъ, была готическая, съ рѣзною мебелью, надѣленною узкими и высокими спинками. Ею кончался домъ; она выходила въ корридоръ, куда вела одна изъ дверей залы. Я пошелъ назадъ; хозяинъ все еще не показывался, и я успѣлъ осмотрѣть столовую, съ аттрибутами охоты, карти-

нами, изображавшими группы дичи, плодовъ, овощей и прочаго, съ стариннымъ серебромъ, коллекціей чучелъ и лѣпными украшеніями. Комнаты были мрачны: на всемъ лежалъ отпечатокъ времени и давнишнихъ барскихъ затѣй. По разказамъ я ожидалъ бо̀льшаго. Къ столовой, выходившей на дворъ, примыкала и верхняя галлерея, соединявшая домъ съ флигелемъ. Галлерея эта освѣщалась сверху и вмѣщала на стѣнахъ своихъ по два ряда фамильныхъ портретовъ. Три поколѣнія родственниковъ, кто въ пудрѣ, кто въ уродливомъ костюмѣ первой французской имперіи, кто въ гигантскомъ токѣ, или съ огромными хохлами тридцатыхъ годовъ, кто въ современномъ, хотя и устарѣвшемъ костюмѣ, привѣтливо смотрѣли изъ золоченыхъ рамъ своихъ и, казалось, въ веселой компаніи припоминали свое прошедшее. Это собственно не картины были, а дешевое малеванье мѣстнаго живописца. Я не пошелъ далѣе въ виднѣвшуюся на концѣ галлереи билліардную, и предпочелъ вернуться въ залу, заслыша на лѣстницѣ знакомый голосъ Отлетаева.

— Ослы! кричалъ онъ на людей — сто разъ вамъ повторять:

Просить, принять, сказать что дома!...

— Извините! обратился онъ ко мнѣ. — Mille pardons. Эти дураки опростоволосились, увидавъ незнакомое и прекрасное лице ваше, что̀ и не съ ними одними случается, и Богъ знаетъ для чего, заставили васъ взойдти на лѣстницу, блуждать по этимъ неуклюжимъ сараямъ, которые посвящены воспоминаніямъ и торжественнымъ обѣдамъ въ дни

моего тезоименитства, а не просили внизъ, гдѣ давно предупрежденная Нина приняла бы васъ въ мое отсутствіе, въ болѣе современныхъ комнатахъ. Извините, извините...

— Помилуйте, сказалъ я, — минуты моего ожиданія протекли незамѣтно, среди этой старинной обстановки.... я любовался ... а теперь здороваюсь.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, здравствуйте! вскрикнулъ Отлетаевъ.

— Здравствуйте! молвилъ я.

— Какъ ваше здоровье? комически спросилъ онъ, — слава Богу? Слава Богу лучше всего. Не хотите ли закусить съ дороги и съ прескверной, надо замѣтить, дороги. До обѣда далеко. Пойдемте пока сюда, въ кабинетъ....

Мы вошли въ корридоръ, изъ котораго дверь налѣво вела въ надворный кабинетъ, оклеенный дубомъ подъ лакъ, съ рѣзнымъ карнизомъ, уставленый такою же мебелью, обитою бархатомъ. Кабинетъ былъ лучше прочихъ комнатъ.

— Сядемте! куда хотите? спрашивалъ хозяинъ, указывая на диванъ и кресла. — Не взыщите за безпорядокъ.... Не хотите ли сигару?... Или.... я и забылъ.... завтракать вы хотите? Въ такомъ случаѣ скажите, чего хотите?

— Что дадите! сказалъ я.

— Все есть! замѣтилъ хозяинъ, — кромѣ птичьяго молока, разумѣется, да какихъ нибудь глупостей въ родѣ страусовыхъ мозговъ, соловьиныхъ языковъ и прочей дряни. Все есть! Чего хотите, то и принесутъ.

— Право я не знаю, сказалъ я, озадаченный. — Ну, хоть котлету.

— А съ чѣмъ? Я совѣтую вамъ спросить котлету съ свѣжими шампиньонами въ папильоткѣ.

— Прекрасно, пусть такъ и будетъ.

— Слышишь? спросилъ хозяинъ лакея, — а мнѣ спроси телячью ножку, съ каперсами.

— Слушаю-съ! сказалъ и, обратясь ко мнѣ прибавилъ: — вино какое кушать изволите?

— То есть, быстро замѣтилъ хозяинъ, — какого вы захотите теперь именно отвѣдать, какимъ

Залить горячій жиръ котлетъ?

— Лафиту, что-ли, вымолвилъ я, крайне удивленный.

— Слышишь? спрашивалъ опять корнетъ лакея. — А мнѣ чего бы глотнуть? шато д'икему развѣ? Выпью! кончилъ онъ утвердительно.

Лакей поклонился и вышелъ.

— Гдѣ вы были, спросилъ я, — когда я пріѣхалъ? въ саду?

— Почти въ саду, вонъ въ томъ домикѣ, это monplaisir: я тамъ живу почти. Да нельзя же: тамъ считки, репетиціи, другая жизнь, дѣятельность, все кипитъ.... весело.

— Что же это вы репетируете? у васъ своя музыка?

— Три: духовная, роговая и инструментальная, хоръ пѣвчихъ, труппа драматическая, балетъ, — однимъ словомъ все, что̀ только можно себѣ представить. Не говорилъ ли я вамъ, что я все люблю? Да дайте срокъ, день великъ,

все это я вамъ покажу.... у меня составлена и программа нынѣшняго дня, то есть вообще того дня, въ который бы вы ни пріѣхали ко мнѣ: вотъ отчего и изумленіе моихъ дураковъ въ минуту вашего пріѣзда.

— Вы очень любезны.

— А вы вдвое. Мнѣ пріятно показать мои затѣи, со всею любезностью, а вамъ надо смотрѣть, скучать не показывая виду, смѣяться въ душѣ надъ чудакомъ Отлетаевымъ, и дѣлать серіозный видъ — вте это вдвое любезнѣе. Да впрочемъ, и то сказать:

Пускай зовутъ меня вандаломъ,
Я это имя заслужилъ....

И хотя, конечно, не вполнѣ какъ Репетиловъ, а все-таки:

Обманывалъ жену, танцовщицу держалъ,

да, держалъ Парашку. Она и теперь въ труппѣ. Удивительное было творенье, то есть просто:

То вдругъ прыжокъ, то вдругъ летитъ.

Вотъ вы все увидите. Дрянь стала, а впрочемъ, она вамъ въ качуѣ *и станъ совьетъ и розовьетъ, и быстрой ножкой ножку бьетъ*, и все, что̀ только можно себѣ представить... А удивительная эта комедія: «Горе отъ ума». Пробовалъ ставить; нѣтъ, дураки не понимаютъ, не умѣютъ читать стиховъ; не выдаютъ, разбойники, красотъ, рубятъ себѣ сплеча.... снялъ съ репертуара.

— Что вы теперь ставите? спросилъ я.

— Видите ли, скоро именины Нины.... ахъ, риѳма!... примемъ къ свѣдѣнію! Такъ я готовлю ей сюрпризъ и ставлю піесу съ превращеніями, пресмѣшную, подъ заглавіемъ:

«Вотъ такъ пилюли! что въ ротъ, то спасибо». Надо вамъ замѣтить, что докторъ на дняхъ прописалъ женѣ пилюли, до того непріятныя, что она съ трудомъ можетъ проглотить ихъ: слѣдовательно одно заглавіе піесы должно уже разсмѣшить Ниночку.

— Ну, а машины?

— Выписалъ.

— Откуда?

— Изъ Москвы. Знаете ли, во что мнѣ обойдется этотъ вечеръ?

— Не дешево, я полагаю.

— Тысячь въ шесть.

— Неужели серебромъ? спросилъ я.

— Comme vous le dites fort élégament. У меня есть знакомый, который къ дѣлу и не къ дѣлу все отпускаетъ эту уродливую фразу. Не короче ли было бы просто сказать oui?

— Я думаю. Ужь это не Великодольскій-ли?

— А вы его знаете? Предводитель вѣдь, вы имъ не шутите. О Господи! Ты все зришь и все Ты терпишь!

— Я у него былъ въ городѣ. Хотѣлъ быть сюда.

— Ну что жъ, милости просимъ! у насъ *про всѣхъ готовъ обѣдъ*

Для званныхъ и незванныхъ.

А вотъ завтракать-то что не даютъ, это удивительно. Избаловался мой Michel, который давно ли былъ просто Мишка!

Не успѣлъ этого выговорить Отлетаевъ, какъ три лакея вошли въ комнату. Одинъ взялъ по небольшому круглому

столику въ каждую руку и поставилъ ихъ, одинъ противъ моего кресла, а другой къ дивану, на которомъ сидѣлъ хозяинъ. Прочіе два лакея поставили каждый по серебряному подносу на приготовленные столики и всѣ трое вышли. Передо мной на серебряномъ подносѣ стоялъ приборъ, крошечное блюдо съ горячей котлетой въ папильоткѣ, бутылка лафиту и замороженная бутылка шампанскаго. Все было серебряное, кромѣ тарелки: она была настоящаго китайскаго фарфора. Хозяину подали точно также его порцію, только вмѣсто лафита стояла передъ нимъ бутылка д'икема.

Мы принялись за наши порціи.

— Эй! крикнулъ хозяинъ.

Лакей вошелъ.

— Барыня завтракала?

— Кушали-съ.

— И дѣти?

— Кушали-съ.

— И всѣ кушали?

— Всѣ-съ.

— А кто есть изъ чужихъ внизу?

— Антонъ Иванычъ Трезвонинъ-съ.

— Пріѣхалъ?

— Князь Евгеній Васильичъ.

— И онъ тутъ?...

— Иванъ Иванычъ Огородъ-съ.

— А?

— Василій Васильевичъ Великодольскій.

— Ужь здѣсь?

— Да еще Николай Петровичъ Хвостиковъ.

— А, рѣдкій гость. Еще кто?

— Агаѳонъ Анисимычъ-съ.

— Ну этотъ не всчетъ. Что же? Всѣ завтракали?

— Всѣ-съ.

— Люблю, чтобъ у меня кушали, и много кушали, и хорошо кушали. А шампанское подавали? обратился онъ опять къ лакею.

— Подавали-съ.

— Пили?

— Мало-съ.

— У меня, обратился корнетъ ко мнѣ, — все есть, въ одномъ только недостатокъ....

— Въ чемъ же это?...

— Въ водѣ. Да еще въ квасѣ. Ни воды, ни квасу у меня не подаютъ, а не угодно ли шампанскаго.... та же вода.

— Ужасная система, замѣтилъ я, — можно истомиться отъ жажды.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ, — тайно отъ меня, когда я не вижу, можно пить и воду.... Вели-ка ты — обратился корнетъ къ лакею — если снесли со стола шампанское, отдать его въ монплезирѣ музыкантамъ, актерамъ и актрисамъ, а Сашѣ скажи, чтобъ не пила: ей вредно; я ей пришлю фруктовъ и пирожнаго отъ обѣда. Ступай.

Лакей поклонился и вышелъ.

— Извините, сказалъ Отлетаевъ, — что я при васъ вхожу въ эти подробности, но у меня каждый день такая исторія.

Я попробовалъ лафитъ: вино было отличное. Мы позавтракали и принялись курить.

Эй! крикнулъ хозяинъ, — убирай!

Вошедшій лакей взялъ подносъ хозяина и вышелъ, но другой, стоявшій въ корридорѣ, вошелъ, и взялъ мой подносъ, проходилъ уже мимо хозяина, чтобы тоже уйдти....

— Постой-ка! крикнулъ Отлетаевъ лакею: — поди-ка сюда.

Лакей съ подносомъ подошелъ къ барину, который взявъ тарелку и, сбросивъ съ нея бумажку, служившую папильоткою съѣденной мною котлеты, громко крикнулъ: Это что такое? А? Давно ли говорено: чуть изъянъ, чуть царапина, не подавать? Давно ли говорено? А? это что? Эту тарелку я давно замѣтилъ, давно не велѣлъ подавать, а вы все свое: срамить меня хотите!

И съ этимъ словомъ Отлетаевъ сильно хватилъ тарелку объ полъ: рѣдкая дорогая вещь разпалась на три неровные куска. Затѣмъ онъ сѣлъ, а лакей, поставя на минуту подносъ, спокойно поднялъ черепки и съ тѣмъ и съ другимъ вышелъ. Настало молчаніе.

— Вы не разсердитесь, спросилъ я хозяина, — если я сдѣлаю вамъ одинъ нескромный вопросъ?

— За кого жь вы меня принимаете?

— Бить такую дорогую посуду доставляетъ вамъ удовольствіе?

— Нѣтъ, но мнѣ досадно, какъ смѣли они подать вамъ тарелку съ царапиной.

— Которой я даже и не замѣтилъ.

— Да я-то видѣлъ, — я далеко вижу. Точно у меня нѣтъ тарелокъ въ домѣ! Терпѣть не могу безпорядка! Люблю, чтобъ все было хорошо и ново: вѣдь только то и хорошо, что ново. Мы сами хороши только пока молоды, а ужь тарелки и подавно. Не годится — такъ ну ее къ чорту! Она свое отжила, теперь ее не подадутъ больше: вотъ для чего я ее разбилъ, а не для того, чтобъ пустить пыль въ глаза. Кого и чѣмъ удивишь нынче? Я жизнь не понимаю иначе, какъ такою, какою я ее веду. Мнѣ это пріятно, я и дѣлаю. Безразсудно, можетъ быть, глупо, сознаюсь; но не могу, привыкъ. Мнѣ все ни почемъ, увѣряю васъ.

— Конечно, сказалъ я, — если средства позволяютъ, отчего же.

— Средства? спросилъ онъ, — какія средства? Откуда? Все заложено. Лѣтомъ доходовъ нѣтъ. Одинъ только кредитъ и вывозитъ. Да вотъ какъ, я вамъ скажу: мѣсяцъ тому назадъ продалъ лѣсу на двадцать тысячь серебромъ. Много денегъ?

— Много, отвѣчалъ я.

— Туда, сюда, машины, жалованье артисткамъ, то, сё, въ городъ, въ лавки позаплатилъ, чтобъ кредитъ-то былъ. Ну, хорошо кажется, а какъ вы думаете, сколько у меня теперь въ наличности осталось денегъ?...

Онъ пріумолкъ, какъ бы ожидая отъ меня отвѣта.

— Неужели только тысяча рублей?

— Два двугривенныхъ, продолжалъ онъ, и вышвырнулъ ихъ изъ жилетнаго кармана на столъ. — Теперь вы вѣрите, что я не пускаю пыль въ глаза? Я мотъ, страшный, пре-

зрѣнный мотъ, низкій, отвратительный мотъ, потому что у меня есть жена ангелъ, которую я люблю по своему, дѣти, которыхъ я боготворю тоже по своему, несчастныя дѣти, которыхъ я могу пуститъ по̀-міру, и пущу когда нибудь, даже скоро, дѣти, которыя въ нищетѣ проклянутъ пагубное мотовство отца.... Я гнусный, подлый мотъ, но не фанфаронъ, не двуличный человѣкъ, я весь тутъ, на-лицо.... вотъ что такое корнетъ Отлетаевъ!

Онъ задумался и долго мы сидѣли молча.

— Э! да что тутъ думать! вскрикнулъ онъ весело. — Развѣ вы за тѣмъ ко мнѣ пріѣхали, чтобъ видѣть, какъ иногда и на мою особу находитъ грусть? За чѣмъ унывать, когда самъ виноватъ, или когда дьяволъ-теща въ домѣ, которая то и дѣло говоритъ мнѣ, что я калифъ на часъ.... Она, старая вѣдьма, помнитъ эту оперу, знаетъ, что мои дѣти нищіе, что я погубилъ Нину, а Нинѣ выдаетъ всѣ мои шалости, минутныя заблужденія, легкія привязанности.... она ссоритъ насъ, эта старая амфибія! Надо забыться, надо развлечься, надо доказать ей, старой, что она вретъ, когда пророчитъ мнѣ суму.... а она только въ этомъ и не вретъ.... Вотъ и льется шампанское и гремитъ музыка, а тамъ, что у меня иногда на душѣ, до этого ей, старой курицѣ, нѣтъ дѣла. Пойдемте внизъ, я вамъ покажу ея курiозную фигуру. Внизу цѣлое общество! Пойдемте.... пойдемте!... Только не удивляйтесь, что я съ вами такъ откровененъ, я не могу иначе. Пойдемте.

Онъ весело схватилъ меня за руку и, напѣвая арію изъ Донъ-Жуана, повлекъ меня за собой внизъ по лѣстницѣ.

VIII.

Низъ состоялъ изъ такихъ же трехъ комнатъ: залы съ бѣлыми мраморными колоннами, за которыми вдоль стѣнъ тянулись лавки, обитыя пунцовымъ бархатомъ, и величаво красовалась рояль Вирта; изъ гостиной съ двумя окнами и балконною дверью, выходившею на широкую террассу, которая двумя отлогими лѣстницами, въ видѣ pente douce, примыкала къ желтымъ дорожкамъ великолѣпнаго цвѣтника; и наконецъ изъ будуара, обитаго бѣлымъ штофомъ, полнаго всевозможной роскошной мебели, цвѣтовъ, деревьевъ, картинъ, всего, однимъ словомъ, что только можетъ присниться молодой избалованной женщинѣ. Занавѣски будуара были кружевныя, покрытыя другими изъ голубаго муара, которымъ была обита и вся мебель. Когда мы сошли съ хозяиномъ въ этотъ пріютъ современной

роскоши, все общество находилось на террассѣ, уставленной со всѣхъ сторонъ померанцевыми деревьями въ цвѣту и сквозною чугунною, бронзированною мебелью, покрытою коврами и шитыми подушками. Нина, высокая, стройная, граціозная, но весьма блѣдная женщина, лѣтъ двадцати-шести, съ густыми бѣлокурыми локонами, взбитыми à la neige, въ роскошномъ неглиже, обшитомъ кружевами, сидѣла на диванѣ, небрежно играя шелковистою шерстью крошечнаго кингъ-чарльса, лежавшаго на ея колѣняхъ, и меланхолически смотрѣла куда-то вдаль. Прямо противъ нея, прислонясь къ одной изъ колоннъ, поддерживавшихъ балконъ втораго этажа, стоялъ въ живописной позѣ до нельзя разрисованный Трезвонинъ. У другой колонны, ближе къ Нинѣ, стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ осьмнадцати, бѣлый и розовый, съ густыми, вьющимися по плечамъ, темными волосами, съ едва пробивающимся пушкомъ сверхъ розовой губки, похожій болѣе на переодѣтую женщину, чѣмъ на мущину. Юноша, одѣтый безукоризненно, держался весьма прилично; большіе синіе глаза его поминутно взглядывали на граціозный образъ задумчивой Нины, не обращавшей на него никакого вниманія. Великодольскій, также важно, какъ и всегда, сидѣлъ на стулѣ и объяснялъ что-то облеченному въ сѣренькое трико Огороду, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, хлопалъ глазами и отмахивался, длинною вѣткою фуксіи въ цвѣту, отъ мухъ, осаждавшихъ его сильно напомаженные сѣденькіе, коротко остриженные волоски. Какой-то худенькій господинъ, съ маленькими усиками, съ сладкою улыбкой, одѣтый въ весьма узкое и короткое

платье, но прилично, объяснялъ что-то пожилой съ сѣдыми буклями, подъ кружевнымъ чепцомъ, дамѣ, какъ я догадывался, матери Нины. На дорожкахъ вдали виднѣлись бѣгавшія дѣти и плавно выступавшія женщины, вѣроятно гувернантки. Какой-то старичокъ, весь въ желтой нанкѣ, сидѣлъ уединенно на скамьѣ подъ кустомъ акаціи и, казалось, о чемъ-то думалъ. Такъ было сгруппировано все общество, когда мы шумно и весело вступили съ хозяиномъ на террассу. Представляя меня женѣ своей, онъ прибавилъ:

— Похожъ-ли на то описаніе, которое я тебѣ объ немъ сдѣлалъ?

— Сережа только и бредилъ вами, сказала мнѣ Нина, пріятнымъ, но слабымъ голоскомъ, премило улыбаясь, — и я очень рада, что вы доставили намъ удовольствіе видѣть васъ у себя.

Я поклонился, чтобъ не сказать какой нибудь избитой фразы.

— А вотъ и Аграфена Матвевна! сказалъ мнѣ корнетъ, повертывая меня къ пожилой женщинѣ въ чепцѣ. — Не правда ли, что очень вѣрны всѣ тѣ эпитеты, которыми я украшалъ почтенное имя Аграфены Матвевны?

Закусивъ губы, я поклонился. Нина вспыхнула.

— Если бъ вы знали, Аграфена Матвевна, какими красками описывалъ я ему, продолжалъ онъ, указывая на меня, — всю вашу любезность, кротость и смиреніе, ангельскій вашъ характеръ, нѣжное ко мнѣ вниманіе, однимъ словомъ, всѣ ваши добродѣтели, которыя вы скрываете

часто подъ личиной гнѣва, вотъ какъ въ эту минуту. Но это гнѣвъ притворный.... рвется кружево-то.... рвется!

Аграфена Матвевна, блѣдная отъ злости, строго посмотрѣла на дочь, но кисло улыбнувшись мнѣ, прошипѣла:

— Сереженька у насъ большой балагуръ... вы его извините.... надо мною все потѣшается... конечно я стара.... не могу по модному....

— Сергѣй Васильевичь превеселаго характера, сказалъ я.

— Да, говорила старуха, — все шутитъ! кажется злость какую нибудь скажетъ, анъ это шутка выходитъ.

— Ну, будетъ вамъ любезничать-то, замѣтилъ мнѣ корнетъ, — какъ разъ влюбитесь и увезете Аграфену Матвевну.... пропалъ я тогда.

— Кто про кого, отозвалась старуха, — а мы все про своихъ, и опять взглянула на дочь, которая то блѣднѣла, то краснѣла и посылала умоляющіе взгляды то матери, то мужу.

— Этого франтика вы знаете? спросилъ меня Отлетаевъ, указывая на юношу, только-что поднявшаго розу, которую, измявъ, уронила Нина.

— Не имѣю удовольствія.

— Молодо, зелено, неопытно, продолжалъ корнетъ.

— Князь Евгеній Чернорижскій! весь вспыхнувъ, тоненькимъ голосомъ, но съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія, сказалъ юноша.

— И только! замѣтилъ неумолимый хозяинъ.

Юноша вспыхнулъ снова, и замѣтилъ: — Будущее впереди....

— Разумѣется не сзади, смѣясь отозвался корнетъ.

— Корнетомъ-то быть и я могу, кончилъ князекъ.

— Вотъ люблю! быстро сказалъ Отлетаетъ, — люблю за то, что оборвалъ — и, поцѣловавъ его въ лобъ, обратился къ тещѣ: — Аграфена Матвевна!...

— Ну, опять за меня, прошипѣла она.

— Обрывайте меня почаще, я васъ еще сильнѣе любить буду! сказалъ корнетъ и, снова обратясь къ князю, спросилъ:

— Ты на меня не сердишься?

— За что же? Не въ первый разъ! отвѣчалъ юноша.

— И не въ послѣдній.

— Ну вотъ видите!

— Молчи, дай срокъ! лучшій персикъ твой, конфеты тоже, варенье....

— Видите, вы опять начинаете, замѣтилъ князь.

— Согласись, что ты дитя. Я за то тебя и преслѣдую, что ты корчишь большаго. Ну скажи, что ты дитя.

— Нѣтъ, сказалъ князь, взглянувъ на Нину, — не дитя.

— Ну, право, ты дитя, настаивалъ корнетъ. — Да?

— Нѣтъ.

— Ну такъ берегись, война.

— Пускай будетъ война.

— Какъ бы не просить пардону.

— У васъ? спросилъ князь. Никогда!

Я между тѣмъ отошелъ къ Великодольскому, который отпустилъ мнѣ какую-то баснословную, страшную фразу на

созданномъ имъ языкѣ. Огородъ крикнулъ мнѣ: Припоминаю!

Но я спѣшилъ добавить:

— Какъ восемь мѣсяцевъ тому назадъ мы встрѣтились съ вами у Антона Ивановича? Мнѣ очень пріятно, какъ ваше здоровье?

— Ничего! пробасилъ Огородъ, и пока я пожималъ руку Трезвонина, прибавилъ:

— Припоминаю!

— Что знали моихъ родителей?...

— Зналъ.

— Что были у нихъ въ домѣ?...

— Былъ....

— Что батюшку покойнаго встрѣчали въ клубѣ....

— Встрѣчалъ....

— А потомъ съ тѣхъ поръ и не видали?

— Нѣтъ!

— Онъ скончался въ Петербургѣ, продолжалъ я.

— Жаль!

— Какъ у васъ урожай?

— Плохъ.

— Это не хорошо.

— Нѣтъ!

— Браво! крикнулъ Отлетаевъ, обращаясь ко мнѣ: — вы геній! вы открыли способъ разговаривать съ Иваномъ Ивановичемъ.

— Хорошъ! басилъ Огородъ, и положивъ мощную руку на плечо мое, прибавилъ: — люблю.

Въ это время Трезвонинъ, взявъ меня подъ руку и отводя всторону, спросилъ:

— Ну, что Нина?

— Прелесть, отвѣчалъ я.

— А замѣчаете вы какъ она блѣдна? Но еслибъ вы знали.... часъ тому назадъ я пріѣхалъ съ Великодольскимъ.... этого было довольно.... но какъ тяжело!...

— Да, жарко, отвѣтилъ я.

— Какое раздолье для посторонняго наблюдателя, но страшно, увѣряю васъ, быть не простымъ зрителемъ, а....

Трезвонинъ опустилъ глаза и манерился, а я отошелъ было въ сторону.

— Что вы это шепчетесь? спросилъ корнетъ. — Не новая ли побѣда? разказъ о любви? О счастливецъ!

— Нѣтъ-съ, сказалъ Трезвонинъ, опуская глаза, — мы говорили, такъ, о пустякахъ.

— А посмотрите, продолжалъ хозяинъ, адресуясь ко мнѣ, — какая странная игра природы! сличите князя и Трезвонина: та же бѣлизна, свѣжесть, тотъ же румянецъ.... это удивительно.... Который тебѣ годъ? обратился онъ къ князю.

— Въ сентябрѣ будетъ девятнадцать, сказалъ юноша, вытягивая какъ можно выше воротнички рубашки.

— А вамъ, Антонъ Ивановичь, сколько бишь, я что-то забылъ....

— Мнѣ? пищалъ онъ, потупляя глаза, — пусть это рѣшатъ дамы....

— Нина! который годъ Трезвонину?

— Не знаю! нéхотя и лѣниво отвѣчалъ Нина.

— Аграфена Матвевна? спросилъ хозяинъ.

— Ахъ, батюшка, проговорила она, — что я воспріемницей его была, что ли? Почемъ мнѣ знать?

— *Чужихъ имѣній мнѣ ль не знать?* продолжалъ онъ: — Что до меня, то я не могу надивиться свѣжести Трезвонина.

— Это.... съ весною, пищалъ онъ, потупляя глаза.

— Ты просто вторая Ninon de Lanclos, только въ мужскомъ платьѣ.

— Кто это такая?... спросилъ Трезвонинъ.

— Неужто ты не знаешь? Всѣ знаютъ эту женщину....

— Ахъ позвольте! вспомнилъ! пищалъ Трезвонинъ. — Это было въ Москвѣ.... Француженка?.... брюнетка?....

Мы всѣ покатились со смѣху....

— Припоминаю! забасилъ Огородъ....

— И ты? Нинону?... сквозь слезы спросилъ Отлетаевъ, и снова дружный взрывъ общаго хохота раздался на террасѣ и слился со стукомъ ножей, вилокъ и тарелокъ, которыми гремѣли накрывавшіе въ залѣ на столъ люди.

Мало по малу хохотъ стихъ, и среди общаго молчанія раздавался тонкій голосъ молодаго человѣка съ усиками, обращавшагося къ Аграфенѣ Матвевнѣ.

— Нѣтъ-съ, говорилъ онъ, — напрасно вы приписываете мнѣ небывалыя добродѣтели. Что за важность, что я хорошо служилъ, былъ адъютантомъ, да бросилъ службу? за то я теперь занимаюсь устройствомъ своего имѣнія. Вѣдь это не жертва; мнѣ вѣдь это пріятно — живу себѣ

покойно, въ деревнѣ; на рукахъ у меня братишки, забочусь объ ихъ будущности, да покою старушку мать, да съ чистою совѣстью гляжу на свѣтъ Божій.

Молодой человѣкъ задумался было на минуту, но потомъ вставъ, повернулся на каблукахъ и сказалъ: — А впрочемъ какъ вамъ будетъ угодно!

Я удивился такому неожиданному переходу.

— Ахъ, я и забылъ, сказалъ мнѣ Отлетаевъ: — позвольте мнѣ познакомить васъ съ Николаемъ Петровичемъ Хвостиковымъ.

— Который часъ? спросила Нина.

— Скоро четыре, сказалъ князь.

Нина лѣниво встала, поцѣловала собаку и взявъ ее на руки, пошла къ двери:

— Ты здорова? спросилъ ее мужъ....

— Д.. да.... отвѣчала она съ гримаской.

— Отчегожъ блѣдна?...

— Н.. не знаю....

Корнетъ обнялъ ее, поцѣловалъ въ лобъ и пропустилъ въ дверь гостиной, пройдя которую Нина скрылась въ будуаръ. Князь и Трезвонинъ проводили ее глазами.

— Василій Васильевичь! не сѣсть ли намъ въ пикетъ пока до обѣда? спросила старуха Великодольскаго, который изъявилъ на это свое согласіе. — Столикъ бы, Сереженька, зашипѣла она.

— Давно бы такъ, только не здѣсь, а въ гостиной....

— Оно и лучше!... замѣтила старуха.

— О, смиреніе!... шопотомъ произнесъ Отлетаетъ, и крикнулъ: — фонъ! Агаѳонъ!...

Задумчивый желтеньскій старичекъ поднялъ голову.

— Бѣги! крикнулъ ему корнетъ, — вели подать столъ и карты.

— Ладно! сказалъ старикъ, — а то, карты старыя, или то новыя?

— Старыя, сказала старуха, — мы вѣдь по копѣечкѣ?

Великодольскій презрительно улыбнулся и слегка пожавъ плечами, сдѣлалъ такой жестъ, которымъ хотѣлъ сказать: «рѣшаюсь и по копѣйкѣ!»

— Ладно-то.... произнесъ старикъ и ушелъ въ залу, а Аграфена Матвевна съ Великодольскимъ поплелась въ гостиную.

Между тѣмъ Трезвонинъ, взявъ князька подъ руку, пустился съ нимъ въ припрыжку въ садъ. Хвостиковъ, погрузившійся было въ задумчивость, вдругъ произнесъ, не вѣдомо къ кому обращаясь: — А впрочемъ какъ вамъ будетъ угодоно! перевернулся и отправился тоже въ садъ.

— Скажите мнѣ, ради Бога, обратился я къ хозяину, — что это у него за странности?

— Да такъ-себѣ. Нѣтъ нѣтъ, да и отпуститъ какое-нибудь изреченіе. Это такъ у него шутка, въ родѣ остроты, что ли!.. Думаетъ ли онъ о чемъ про себя, да вдругъ вслухъ и отвѣтитъ, право не знаю. А дѣльный человѣкъ, очень не глупый малый, хозяинъ хорошій. Только выпить любитъ.

Тутъ вбѣжали на террассу двѣ дѣвочки, одна лѣтъ семи, другая еще меньше, въ сопровожденіи двухъ спутницъ, рябой, толстой Нѣмки, и худенькой, вертлявой и кокетливой

Француженки. Дѣти бросились къ отцу. Онъ заставилъ ихъ присѣсть мнѣ и потомъ посадилъ обѣихъ къ себѣ на колѣни. Дѣвочки ласкались къ нему и цѣловали его щеки и руки.

— Eh bien! обратился онъ къ Француженкѣ, — comment ça va-t-il?

— Mais fort bien, отвѣчала она, вертясь и охорашиваясь.

— Ce que je sais.... началъ было корнетъ....

— Voyons....

— C'est que vous êtes jolie....

— Ah! bah!

— Et ce que je sens....продолжалъ онъ.

— Ce que vous sentez.... повторила она.

— Je ne le dirai pas! кончилъ корнетъ и, взявъ ее за руку, запѣлъ:

Ce que j'éprouve en te voyant!

Француженка вырвала руку и, указывая глазами на меня и потомъ на Аграфену Матвевну, все видѣвшую въ открытое окно, погрозила ему пальцемъ, что̀ не скрылось отъ входившей въ эту минуту на террассу Нины, измѣнившей прежній туалетъ на другой, болѣе нарядный. Голубое барежевое платье съ затканными воланами ловко сидѣло на ея стройномъ станѣ, и почти исчезало подъ обильными складками большой черной кружевной косынки; черное же кружево, накинутое на свѣтлые локоны, прикрывало два роскошные букета разноцвѣтныхъ гвоздикъ, граціозно воткнутыхъ въ ея огромную косу.

— Мила, сказалъ корнетъ, увидавъ жену. — Не правда ли мила? обратился онъ ко мнѣ. — Умѣетъ одѣться. Тьма вкуса! Да ужь это одно доказываетъ, что вкусъ есть, если меня выбрала въ мужья. Правда, Нина?

— Д.. да! отвѣчала она нéхотя.

— Вы куда нибудь ѣдете? спросилъ я.

— Я? переспросила она, — нѣтъ....

— Извините, продолжалъ я, — судя по изящному туалету вашему, я полагалъ, что....

— Я одѣлась къ обѣду....

— Назначенье женщины — нравиться, замѣтилъ хозяинъ.

— Но не рядиться, прибавила Нина.

— Нарядъ выдаетъ еще больше красоту женщины, продолжалъ онъ, — она должна гордиться этимъ даромъ неба.... Нравиться, обязанность женщины.

— Слушаться, вотъ обязанность жены, замѣтила Нина: — ты этого хочешь, и я исполняю твое желаніе: мѣняю туалетъ четыре раза въ день.

— И прекрасно! Эти наряды такъ идутъ къ тебѣ....

— Видите ли, обратилась она ко мнѣ, — прежде онъ любилъ Нину въ нарядахъ, а теперь.... теперь онъ любитъ наряды на Нинѣ: вотъ почему я почти только и дѣлаю, что одѣваюсь.

— Вы несправедливы къ Сергѣю Васильевичу, замѣтилъ я.

— На то она моя жена, сказалъ корнетъ, — на то есть Аграфена Матвевна ...

— Сережа! произнесла умоляющимъ голосомъ Нина.

— Вы несправедливы и къ себѣ самой, продолжалъ я, — наряды не нужны ни вамъ, чтобы нравиться, ни ему, чтобы находить васъ прекрасною.

— Еслибъ вашими устами да медъ пить! сказала она.

— *Кто не пилъ слезъ изъ чаши бытія?* продекламировалъ корнетъ, и спросилъ самого себя: — откуда бишь это?

— А ты забылъ? спросила Нина. — И то сказать: давно.... въ первые мѣсяцы нашего супружества, мы пѣвали дуэтъ....

— Ахъ Боже мой! помню теперь, сказалъ онъ, — и дѣйствительно, мы давно не пѣли этого дуэта. За то у насъ есть другіе.... споемъ что нибудь? хочешь, Нина? ты въ голосѣ?...

— Кажется! сказала она и, сдѣлавъ въ полголоса бѣглую, чистую и граціозную руладу, прибавила: — да.

— Дѣти, бѣгите за гитарой, сказалъ онъ дѣвочкамъ и спустилъ ихъ съ колѣнъ.

— Не лучше ли съ роялью, молвила Нина.

— Я бы попросилъ позволенія вамъ акомпанировать, сказалъ я, — предложилъ бы вамъ свои услуги.

— Въ комнатѣ душно! сказалъ онъ, — то ли дѣло здѣсь: воздухъ, померанцы, свѣтлое небо, музыка, *женщины*, любовь.... гитару мнѣ! живо! крикнулъ онъ, пихнувъ отъ себя дѣвочекъ, которыя побѣжали въ залу.

Нина, вспыхнувшая при словѣ: *женщины*, сухо и хо-

лодно обратилась къ Француженкѣ, стоявшей, прислонясь къ колоннѣ:

— Que faites vous là, mademoiselle?...

— Je vous admire, madame! лукаво отвѣчала Француженка.

— C'est de trop, продолжала Нина, — suivez, je vous prie, les enfants, et veillez à ce qu'elles ne tombent.

— J'y vais, madame, вспыхнувъ въ свою очередь, сказала Француженка и, адресуясь къ рябой Нѣмкѣ: — *comméne si, madame!* вышла изъ комнаты.

— Ты очень строга съ мамзелью Constance, замѣтилъ Сережа.

— Она мнѣ не нравится, отвѣчала Нина, ударяя на слово «*мнѣ.*»

— *Тревожная ревность кипѣла!*.... — продекламировалъ корнетъ, прибавя: — откуда бишь это? ревность кипѣла?

— Во мнѣ ревность? спросила Нина, — къ ней? какъ будто я не знаю....

— Что?...

— Que tu aimes ta femme avec constance? сказала Нина и лукаво взглянула на мужа.

— Что? что?... Ахъ какъ ты мила! Особенно нынче. Теперь вотъ! прелесть!...

— Да? спросила она: — хорошò платье?...

— Жестокая! *Коварный другъ, но сердцу милый!* запѣлъ онъ и прибавилъ: — о! старина какая! Гитару мнѣ!... давай, Нина, *про любовь тебѣ спою!* Гдѣжь гитара!...

Въ эту минуту мальчикъ лѣтъ девяти, одѣтый въ прекрасную курточку съ отложнымъ батистовымъ воротничкомъ, весь въ локонахъ, вбѣжалъ на террассу, съ гитарой въ рукахъ.

— Папаша! вотъ тебѣ! крикнулъ онъ и бросился къ отцу....

— Ne criez pas si fort! раздался за нимъ голосъ гувернера, красиваго Француза, одѣтаго чисто и прилично

— Сынъ мой, Вася! сказалъ мнѣ хозяинъ.

— Saluez donc monsieur, замѣтилъ Васѣ Французъ, указывая на меня, и кланяясь въ свою очередь.

Мы привѣствовали другъ друга, пока Отлетаевъ настраивалъ гитару.

— Allons promener! сказалъ Вася Фрунцузу, и побѣжалъ въ садъ.

— Allons nous promener, поправилъ его Французъ, слѣдуя за нимъ. — Ne courrez pas si vite, mon Dieu! je n'ai pas votre âge, moi....

— Nous allons diner, крикнула имъ вслѣдъ Нина, — ne vous éloignez pas.

— Non, madame, — отвѣчалъ ей издали Французъ.

— Живой, пробасилъ Огородъ и, прибавя послѣ аккорда, взятаго корнетомъ, — мальчикъ! продолжалъ обмахиваться и вдругъ проговорилъ: — Живой мальчикъ!

— Ну! сказалъ Отлетаевъ, вставая и принимая позу цыгана, дирижирующаго хоромъ, то опуская, то повышая инструментъ, по мѣрѣ повышенія или пониженія голоса пѣвицы: — качай, Нина! Вмѣстѣ!... *О! не гляди!*... Ну!...

Онъ ударилъ по струнамъ и два ихъ голоса, молодые, звучные, слившись вмѣстѣ, то тихо дребезжа, то громко раскатываясь, раздались подъ сводомъ террасы, оглашая окрестность.... Каждое слово было слышно:

О не гляди, не наводи,
Ты на меня взглядъ милый, чудный....
И не буди, въ моей груди
Былыхъ мечтаній жизни трудной....

Не успѣли они повторить послѣдняго стиха, какъ запыхавшійся Трезвонинъ съ молодымъ княземъ уже стояли противъ Нины и впивались каждый въ оживленное лицо пѣвицы. Хвостикомъ прибѣжалъ тоже. Великодольскій и Аграфена Матвевна встали изъ-за картъ и вышли на террассу. Французъ и Вася подходили къ ней тоже. Француженка, Нѣмка и дѣвочки выглядывали изъ дверей, а желтенькій Агаѳонъ изъ окна гостиной. Оживленная внимательная группа, тѣсно обступивъ сидѣвшую Нину, молча слушала дружные переливы двухъ свѣжихъ голосовъ. Пѣли молодые люди, клеветавшіе на себя, любившіе еще другъ друга безъ ума, безъ памяти, въ эту минуту по крайней мѣрѣ, и, увлеченные, посылали другъ другу жгучіе пламенные взоры.

— Еще пой, Нина!.... этого мало.... Начинай, а мы подхватимъ хоромъ.... дружнѣе.... — говорилъ, задыхаясь отъ волненія, хозяинъ и ударяя молодецки по струнамъ.

— Въ этомъ тонѣ хорошо? сказала Нина, — я начинаю....

И она запѣла довольно грустное анданте, въ которомъ слышалась тоска неразделенной страсти. За фіоритурами и

украшеніями, слова̀ слышались вполовину.... Она пѣла что-то въ родѣ того, что съ ней приключился недугъ такой.... что больно полюбился баринъ молодой; послѣ чего мелодія перешла въ болѣе скорый темпъ, и она запѣла:

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, онъ меня не любитъ!

возвышая голосъ на словѣ меня, произнося тише «не любитъ» и снова повторяя:

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ онъ меня не полюбитъ!

Шопотъ одобренія возрасталъ съ каждымъ куплетомъ, но когда, собравъ для финала всѣ силы, все выраженіе, Нина на высокой нотѣ произнесла «нѣтъ, онъ меня не любитъ!...» въ этой сильной, звучной нотѣ было столько грусти, столько отчаянія, что мы всѣ пришли въ неописанный восторгъ, и громъ рукоплесканій, весьма некстати возбужденный Великодольскимъ, усиленный княземъ и поддержанный Трезвонинымъ, заглушилъ послѣдніе звуки очаровательной пѣвицы....

— Любитъ! крикнулъ Отлетаевъ, отдавая кому-то гитару, — страшно любитъ! и бросился къ Нинѣ, которую поцѣловалъ во все-услышаніе, одною рукою обвивая ея голову и прижимая къ сердцу....

— Мнешь, цвѣты мнешь.... прическу спутаешь!... — говорила Нина, слабо защищаясь отъ ласкъ увлеченнаго мужа.

— Кушанье поставлено-съ! громко раздалось въ гостиной. Корнетъ освободилъ голову жены; она встала, пошла къ двери и, сдѣлавъ привѣтливый знакъ рукою, чѣмъ приглашала къ столу, обняла мать и увлекла ее въ залу....

— Чему радуешься? шипѣла ей мать, пока мужчины на особомъ столикѣ пили водку и закусывали: — поцѣловалъ? эка невидаль!... развѣ ты того стòишь-то?... нужны очень его поцѣлуи!...

— Вы жестоки, maman, шепнула ей Нина.

— Да, по твоему небось, продолжала старуха, — приласкалъ и растаяла; небось мамзель-то не таяла, когда ты одѣвалась, а онъ ей ручки пожималъ....

— Вы видѣли? поблѣднѣвъ спросила Нина.

— Да развѣ она одна? все шипѣла мать.

— Ужасно! сказала Нина.

Трезвонинъ между тѣмъ говорилъ мнѣ на ухо своимъ тонкимъ голосомъ:

— Слышали сколько выраженія было въ этихъ немногихъ словахъ: *нѣтъ, онъ меня не любитъ!*

— Да, сказалъ я, — слышалъ, удивительно!

— Тяжело мнѣ ее слушать, сказалъ онъ со вздохомъ, и опустилъ глаза.

Мы сѣли за столъ. Нина, какъ хозяйка занимала первое мѣсто. Я очутился между княземъ и Великодольскимъ. Нина разливала супъ, Отлетаевъ щи. — Вамъ чего? спросилъ онъ меня, — щей?

— Нѣтъ, сказалъ я, — попрошу супу.

— Вы, значитъ, по части французской кухни! Не терплю всѣхъ этихъ утонченностей: легко, прозрачно! дунь, кажется, все съ блюда слетитъ. Несутъ — трясется.... одни только фокусы. То ли дѣло щи, бужанина, бокъ съ кашей.... плотно, увѣсисто.... чисто по русски.

— Я люблю и щи иногда, только рѣдко....

Дѣвочки отказывались кушать поставленный передъ ними супъ.

— N'est-ce pas, madame — спросила mlle Констансъ Нѣмку, — *zi essène immér* votre soupe?

— Я — отвѣчала Нѣмка, — ихъ ѐссе ѝмеръ мейне зуппе.

— Voyez vous, обратилась Француженка къ дѣвочкамъ, madame mange toujours sa soupe, c'est pourquoi elle est aussi grande; qui mangera, grandira.

Дѣвочки принялись за супъ. Въ это самое время неожиданно и неизвѣстно гдѣ, грянули звуки оркестра, заигравшаго какую-то увертюру. Всѣ кушали, не обращая вниманіе на музыку, стуча ложками, ножами и вилками. Лакей, подававшій блюдо, не дойдя до меня, уронилъ вилку. Хозяинъ, слѣдившій глазами за скоростью и ходомъ сервированья, вспыхнулъ и закричалъ:

— Дуракъ! вотъ дуракъ! ничего не умѣетъ сдѣлать! экая дубина!

Нина вздрогнула. Аграфена Матвевна сказала ей что-то, чего я не разслышалъ. Я замѣтилъ, что, обнеся каждое блюдо, его снова подносили къ хозяину, который бралъ съ него порцію на особую тарелку, закрывалъ ее другою и отсылалъ куда-то съ лакеемъ, предварительно пошептавъ ему что-то на ухо.

— Это что? важно и торжественно спросилъ меня Великодольскій, указывая на стоявшую близь меня бутылку.

— Лафитъ.

— Лафитъ даетъ апетитъ, сострилъ Великодольскій, и самодовольно улыбнулся.

— Прикажете? спросилъ я его, взявъ бутылку и наклоняя ее къ его стакану.

— Прошу, благосклонно отвѣчалъ Великодольскій.

— А сосѣду-то, что же? сказалъ мнѣ хозяинъ, — мужчинѣ-то почтенному? да не покрѣпче ли чего?

— Я не пью! краснѣя сказалъ князь.

— Неужели? въ ваши лѣта? настаивалъ корнетъ.

— Мнѣ нужна твердость, сказалъ князь, — бороться.... но не договоря, взглянулъ на Нину.

— Съ кѣмъ бороться? спросилъ хозяинъ.

— Съ вами! отвѣчалъ князь.

— Да, вѣдь я и забылъ, что мы воюемъ.

— Значитъ я сильнѣе васъ въ наукѣ побѣждать, продолжалъ князекъ, глядя на Нину, — я ничего не забываю и никогда не забуду.

«И изъ чего ты хлопочешь, мой милый?» подумалъ я.

Въ это время увертюру только-что кончили и подавали жаркое. Тотъ же лакей, уронившій вилку, подавая блюдо, покачнулъ его, и струя жиру слилась на розовое платье Француженки.

— Ma robe, ma pauvre robe! крикнула она и, вскочивъ со стула, начала салфеткой вытирать полотнище.

— Ахъ, скотина! крикнулъ корнетъ, пунцовой отъ гнѣва, — пьянъ ты что-ли? постой, я съ тобой справлюсь!...

Нина снова вздрогнула и поблѣднѣла. Француженка вытерла платье, надулась и сѣла за столъ.

Однакожь несчастія лакея не прекратилась. Подавъ меньшой дѣвочкѣ, какъ послѣдней по порядку, онъ возвращался съ блюдомъ къ барину, но по несчастію, поскользнулся, потерялъ равновѣсіе: серебрянное блюдо полетѣло изъ рукъ его и громко зазвенѣло по паркету.

— Амфибія! крикнулъ Отлетаевъ, и въ одно мгновеніе, вскочивъ со стула, подбѣжалъ къ лакею... Рѣзкіе звуки двухъ полновѣсныхъ пощечинъ раздались въ комнатѣ. Нина слегка вскрикнула, закрыла глаза и, блѣдная, прислонилась къ спинкѣ своего кресла.

— Спирту! воды! закричала мать. — Ниночка! дружочекъ!...

Нина открыла глаза и сказала:

— Ничего.... прошло.... я только испугалась....

— Да какъ не испугаться! продолжала мать: — шумъ, крикъ, точно свѣта преставленье!...

— Я думала, говорила Нина, — Богъ знаетъ что̀ случилось....

— Выпей хоть водицы, Ниночка.

Между тѣмъ корнетъ уже сѣлъ на свое мѣсто, пока прочіе лакеи подбирали съ полу куски разбросаннаго жаркаго и ножомъ снимали застывшій на паркетѣ жиръ.

— Нина! сказалъ корнетъ, — не сердись на меня, успокойся! яуракъ, взбалмошный, но не злой, право! видишь все прошло, право!... я пью за твое здоровье! Онъ поднялъ бокалъ съ шампанскимъ.

— Merci, сказала она, — довольно объ этомъ....

Каждый изъ насъ спѣшилъ выпить за здоровье хозяйки.

— Тушъ! крикнулъ хозяинъ, и оркестръ прогремѣлъ нѣсколько тактовъ.

— Съ этимъ бокаломъ все забыто, не такъ ли? продолжалъ онъ, адресуясь ко всѣмъ, — извините, прошу васъ, невольный порывъ бѣшенства! Я желалъ бы вернуть эту минуту, но поздно. А болѣе всѣхъ, у васъ я долженъ просить извиненія, сказалъ онъ, адресуясь исключительно ко мнѣ, — я не желалъ бы погибнуть окончательно въ вашемъ мнѣніи. Забудьте этотъ поступокъ! право, мнѣ совѣстно взглянуть на васъ. Чѣмъ бы мнѣ его выкупить?... Васька!... крикнулъ онъ, и тотъ же лакей, который уронилъ блюдо, приблизился, дрожа всѣмъ тѣломъ, и робко произнесъ:

— Чего изволите-съ!

— Больно я тебя ударилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, Васька! чтобъ ты не ронялъ больше блюдъ и вилокъ, не заливалъ платьевъ, не выводилъ меня изъ терпѣнія и не заставлялъ краснѣть передъ моими гостями, за то, что я тебя ударилъ, поздравляю тебя.... ты.... ну, какъ ты думаешь?...

— Есть воля ваша-съ, бормоталъ Васька.

— Ты вольный!

— Батюшка! отецъ и благодѣтель!... крикнулъ Васька со слезами и кинулся ему въ ноги.

— Тушъ! крикнулъ хозяинъ. Музыка загремѣла, и

онъ прибавилъ: встань, ступай!... и обратясь къ Француженкѣ сказалъ: A la santé de votre nouvelle robe que vous aurez demain.

— Cela s'appelle être aimable, весело отвѣтила Француженка и глотнула изъ бокала.

— А ты, Вася! сказалъ корнетъ своему сыну, — не бери съ меня примѣра, не будь такимъ какъ я! не хорошо: сердиться не надо, не годится! спроси хоть у бабушки.

— Слышишь, бабушка! сказалъ Вася Аграфенѣ Матвеевнѣ. — За чѣмъ же ты сама-то все сердишься, да дерешься!

— Что ты, что ты, мой дружокъ, вскрикнула старуха, — когда же я?...

— Какъ же! Развѣ я не видалъ, какъ ты сегодня Сашу танцовщицу башмакомъ по щекамъ била.

— Voulez vous parler français, замѣтилъ Французъ Васѣ.

— Сашу? спросилъ вспыхнувъ корнетъ.

— Что ты это? твердила старуха.

— Сашу башмакомъ! повторялъ Отлетаевъ: — Аграфена Матвеевна?...

— Serge, mon ami, едва-едва выговорила Нина.

— Я молчу, Аграфена Матвеевна, съ разстановкой и удареніемъ на каждое слово сказалъ корнетъ: — фонъ Агафонъ!

— Чего-то, отозвался старикъ въ нанкѣ.

— Знаешь ты это:

Ѣду, ѣду, не свищу,
А наѣду, не спущу?

— Какъ не знать-то.

— Ну, и мотай себѣ на усъ.

— Да у меня ихъ-то, усовъ, нѣтъ-то.

— Все равно!... Есть еще одна штучка: пѣсенка поется и кончится такъ:

Та, кому она, пойметъ,
Отъ кого узнаетъ.

Не такъ ли? вѣдь она пойметъ пѣсенку, Агафонъ, и отъ кого узнаетъ?

— А я же-то почемъ знаю-то!... сказалъ старикъ.

Но та, къ кому все это относилось, то есть Аграфена Матвевна, была какъ на иголкахъ. Нина тоже страдала. Князь и Трезвонинъ продолжали глядѣть на нее очень нѣжно. Настало молчаніе.

— Что̀ такое наша жизнь? вопросительно и задумчиво воскликнулъ Хвостиковъ, и налилъ себѣ шампанскаго.

Мы всѣ засмѣялись. Подавали десертъ, когда лакей просунулъ между мною и княземъ тарелку, на которой лежалъ большой персикъ, и сказалъ:

— Сергѣй Васильевичь изволили прислать вашему сіятельству.

Князекъ посмотрѣлъ на персикъ, взялъ его себѣ, а свой, взятый прежде, положилъ на тарелку и сказалъ: — Скажи Сергѣю Васильевичу отъ меня, долгъ платежомъ красенъ.

Корнетъ, услышавъ отвѣтъ князя, сказалъ ему:

—Я тебѣ послалъ твой портретъ, а ты мнѣ его возвращаешь?

— Пришлите мнѣ вашъ, я сохраню его, отвѣчалъ князь.

— И сходство-то только въ свѣжести, а вовсе не въ зрѣлости.... персикъ-то спѣлый, а ты недозрѣлый герой.

— За то вы перезрѣлый герой!

— Браво! крикнулъ Отлетаевъ и засмѣялся. Мы всѣ послѣдовали его примѣру и встали изъ-за стола.

— Сигаръ, сказалъ хозяинъ лакею.

— Все готово-съ, пожалуйте, отвѣчалъ онъ.

— Господа! прошу васъ, пойдемте, покурить, сюда, за мною.... Нина, хочешь пахитоску!...

— Д.. да! произнесла она нехотя.

— Пойдемъ, жизнь моя, твердилъ онъ и, взявъ ее за талію, прибавилъ: — ты сердишься?...

— Что съ тобою дѣлать....

— Ты ангелъ.

— Въ эту минуту? спросила она.

— Всегда!...

— Ахъ, пойдемъ курить! кончила она грустно, и хозяева вышли изъ залы въ небольшую комнату, въ родѣ пріемной, находившейся подъ столовой верхняго этажа. Мы всѣ послѣдовали за ними, кромѣ старухи съ дѣтьми и Великодольскаго, который остался доигрывать съ нею партію пикета. Взорамъ нашимъ представился такъ-называемый зимній садъ, устроенный въ галлереѣ, снабженной огромными рамами съ обѣихъ сторонъ. Рамы были открыты, и легкій сквозной вѣтерокъ, пробивавшійся между множествомъ огромныхъ экзотическихъ растеній, посаженныхъ въ укрытыя землею и дерномъ кадки, шелестилъ въ ихъ

странныхъ, колючихъ вѣткахъ и колыхалъ огромные листы высокаго банана. Искусственный фонтанъ, занимавшій середину сада, билъ весело, и высоко бросая тысячи брызгъ своихъ, обратно, какъ жемчугомъ, осыпалъ ими обитый жестью бассейнъ, гдѣ плавали и рѣзвились золотыя рыбки. Въ одномъ изъ угловъ сада помѣщалась большая рѣшетчатая клѣтка, гдѣ порхала, кружилась и вилась цѣлая стая ручныхъ, красивыхъ птичекъ. На особыхъ шестахъ, съ цѣпочками, привязанными къ ножкѣ, хохлились нѣсколько зеленыхъ и красныхъ попугаевъ, и всѣмъ кричали «дуракъ». Нѣсколько скамеечекъ встрѣтили мы на дорожкахъ, хотя устать въ этомъ саду не было возможности. Параллельно съ клѣткой помѣщался прозрачный павильонъ, весь покрытый дикимъ виноградомъ и другими вьющимися растеніями въ цвѣту. На столѣ этого пріюта стоялъ серебряный кофейный сервизъ и лежали глыбы сигаръ, папиросъ, пахитосъ, со всѣми принадлежностями, то-есть пепельницами и огнемъ, горѣвшимъ, посредствомъ зажженнаго фитиля, напоеннаго спиртомъ и торчавшаго изъ открытой пасти какого-то бронзоваго чудовища. Группа чубуковъ, съ наложенными уже трубками, тѣснилась въ углу. Когда мы вошли въ бесѣдку, корнетъ сказалъ:

— Здѣсь хорошо бываетъ зимою. Здѣсь зимняя резиденція Нины. Сядемте. Не прикажете ли кофе? Кому сигару?

Нина принялась наливать кофе. Хозяинъ взялъ сигару, Огородъ и Хвостиковъ закурили трубки, а я взялъ папироску, за которою потянулся и князь.

— Ваше сіятельство! закричалъ хозяинъ.

— Сергѣй Васильевичь! отвѣчалъ князь, закуривая папироску.

— Курить изволите

— Изволю.

— Не сдѣлалось бы дурно.

— Не безпокойтесь. Отчего же мнѣ не курить, если даже дамы курятъ?

Нина, наливъ всѣмъ кофе, закурила пахитоску, а Трезвонинъ, охорашиваясь, шагалъ по дорожкамъ.

— Eugène! сказала Нина. — Сережа на васъ все нападаетъ, я буду защищать васъ.

— Merci, произнесъ юноша и вспыхнулъ.

— Нина! я приревную, замѣтилъ шутя корнетъ.

Вдругъ въ эту минуту послышались вдали нѣжные звуки роговой музыки. Настало молчаніе. Мы слушали. Не успѣлъ я похвалить исполненіе, когда звуки стихли и замерли, какъ въ другомъ мѣстѣ грянулъ хоръ трубачей, и заунывная волторна то сливала свое соло съ общими мѣстами, то снова одна оглашала окрестность. Я былъ въ восхищеніи, а корнетъ прыгалъ отъ радости, довольный, счастливый, и до того разрѣзвился, что обнялъ Агаѳона, и сказалъ:

— Ну, фонъ, скажи ты мнѣ, нашелъ или не нашелъ?

— Нѣтъ-то!... не нашелъ, сердито отвѣчалъ старикъ въ нанкѣ.

— Такъ и не нашелъ?

— Нѣтъ-то! Чистота эта-то проклятая! — отвѣчалъ онъ.

Корнетъ расхохотался и прибавилъ:

— Ну сходи еще поищи.

— Нѣтъ-то, не пойду-то.

— Не пойдешь? Ну, такъ не дамъ табаку.

Старикъ злобно показалъ ему кулакъ, а корнетъ расхохотавшись продолжалъ:

— Не дамъ табаку, ни нюхать, ни курить....

— Какъ же! Смѣешь-то! злобно отвѣчалъ старикъ....

— Вотъ увидишь!... Сейчасъ отниму трубку....

Старикъ жадно потянулъ дымъ изъ чубука, и дико смотрѣлъ на хозяина.

— Serge, mon ami, ne l'irritez donc pas, de grâce! произнесла Нина.

— Ну, ступай же, ищи, продолжалъ хозяинъ.

— Не пойду-то! рѣшительно отвѣчалъ Агаѳонъ.

— А? такъ подай трубку!... крикнулъ корнетъ и схватилъ чубукъ Агаѳона.

— Не тронь-то! кричалъ онъ.

— Пойдешь искать?

— Пойду-то.... не тронь....

— Ну, иди!...

— Иду-то! отвѣчалъ старикъ, вставая и держа одною рукою чубукъ, а другою показывая кулакъ корнету. — Иду-то.... Иду....

— То-то смотри!...

— У! вотъ тебѣ-то! У! вотъ-то, тебѣ! кричалъ Агаѳонъ, показывая языкъ корнету и убѣгая изъ бесѣдки.

Я не зналъ что подумать, и попросилъ объясненія.

— Кто это? спросилъ я корнета.

— Бѣдный помѣшанный дворянинъ, котораго крошечное имѣніе законные наслѣдники отдали въ опеку. Я взялъ его къ себѣ для забавы, смѣха ради. Мое гостепріимство ему дорого обходится: подразнить моя страсть. Мнѣ потѣха, когда онъ сердится.

— Не вѣрьте ему! горячо вступилась Нина, — онъ не такъ дуренъ: онъ добръ мой Сережа, очень добръ! Онъ пріютилъ бѣднаго помѣшаннаго изъ состраданія, изъ человѣколюбія, а не по капризу: это было бы слишкомъ по барски, не вѣрьте ему.

Князь нахмурилъ свои хорошенькія бровки: вѣроятно похвала корнету въ устахъ Нины была ему непріятна.

— Ниночка! сказалъ корнетъ, — зачѣмъ ты меня выводишь на свѣжую воду?

— Въ чемъ же пунктъ помѣшательства у этого несчастнаго? спросилъ я.

— Представьте, отвѣчалъ хозяинъ: — онъ вездѣ ищетъ пауковъ, сажаетъ ихъ въ коробки, которыя заклеиваетъ наглухо и ждетъ три года, чтобы по прошествіи этого времени вмѣсто паука найдти.... ну, чтобы вы думали?... брилліантъ!...

— Жаль его! а вѣдь право смѣшно, сказала Нина: — смѣшно всякій разъ, когда онъ, увидя на мнѣ брилліанты, вскрикнетъ: эки-то паучищи!

Мы засмѣялись, особенно князекъ, котораго восхитила манера, съ какою Нина передразнила старика; но въ эту

самую минуту, вдругъ, хоръ свѣжихъ мужскихъ голосовъ раздался гдѣ-то далеко за домомъ, и заслышалась удалая:

Я пойду, пойду косить,

за которой послѣдовала заунывная:

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,

скоро перешедшая въ плясовую. Несмотря на скорый темпъ пѣсни и удалое исполненіе, эти народные звуки, полные затаенной грусти, какъ вся русская музыка, хватали за сердце и особенно послѣ сцены съ помѣшаннымъ старикомъ, наводили какую-то тоску, а у болѣе нервнаго человѣка вызвали бы слезы. Я поникъ головою и задумался. Между тѣмъ пѣсня рѣзко оборвалась на высокомъ, удаломъ звукѣ запѣвалы.

— Сережа! вели перестать, будетъ! грустно! сказала Нина.

— Да какъ же дать имъ знать? хоръ въ паркѣ. Если закричать, не услышатъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Я сбѣгаю! вызвался князекъ и ѳпрометью бросился къ дому.

Трезвонинъ, давно выжидавшій его и ходившій по дорожкамъ, обрадовался товарищу и въ припрыжку послѣдовалъ за нимъ.

— Однакожь, началъ хозяинъ, — напрасно мы услали князька-то. И всѣмъ пора къ дому, въ экипажи, да въ театръ. Вы ужь позвольте мнѣ сегодня распоряжаться вашимъ временемъ, обратился онъ ко мнѣ.

— Располагайте мною.

— Иначе сказать: терзайте, мучайте меня. Такъ?

— У васъ очень подозрительный характеръ....

— Я боюсь, вы поссоритесь, смѣясь возразила Нина: — лучше скажите мнѣ, который часъ?

— Восемь! быстро вынувъ часы, прохрипѣлъ Огородъ.

— Поздно! мнѣ пора! вставая и идя изъ бесѣдки, сказала Нина.

— Поѣдишь ты въ театръ? спросилъ ее мужъ.

— Д.. да!... а что?

— Ничего, я очень радъ.... только что̀ заложить?

— Char-à-bancs голубой и сѣрую пару....

— Кто же править будетъ?

— Ты.

— Не могу! мнѣ надо прежде сбѣгать посмотрѣть, все ли дураки-то такъ сдѣлали, какъ я велѣлъ, и тамъ, на мѣстѣ, встрѣтить дорогаго гостя.

— Ну, я сама буду править.

— Боже сохрани! крикнулъ корнетъ: — понесутъ, чего добраго! одинъ щекотливъ, другой пугливъ....

— Пустяки! позволь, Сережа, сдѣлай милость!

— Ни за что на свѣтѣ!...

— Ну, пожалуста....

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— У! злой! поди отъ меня! злой! притворно сердясь, сказала Нина.

— Пусть я буду чѣмъ хочешь, а не пущу иначе, какъ въ открытомъ ландо. Всѣ усядитесь и прекрасно....

— Нельзя мнѣ самой править? спросила Нина.

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? переспросила она и послѣ молчанія, прибавивъ: — хорошо же, Сергѣй Васильевичь! весело вышла изъ бесѣдки, и запѣла:

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, онъ меня не любитъ!...

и съ послѣднмъ словомъ скрылась въ домѣ.

— Ну, не ангелъ это? спросилъ меня корнетъ, разумѣя жену. — И какъ я мало ея стою! И какъ она меня любитъ!

— Это видно! замѣтилъ я.

— И какъ мало я ее люблю! продолжалъ корнетъ. — Она стоила бы обожанія. Иной счелъ бы за блаженство умереть у ногъ ея, не только взглянуть на другую женщину... А я, презрѣнный, позволяю себѣ увлекаться, я, низкій, жалкій человѣкъ.... а все виновата эта дурацкая, пылкая, необузданная натура! И то сказать, если бы не было этой фуріи Аграфены Матвевны!... А то наговоритъ ей съ три короба, поссоритъ, пойдутъ сцены ревности, упреки. Да туда же еще Сашу танцовщицу башмакомъ!... Постой! хорошо, что я вспомнилъ! Узнаю, что за исторія. Я покажу ей, какъ въ моемъ домѣ распоряжаться! Однакожъ пора! Извините, если я васъ на полчаса оставлю и пойду распоряжусь на счетъ спектакля. Пойдемъ и ты со мной, Иванъ Ивановичь, кой объ чемъ помолчимъ дорогой-то; я бы тебя и здѣсь оставилъ, да тебѣ все равно молчать-то, еще пожалуй и лишній экипажъ закладывать, всѣ не умѣститесь, а я съ тобой безъ церемоніи: ты знаешь, что я только и скупъ что на лошадей; къ тому же и моціонъ тебѣ нуженъ, а вамъ — обратился онъ ко мнѣ — отдыхъ послѣ

моей болтовни. Нина одѣнется, пріѣзжайте съ нею... идемъ, Иванъ Иванычь.

— Идемъ, прибавилъ Огородъ, на все согласный.

— И такъ, я жду васъ въ храмѣ Таліи что ли, или какъ лучше? Терпсихоры? обратился ко мнѣ Отлетаевъ.

— Горю нетерпѣніемъ осыпать аплодиссементами вашихъ артистовъ.

— Поддержите Сашу, она премиленькая.

— Непремѣнно. А Параша, про которую вы мнѣ говорили на верху.

— Парашка? Она въ отставкѣ, теперь Саша — фуроръ!... Впрочемъ велю и Парашкѣ что-нибудь такое, въ старомъ костюмѣ. Она дрянь стала, подурнѣла, блѣдна!... Влюблена что ли въ кого, чортъ ее знаетъ!

— Припоминаю! забасилъ Огородъ.

— Что Сергѣй Васильевичь былъ прежде ея защитникомъ, досказалъ я мысль Ивана Ивановича.

— Былъ! утвердительно сказалъ онъ.

— Каюсь! Непостоянство у меня въ крови.

— И несправедливость тоже?... замѣтилъ я, въ видѣ шутливаго вопроса.

— Я смертный, слабый смертный.... Однако пора! пойдемъ, обольститель!... обратился онъ къ Огороду, и прибавилъ мнѣ: — съ вами только свяжись и не отвяжешься. Ну, чувствую къ вамъ

Влеченье, родъ недуга,
Любовь какую-то и страсть....

— Благодарю! сказалъ я: — я самъ, право, не вижу какъ проходитъ время.

— До свиданія, идемъ! сказалъ Отлетаевъ и, взявъ Огорода за руку, побѣжалъ къ дому.

— Охъ, басилъ Огородъ, охъ! и подпрыгивая едва поспѣвалъ за корнетомъ.

IX.

Оставшись одинъ, я сталъ приводить въ порядокъ впечатлѣнія этого страннаго дня, но посидѣвъ съ четверть часа, почувствовалъ, что становится свѣжо̀ на сквозномъ вѣтру, и вышелъ изъ искусственнаго сада въ натуральный. Пробѣжавшись по дорожкамъ, я взошелъ на террассу, гдѣ было уже совершенно темно отъ крыши и деревьевъ. Взглянувъ въ открытое окно, я увидѣлъ Нину въ новомъ туалетѣ — прозрачномъ, какъ дымъ, бѣломъ платьѣ и съ вѣтками незабудокъ во взбитыхъ локонахъ, нарядную и интересную. Съ террассы я могъ видѣть все, что̀ происходило въ гостиной и не быть замѣченнымъ. Нина сидѣла въ креслѣ. Трезвонинъ молодцовато ходилъ по комнатѣ, по временамъ останавливаясь передъ Ниною, и казалось, былъ очень встревоженъ.

Я, грѣшный человѣкъ, остался въ моей засадѣ и прислушался. Трезвонинъ говорилъ своимъ тоненькимъ голоскомъ:

— Это случай, и случай рѣдкій, что мы одни.... я благословляю судьбу.... впрочемъ, я вообще очень счастливъ.

— Съ чѣмъ я васъ и поздравляю, смѣясь замѣтила Нина.

— Послушайте, пищалъ онъ, — ревность тяжелое чувство....

— Да, отвѣчала Нина, — ужасное чувство! ужасное чувство!...

— Не надо давать ему воли, продолжалъ Трезвонинъ.

— Нельзя!

— Постарайтесь, умолялъ старикашка.

— Я говорю вообще, Антонъ Ивановичь.

— Понимаю!... вѣдь человѣкъ не властенъ надъ своимъ сердцемъ, что же дѣлать?... горю не поможешь, это несчастіе!...

— Вы говорите, Антонъ Ивановичь, какъ-то очень темно, какими-то намеками, а иногда вырвется слово мнѣ доступное.... и я начинаю понимать васъ....

— Ну, слава Богу! вѣдь я вамъ такъ преданъ.... конечно, если иногда.... но что же дѣлать?... Я, право... вы знаете.... такъ всегда любилъ васъ.... что....

— Право? спросила Нина, и громкій хохотъ раздался въ гостиной....

— Это нервный припадокъ! Не спросить ли вамъ воды?...

— Съ чего вы взяли!... мнѣ просто смѣшно.... Я здо-

рова. А лучше вотъ что: велите-ка подавать карету, да посмотрите, не въ зимнемъ ли саду нашъ гость? Кстати, не правда ли, онъ....

— Пренадменная особа, прервалъ Трезвонинъ, — много о себѣ думаетъ....

— Я не замѣтила.

— Мнѣ говорила Annette....

— Кто?

— Жена Великодольскаго.... будто онъ сказалъ, что я старше ея мужа.

— Неужели? смѣясь спросила Нина. — А что Великодольскій гдѣ?...

— Уѣхалъ и звалъ меня завтра къ себѣ. Не могу же я не ѣхать? я поѣду.... Я напередъ вамъ говорю, что поѣду.

— Ну что же? Съ Богомъ. А гдѣ другіе всѣ?

— Какъ вы это говорите: *ну что же? съ Богомъ.* Я не знаю гдѣ всѣ.

— Сыщите же ихъ, подите.... прошу васъ.

— Иду! пищалъ онъ, — только вы успокойтесь....

— Я спокойна. Да что вы, Антонъ Ивановичъ?...

— Развѣ я не вижу?... ахъ, еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело! вскрикнулъ селадонъ и, выпрямляясь, быстро выбѣжалъ въ залу. Въ это самое время молодой князекъ, какъ вихрь, влетѣлъ на террассу и не замѣчая меня, остановился въ дверяхъ гостиной.

— Вы однѣ? сказалъ онъ.

Нина вскрикнула, робко оглянулась и, увидавъ его сказала:

— Шалунъ! ребенокъ!... какъ вы меня испугали!...

— Виноватъ! началъ онъ: — извините, но минуты дороги.... вы однѣ, а это случается рѣдко.... знаете, что я вамъ скажу?

— Что такое? Боже мой! не случилось ли чего? вы такъ встревожены....

— Я думаю! продолжалъ онъ, — будешь встревоженъ, когда я завтра ѣду.

— Куда? спокойно спросила Нина.

— Съ бабушкой въ Петербургъ.

— Опредѣляться на службу?

— Да! съ отчаяніемъ вскрикнулъ князь. — Везутъ! увозятъ!

— Поздравляю васъ. Что вы не сказали раньше? я очень рада!...

— Вы рады?... Это ужасно! Что я не сказалъ раньше! но развѣ мы были одни?...

— Это вы могли сказать при всѣхъ, я полагаю...

— Того, что̀ я имѣю вамъ сказать, я не могу сказать при всѣхъ! Выдавать эту тайну людямъ? никогда! Они осмѣяли бы мою святыню! Они называютъ меня ребенкомъ, когда я столько выстрадалъ, столько пережилъ тяжелыхъ, страшныхъ минутъ, столько выплакалъ слезъ!... И мнѣ уѣхать! Мнѣ разстаться съ вами!

— Что за бредъ, Eugène? конечно, вы къ намъ привыкли, мы свои, но обстоятельства прежде всего. Поѣзжайте съ бабушкой: она умная женщина, она васъ пристроитъ....

— Хорошо вамъ разсуждать! крикнулъ онъ: — вы стало-быть не знаете, что̀ я чувствую, вы не понимаете моихъ мученій.... Я люблю васъ!...

Нина, какъ ужаленная, вскочила съ кресла, но робкій за минуту князь продолжалъ:

— Да, я люблю васъ, безумно люблю! я не могу жить безъ васъ, не могу ѣхать, не поѣду! я люблю васъ! что мнѣ будущность, когда я люблю васъ? что мнѣ самая жизнь вдали отъ васъ?... Сжальтесь, скажите только одно слово!... Нина!...

— Не смѣйте падать на колѣна! сказала она строго, но спокойно: — чего вы хотите? любви моей! по какому праву? Вы знаете, что она принадлежитъ моему мужу.

— Ему? крикнулъ онъ, — который....

— Ни слова! гордо сказала Нина: — не усиливайте вины своей клеветою. Вы слишкомъ молоды, и не вамъ судить другихъ. Подите, выпейте воды; я отъ васъ не ожидала такого ребячества....

— Пощадите.... пощадите, шепталъ юноша, наклоняя голову, и, двѣ слезы скатились по розовымъ щекамъ его.

— Я вамъ прощаю, Eugène. Вы можетъ-быть не хотѣли оскорбить меня, вы даже не понимаете, что словомъ «я люблю» можно оскорбить женщину; но я совѣтую вамъ впередъ быть осторожнѣе. Мы одни.... Это останется между нами; я не хочу подвергать васъ насмѣшкамъ общества.... Идутъ, оправьтесь и забудьте этотъ вечеръ.... докажите, что вы не ребенокъ....

Съ этимъ словомъ она подошла къ зеркалу, князь закрылъ

лицо руками, а я сбѣжалъ осторожно съ террассы въ садъ въ то время, когда Трезвонинъ съ Хвостиковымъ входили въ гостиную и объявляли Нинѣ, что карета готова, а меня не нашли. Но я не замедлилъ явиться.

— А я то васъ искалъ-искалъ, кликалъ-кликалъ, и по саду и даже на верху, сказалъ Трезвонинъ.

— Ну, господа поѣдемте, пора, перебила его хозяйка: — Сережа вѣрно заждался насъ. Князь, дайте мнѣ бурнусъ.

Юноша схватилъ бѣлый бурнусъ, брошенный на стулѣ, и бережно прикрылъ имъ высокія и нѣсколько худыя плечи Нины.

Нина пошла впередъ; мы всѣ послѣдовали за нею.

— Ну, батюшка, шепнулъ мнѣ Трезвонинъ: — какая у меня съ ней безъ васъ была сцена!...

— Неужели? спросилъ я очень натурально.

— Не говорилъ ли я вамъ, что я въ этомъ домѣ поставленъ судьбой въ самое неловкое положеніе?...

Онъ махнулъ рукой и опустилъ глаза. Мы сошли съ лѣстницы. Лихая четверня подкатила къ подъѣзду откидное четвероместное ландò. Нина сѣла. Рядомъ съ нею, по усильной моей просьбѣ и вслѣдствіе долгихъ церемоній, сѣлъ Трезвонинъ; мы съ княземъ помѣстились напротивъ, Хвостиковъ вспрыгнулъ на козлы, и мы понеслись въ гору, по песчаному, широкому шоссе вырубленной въ паркѣ аллеи, уставленной съ обѣихъ сторонъ горящими смоляными бочками. Набѣжавшія тучи висѣли надъ землею; было темно; толстыя деревья казались черными, особенно при пламени

горѣвшихъ бочекъ, колыхаемомъ и вытягиваемомъ силою небольшаго вѣтра. Видъ былъ чудесный. На концѣ аллеи виднѣлся театръ, весь уставленный плошками и разноцвѣтными стаканчиками. На разстояніи неболѣе полуторы версты, хоръ мѣдныхъ инструментовъ и пѣсенниковъ привѣтствовалъ царицу села Сережина. Нѣсколько всадниковъ изъ лакеевъ, одѣтыхъ англійскими берейторами, галопировали впереди, по бокамъ и сзади кареты. Однимъ словомъ, корнетъ высказывался во всемъ, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. Когда мы подъѣхали къ крыльцу большаго четырехъ-угольнаго зданія, лакеи, въ парадныхъ ливреяхъ, съ галунами, высадили Нину и повели ее подъ руки на лѣстницу.

— Скажите мнѣ, князь, спросилъ я, — васъ не удивляетъ, какъ меня, все что̀ вы видите?

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — я привыкъ. Я это вижу почти каждый день, и вотъ уже сколько лѣтъ.

Я улыбнулся и вошелъ вмѣстѣ со всѣми въ довольно большую театральную залу. Занавѣсъ, съ видомъ Сережина на полотнѣ, скрывалъ сцену; оркестръ помѣщался у самой рампы, ярко освѣщенной лампами, и грянулъ увертюру какъ только Нина показалась въ залѣ. Ложъ не было. Въ первомъ и второмъ ряду стояли кресла, дальше лавки, обитыя краснымъ бархатомъ, равно какъ и балюстрада, отдѣлявшая оркестръ. Проходъ между креселъ и лавокъ былъ по серединѣ. Передъ иными креслами перваго ряда стояли столики; на столикахъ лежали афишки, писанныя весьма красиво на розовой кружевной бумажкѣ. Я взялъ одну и, пока Нина са-

дилась и отдавала бурнусъ Трезвонину, а князь и Хвостиковъ о чемъ-то разсуждали, прочелъ слѣдующее:

Село Сережино.

Іюля 5го 185·· года.

Труппою корнета Отлетаева

представлено будетъ:

НОВИЧКИ ВЪ ЛЮБВИ,

водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Роли *Вареньки* и *Сашеньки* будутъ играть дѣвицы: *Вѣра* и *Ольга Рыжкины.*

ПУТАНИЦА,

водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Роль Клушиной будетъ играть *Маша, 17 лѣтъ.*

и

ДИВЕРТИССЕМЕНТЪ,

составленный изъ разныхъ танцевъ.

1. Па съ шалью. . . . . . . Саша.
2. Качуча. . . . . Параша.
3. Pas des deux. . . . . . . Саша и Параша.
4. Русская. . . . . Маша.

ФИНАЛЪ.

Прочитавъ афишку и спрятавъ ее въ карманъ, я увидалъ на заднихъ скамейкахъ знакомыя лица: толстаго, черноволосаго, съ краснымъ лицомъ, плутовскими, масляными глазками и улыбающеюся физіономіей человѣка, рядомъ съ худою, рябоватою и чрезвычайно сухою женщиной; я узналъ

въ нихъ, къ крайнему моему изумленію, плута управляющаго, котораго я прогналъ изъ моего имѣнія, Рыжкина и жену его. Рыжкинъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и, дѣлая видъ, что не узнаетъ меня, не удостоивалъ даже поклона: такъ онъ желалъ этимъ оскорбить меня и вмѣстѣ съ тѣмъ выказать свое теперешнее значеніе. Онъ видимо гордился мѣстомъ управителя и талантомъ дочерей своихъ. Рядомъ съ ними сидѣла еще какая-то длинная фигура, молодая, въ длинномъ же сюртукѣ, съ ухватками семинариста. Молодая полная женщина, повязанная платочкомъ, сидѣла молча около него, скрестивъ руки на желудкѣ. Это былъ конторщикъ съ супругою. За ними скромно помѣщались на лавкахъ нянюшки, мамушки, дворецкій съ супругою, актрисы незанятыя на сценѣ, прислуга театра и много разныхъ лицъ изъ огромной дворни. Но вотъ, съ послѣднимъ аккордомъ увертюры, взвился занавѣсъ, и взорамъ нашимъ представилась недурная декорація, представлявшая павильонъ, съ стеклянною дверью въ садъ. Двѣ рѣзвыя пансіонерки пробѣжали по саду, догоняя другъ друга и наконецъ влетѣли на сцену, продолжая граціозную ссору за облатку, или что-то въ этомъ родѣ. Но, увы, это были не рѣзвыя, граціозныя пансіонерки, а дебелыя, рослыя дѣвы, хорошенькія, это правда, но лишенныя всякой граціи.

Влюбленный юноша, не знавшій утвердительно въ кого влюбленъ, былъ очень не дуренъ въ лицѣ того самаго Васьки, который въ одинъ день: сервировалъ за столомъ, получилъ двѣ оплеухи, вольную, и, наконецъ, игралъ на театрѣ.

Артисты были вызваны. Въ антрактѣ пришелъ Отлетаевъ и пригласилъ меня на сцену. Мы отправились.

— Возьмите и меня! пищалъ Трезвонинъ. — Я обожатель красоты и, могу сказать, опытный цѣнитель....

— Пойдемте, сказалъ ему корнетъ, — только я право боюсь, вы вскружите головы всѣмъ моимъ танцовщицамъ, и я останусь безъ комедіи и балета....

— Нѣтъ, вы напрасно тревожитесь, пищалъ Трезвонинъ, идя съ нами по корридору, окружавшему залу и прорѣзанному дверьми въ комнаты артистокъ, — я не позволю себѣ ничего такого; кулисы заманчивы юношамъ.... новичкамъ.... помилуйте, а мнѣ!...

Отлетаевъ улыбнулся и, занятый другимъ, спросилъ меня:

— Кстати, какое впечатлѣніе произвели на васъ мои *новички?*

Я хотѣлъ ему сказать: «грустное, какъ пародія на искусство, какъ безплодная трата времени.... тяжелое впечатлѣніе произвела на меня *эта камедь* и эти толстыя дѣвы..» Многое хотѣлъ я сказать ему, и только послѣ нерѣшительнаго молчанія отвѣчалъ похвалою.

— Но вотъ мы и на сценѣ. Взгляните, и судите.

Я осмотрѣлся. Сцена была, какъ сцена. Работники ставили новую декорацію, передвигали мебель и суетились. Участвовавшіе въ объявленной піесѣ, въ костюмахъ, набѣленные и нарумяненные, ходили по сценѣ, кто попарно, кто въ одиначку. Нѣсколько танцовщицъ, одѣтыхъ въ коротенькія юбочки съ блестками, порхали по сценѣ. Одна

перебѣгала сцену на носкахъ, другая упражнялась въ тщательномъ выдѣлываніи какого-нибудь па, третья вертѣлась на одной ногѣ, растопыря руки; корнетъ подвелъ меня къ Сашѣ и, потрепавъ ее по плечу, сказалъ:

— Вотъ она! попрыгунья стрекоза!

Саша была худенькая, стройненькая, черненькая дѣвочка, съ живыми глазками и плутовскою улыбкой.

— Смотри, не осрамись! сказалъ ей баринъ.

Она опустила глаза.

— Посмотри-ка на меня!

Саша взглянула на барина и улыбнулась.

— О глаза! воскликнулъ онъ.

Аллахъ сорвалъ съ покрова ночи
Двѣ яркія, прекрасныя звѣзды,
И бросилъ ихъ съ небесной высоты,
И звѣзды тѣ въ твои впилися очи!

продекламировалъ Отлетаевъ и, страстно обнявъ Сашу, прижалъ ее къ себѣ. Саша бросила ему взглядъ, который весьма искусно выражалъ любовь самую пылкую.

— Бѣдная Нина! подумалъ я, и сказалъ, когда Отлетаевъ, прошептавъ что-то Сашѣ, освободилъ ее:

— Это созданіе напоминаетъ мнѣ другое....

— Сегодня день воспоминаній! замѣтилъ онъ.

— Именно! я зналъ одну дѣвочку, но она не была танцовщицей.... бѣдная Ѳеша!

— Какъ вы ее назвали? быстро спросилъ Отлетаевъ.

— Ѳешей! повторилъ я.

Танцовщица лукаво посмотрѣла на меня, потомъ на ба-

рина, который вспыхнулъ, но я не обратилъ на это вниманія и спросилъ:

— А гдѣ же другіе сюжеты?

— Парашка! крикнулъ корнетъ, и молодая высокая дѣвушка, съ темною, большою косой, круглымъ личикомъ, вздернутымъ носикомъ и темными глазками, въ розовомъ атласномъ коротенькомъ платьѣ, обшитомъ черными кружевами, съ розой въ головѣ и кастаньетами въ рукахъ, робко приблизилась къ барину.

— Ну, иди, что модничаешь-то, не укусятъ! точно виноватая! какія нѣжности еще! говорилъ ей баринъ.

Параша грустно взглянула на корнета.

— Да смотри у меня, продолжалъ онъ: — танцовать какъ слѣдуетъ.

— Я... кажется...., начала было Параша.

— Ну, ну, безъ разсужденій у меня, строго прервалъ ее баринъ: — намедни при губернаторѣ осрамилась, хоть онъ и сказалъ, что хорошо, да это только изъ учтивости, а ужъ я-то знаю. Онъ даже утверждалъ, что ты будто лучше Саши: ну да это потому, что онъ не знатокъ въ этомъ дѣлѣ, а меня-то не надуешь.

Соперницы послали другъ другу по долгому, блестящему, злому, насквозь пронизывающему взгляду. Во взорѣ Саши виднѣлось торжество любимицы, глаза Параши выражали сознаніе силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жгучую ревность. Улыбки обѣихъ выказывали презрѣніе другъ къ другу.

— Ну, ступай, чего глазѣешь? налюбовались твоею прелестью, сказалъ корнетъ, не зло, но насмѣшливо Парашѣ.

Она взглянула на него влажнымъ, отъ набѣжавшихъ слезъ, взоромъ и, грустно опустя голову, изчезла въ глубинѣ сцены. Хохотъ Отлетаева прикрылъ ея отступленіе. Оркестръ игралъ польку, и Саша сдѣлала нѣсколько па всторону. Трезвонинъ между тѣмъ перебѣгалъ отъ группы актрисъ къ танцовщицамъ, и, у самаго ихъ носа, разсматривалъ ихъ въ лорнетъ, какъ какія-нибудь вещи.

— Извините, сказалъ я корнету: — вы смѣетесь, а вамъ должно быть жутко. Слезы этой дѣвушки падаютъ на вашу совѣсть. Между вами, если не драма, то маленькій романъ.

— Коротенькій, отвѣчалъ онъ: — было и прошло: вотъ его заглавіе; а содержаніе: любилъ и разлюбилъ.

— Въ романѣ, замѣтилъ я: — все должно быть естественно, особенно развязка. Не хорошо, если родится вопросъ: почему?

— Ужь я такой человѣкъ, отвѣчалъ корнетъ: — я требую отъ женщины увлеченія, а не разсчета! Чуть замѣчу, что мое *я* играетъ второстепенную роль, очарованіе изчезаетъ и является холодность, мщеніе, даже ненависть. Короче, мнѣ сказали, что она имѣла виды....

— А если это клевета?...

— Почему вы думаете?...

— Мнѣ кажется. Въ ея глазахъ замѣтилъ я безграничную къ вамъ преданность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отчаяніе, грусть.... она плакала....

— Параша! крикнулъ онъ.

Въ одно мгновеніе, оживленная этимъ зовомъ, быстро и

весело, въ два прыжка, очутилась она около барина. Саша, въ свою очередь, испуганная и встревоженная, стояла тоже подлѣ него.

— Посмотри-ка на меня! сказалъ онъ Парашѣ.

Она взглянула на него непередаваемымъ взглядомъ и молча говорила: я люблю тебя, неблагодарный! Саша, между тѣмъ, безъ словъ принявъ театральную позу, и ловко изогнувшись, подставила ему свое нахальное личико.

Отлетаевъ посмотрѣлъ на одну, потомъ на другую... Обѣ улыбались. Настала минута тревожнаго молчанія.

— Нѣтъ, сказалъ корнетъ: — эта лучше! и потрепалъ Сашу по щекѣ.

Соперницы снова смѣрили одна другую взглядомъ и, по знаку барина, разошлись въ разныя стороны, а корнетъ, обратясь ко мнѣ, произнесъ: — Ну, что вы хотите, неисправимъ, хоть брось! и, махнувъ рукою, отошелъ всторону. Въ залѣ раздались аплодиссементы Хвостикова и князя.

— Начинать! антрактъ длиненъ, сказалъ Отлетаевъ и, крикнувъ: — участвующіе въ Путаницѣ на сцену! обратился ко мнѣ и Трезвонину: — пойдемте въ залу.

Занавѣсь уже взвилась, когда мы вошли въ залу. Играли и сыграли — вотъ все, что можно было сказать о ходѣ піесы. Въ антрактѣ, между второю піесой и танцами, намъ подали чаю. Каждый изъ насъ придвинулъ столикъ къ своему креслу и принялся за ароматическій напитокъ. Я поставилъ свой стаканъ и задумался, пока Трезвонинъ и князь услуживали Нинѣ, то поднимая скатившійся съ ко-

лѣнъ ея букетъ, составленный изъ бѣлаго піона въ широкой рамкѣ незабудокъ, то принимая чашку, предлагая сухарей и многое другое. Сцены за кулисами не выходили изъ моей головы.

— Подумаешь, сказалъ мнѣ хозяинъ, — глядя на васъ, что сейчасъ только-что кончили раздирательнѣйшую изъ драмъ французской кухни, а не игривую «Путаницу»: такъ вы мрачны и задумчивы!

— Ваша правда, отвѣчалъ я: — у меня въ головѣ такая путаница. Я сегодня особенно настроенъ къ мечтательности.

— Ужь не глазки ли которой-нибудь изъ дѣвицъ Рыжкиныхъ зажгли ваше сѣверное сердце огнемъ южной любви?

— Ахъ, кстати, сказалъ я, — отецъ этихъ толстыхъ нимфъ у васъ управителемъ, не такъ ли?

— Да, съ полгода.

— Ну, я по совѣсти, не желая ему зла, долженъ предупредить васъ: будьте осторожны. Онъ управлялъ въ Подкосихинѣ.

— Знаю, отвѣчалъ корнетъ: — мнѣ его рекомендовалъ Трезвонинъ какъ отца прекрасныхъ дочерей, а мнѣ то̀ и на руку: нужны актрисы... я и взялъ его... Особенныхъ мошенничествъ пока не вижу.

— Какъ знаете. По крайней мѣрѣ я свое дѣло сдѣлалъ, предупредилъ васъ.

— Благодарю. Такъ не онѣ, не Рыжкины, навели на васъ эту задумчивость, которая не скрылась отъ моихъ взоровъ? шутя продолжалъ Отлетаевъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: — не онѣ, а участь бѣдной Параши.

— Тише говорите, шепнулъ мнѣ Отлетаевъ. — Она вамъ нравится? очень радъ.

— Напрасно! шепталъ я въ свою очередь: — онѣ обѣ, Саша и Параша, напомнили мнѣ одну дѣвушку. Она была въ то время, когда я зналъ ее, также счастлива, какъ теперь Саша и, кто знаетъ, теперь быть-можетъ также брошена и забыта какъ преданная и забытая Параша.

— Я удивляюсь, замѣтилъ онъ: — что вы, съ вашимъ умомъ.... (я поклонился) смотрите на эти вещи съ серіозной точки зрѣнія.

— Вещи? развѣ это вещи?...

— Ну, игрушки, если хотите.

— Неужели же вы не признаете въ нихъ живаго человѣческаго сердца?...

— Врядъ ли.... Врочемъ бываетъ... только это исключенія.... искать поэзіи въ грязи? странно! сказалъ хозяинъ. — Вотъ она натуральная-то школа!

— Нѣтъ, вотъ бѣда, когда натуральная школа въ жизни совершается, сказалъ я, — когда изъ человѣка дѣлается грязь и мерзость: вотъ что ужасно! Признаюсь, эти обрызганныя грязью созданія возбуждаютъ во мнѣ невольное чувство симпатіи и состраданія. Я зналъ одно такое созданье! Оно теперь, конечно, тоже покрыто этою грязью, и я, въ лицѣ бѣдной Ѳеши, скорблю за грустную участь всѣхъ Сашъ, Парашъ, Машъ, не исключая и дѣвицъ Рыжкиныхъ.

Отлетаевъ посмотрѣлъ на меня, и только послѣ долгаго молчанія скказалъ:

— Видно эта Ѳеша сдѣлала на васъ сильное впечатлѣніе?

— Это цѣлая исторія, печальная исторія....

Но тутъ взвилась занавѣсь. Саша, съ шарфомъ въ рукахъ, влетѣла на сцену, и дружный взрывъ аплодиссементовъ встрѣтилъ и проводилъ танцовшицу. Я слѣдилъ за Ниною: она не смотрѣла на Сашу, видимо старавшуюся встрѣтить взглядъ ея, и разговаривала все время съ княземъ, что̀, разумѣется, приводило юношу въ восторгъ. Но вотъ раздались первые такты качучи, и покинутая Параша, полная огня и нѣги, съ страстнымъ взоромъ, вбѣжала на сцену, встрѣчаемая свѣтлой улыбкой Нины и гробовымъ молчаніемъ мущинъ. Затрещали кастаньеты, одна сладострастная поза смѣняла другую, гибкій станъ изгибался какъ змѣя, глаза бросали молніи; Параша была хороша въ эту минуту. Отлатаевъ, отвернувшись отъ сцены, смотрѣлъ на дѣвицъ Рыжкиныхъ, которыя, переодѣвшись, присоединились къ своимъ родителямъ. Зло меня взяло, и, по первому знаку одобренія, сдѣланному Ниной, я неистово захлопалъ, князь счелъ обязанностію раздѣлить мнѣніе Нины на счетъ танцовщицы, Трезвонинъ послѣдовалъ нашему примѣру, увлеченный сладкимъ взоромъ, который, вѣроятно съ умысломъ, бросила ему испанка; Хвостиковъ же, непосвященный въ тайны закулиснаго міра, слилъ свое увлеченіе съ нашимъ *браво*, и громъ восторга привѣтствовалъ жертву минутной барской страсти. Танцовщица спорхнула со сцены

съ тѣмъ же тріумфомъ, который проводилъ ея соперницу. Порядокъ дивертиссемента измѣнили, вѣроятно съ цѣлью дать время Парашѣ перемѣнить костюмъ. Пляска Маши прошла незамѣтно; одинъ Агаѳонъ стучалъ и волновался.

Но вотъ настала торжественная и рѣшительная минута. Обѣ танцовщицы-соперницы выбѣжали на сцену и заняли, каждая, свою сторону. Sólo Саши покрыли аплодиссементами самъ хозяинъ, Трезвонинъ и Агаѳонъ; solo Параши встрѣчало взрывы грома со стороны князя, меня и Хвостикова, пересѣвшаго ко мнѣ. Публика раздѣлилась на партіи. Но когда обѣ танцовщицы, съ ненавистью въ душѣ, но съ улыбкой на устахъ, нѣжно обнявъ другъ друга, понеслись по сценѣ, одна желая превзойдти другую; когда началась между ними ровная и сильная борьба: наши партіи, каждая отстаивая свою танцовщицу, слились въ одинъ общій гулъ одобренія. Нина слѣдила за Парашей съ какимъ-то судорожнымъ участіемъ. Глаза танцовщицы встрѣчались съ глазами барыни. И въ самомъ дѣлѣ между этими двумя созданіями, темною, крѣпостною артисткой и блестящею барыней, было что-то общее. Обѣ любили, обѣ страдали, одна въ тѣни, въ простой избѣ отца-сапожника; другая на виду, въ кругу друзей и знакомыхъ, лежа на бархатѣ. Одно чувствовали обѣ эти женщины, одного и того же любили, и какая бездна раадѣляла ихъ, а между тѣмъ сколько различныхъ чувствъ было у нихъ одна къ другой: и сочувствія, и ненависти, и ревности, и состраданія!

Но вотъ танцовщицы, задыхаясь отъ волненія и усталости, пролетѣли еще разъ по сценѣ, сдѣлали два-три прыжка

и, остановясь въ граціозныхъ позахъ, кончили поединокъ, вызывая дани нашего удивленія. Увлеченный Отлетаевъ, забывшись въ пылу восторга, схватилъ положенный Ниной возлѣ себя на пустое кресло букетъ, и въ одно мгновеніе бросилъ его на сцену. Обѣ танцовщицы кинулись было поднять его, но баринъ крикнулъ: Сашѣ! и она съ торжествомъ взяла цвѣты, а обиженная соперница грустно отошла всторону.

— Мой букетъ! вспыхнувъ отъ негодованія и вскакивая съ креселъ, сказала сильно Нина: — мой букетъ!...

Отлетаевъ, опомнясь, стоялъ какъ школьникъ, пойманный въ шалости.

— Сережа, Сережа!... грустно продолжала Нина, качая головой и глотая навертывавшіяся слезы.

Князь вспыхнулъ и сжалъ кулаки. Я такъ и думалъ, что онъ бросится на корнета и, по малой мѣрѣ, вызоветъ его на дуэль; но юноша, напротивъ, пустился къ двери и исчезъ за нею.

Между тѣмъ Нина направилась тоже къ двери.

— Ниночка! робко спросилъ ее мужъ: — куда-же ты?

— Домой!... поздно.... я устала.... голова болитъ....

— Помилуй, а финалъ?

— Какого же еще? спросила Нина, и, обратясь ко мнѣ, прибавила: — прощайте, я надѣюсь вы здѣсь ночуете?...

— Если позволитъ Сергѣй Васильевичъ, отвѣчалъ я.

— И такъ, до завтра! Adieu, messieurs, обратилась она ко всѣмъ и пошла къ двери.

— А со мной-то и проститься не хочешь? грустно

сказалъ Отлетаевъ: — по дѣломъ вору мука! я дуракъ, больше ничего и не стою....

— Прощай, Сережа! кротко сказала она, всходя на крыльцо, окруженная нами.

— Ты на меня сердишься? спросилъ онъ ее шепотомъ, подойдя очень близко, застегивая ей бурнусъ и накидывая капишонъ на взбитые локоны.

— Нѣтъ, прошептала она, — но мнѣ больно.... Долго сдерживаемыя слезы хлынули изъ глазъ Нины; она быстро сбѣжала съ ступенекъ крыльца и бросилась въ экипажъ.

Въ эту самую минуту издали показался князь съ огромнымъ пучкомъ всякихъ цвѣтовъ, которые онъ рвалъ въ темнотѣ наугадъ и безъ разбора....

— Постойте! кричалъ онъ.

Кучеръ пріостановилъ лошадей. Князь подбѣжалъ къ каретѣ.

— Прощайте, сказалъ онъ Нинѣ: — я ѣду....

— Dieu vous garde! отвѣчала Нина и подала ему руку, которую онъ страстно, въ первый разъ въ жизни, прижалъ къ пылавшимъ губамъ своимъ.

— Помните сегодняшній вечеръ, продолжала Нина, прощайте!..

— Будьте счастливы! сказалъ ей молодой человѣкъ, и бросилъ въ карету пучекъ нарванныхъ цвѣтовъ: — вотъ цвѣты, продолжалъ онъ, — вмѣсто тѣхъ, которые...

Но цвѣты, несвязанные, разсыпались по колѣнамъ и у ногъ Нины, обдавая ее своимъ благоуханіемъ. Карета тронулась, и бѣдный юноша остался неподвиженъ и нѣмъ

на томъ мѣстѣ, гдѣ за секунду, цѣлуя руку Нины, былъ такъ безгранично счастливъ.

А музыка между тѣмъ гремѣла въ залѣ, глѣ совершался, я полагаю, финалъ, на потѣху дворни. Карета Нины все уменьшалась по мѣрѣ удаленія, а мы все еще стояли молча на крыльцѣ. Всѣмъ было неловко. Самъ Отлетаевъ не зналъ съ чего начать, но принявъ, наконецъ, беззаботный, веселый видъ, обратился ко всѣмъ намъ и сказалъ:

— Господа! знаете, что я вамъ скажу:

А ночь была тюрьмы чернѣй,
И на дворѣ шумѣла буря,

И дѣйствительно деревья сильно шумѣли.

— Здѣсь, продолжалъ онъ, можетъ-быть, и очень хорошо для наблюдателей природы, какъ и для любящихъ сердецъ, которымъ нужна прохлада, а намъ не войдти ли въ мою половину, да не закусить ли, такъ для подкрѣпленья силъ? Съ этими словами онъ обнялъ Трезвонина, который пропищалъ со вздохомъ:

— Дайте мнѣ силъ! нравственныхъ силъ дайте, и я легче понесу бремя жизни...

— Куда ужь тебѣ щедушному, замѣтилъ хозяинъ, и мы всѣ вошли въ преддверіе театральной залы, откуда, повернувъ налѣво въ корридоръ, противоположный тому, который вѣлъ на сцену, усмотрѣли дверь и очутились въ весьма длинной комнатѣ, раздѣленной на двѣ аркой и колоннами.

— Милости прошу! сказалъ мнѣ хозяинъ, — вотъ мое жилище. Здѣсь я забываю все то, что иногда меня волнуетъ, здѣсь пріютъ моихъ мелкихъ заботъ, здѣсь въ чаду

мимолетной любви я на минуту нахожу счастье.... А въ полуторѣ верстѣ отсюда живетъ настоящее-то счастіе, которое я отталкиваю, какъ сегодня, напримѣръ, поступкомъ съ букетомъ... Кстати! началъ онъ другимъ тономъ, обращаясь къ князю, — вы осыпаете мою жену цвѣтами: вѣдь это, ваше сіятельство, я вамъ скажу, могло бы кончиться, не будьте вы сами цвѣтокъ, такою исторіей между нами, что бѣда!

— Я надѣюсь, что вы шутите, серіозно сказалъ князь.

— Надѣйся, душа моя, и знай, что съ тобой я всегда шучу.

— Основываясь на томъ, что дѣти не понимаютъ серіознаго? вопросительно возразилъ князь.

— Нѣтъ, мальчикъ, нѣтъ! на томъ, что я тебя люблю больше нежели ты думаешь, да на томъ еще, что ты понимаешь шутку. Однакожь, что-жь это я не предложу сигаръ?

Люди между тѣмъ накрывали на столъ въ одномъ углу комнаты, гдѣ царствовалъ ужаснѣйшій хаосъ; всѣ театральныя принадлежности валялись тутъ какъ ни попало, на стульяхъ, столахъ, по полу; книги, тетради лежали по окнамъ; измятые цвѣты, обрывки лентъ, какъ соръ, были большою кучею сметены въ уголъ. Сотни старыхъ афишекъ, смятыхъ и обгорѣлыхъ, валялись на полу, словомъ, безпорядокъ былъ удивительный. Въ одной изъ стѣнъ устроенъ былъ альковъ, украшенный шелковыми занавѣсками и снабженный широкою кушеткою; нѣсколько стульевъ стояло около стѣнъ. Эта комната и весь *монплезиръ* хозяина мнѣ что-то очень не нравились.

— А какого вы мнѣнія на счетъ водочки? обратился хозяинъ къ Хвостикову.

— Водка, это такой бальзамъ, отвѣчалъ онъ, — котораго можно выпить рюмку, много-много двѣ.

— Можно, пробасилъ Огородъ, который, надо замѣтить, предпочелъ отдохновеніе спектаклю и, все время проспавъ гдѣ-то въ уборной, только-что вошелъ въ комнату.

— Впрочемъ, прибавилъ Хвостиковъ, — какъ вамъ будетъ угодно.

По знаку хозяина подали водку. Хвостиковъ выпилъ рюмку залпомъ. Огородъ послѣдовалъ его примѣру.

— Проснулся? спросилъ его хозяинъ.

— Проснулся, хладнокровно проревѣлъ Огородъ, и горькій глотокъ закусилъ соленымъ.

— Что же это? только-то? обратился корнетъ къ Хвостикову: — не конфузьтесь...

— Вамъ непремѣнно угодно, чтобъ я еще выпилъ?

— Конечно! неужели нѣтъ?..

— Я васъ уважаю, я не смѣю ослушаться, если вы приказываете, говорилъ Хвостиковъ, наливая рюмку...

— Водка же, кажется, не дурная, замѣтилъ хозяинъ.

— Вы непремѣнно желаете, чтобъ я выпилъ эту рюмку?..

— Желаю...

— Мнѣ совѣстно. .

— Да ну, ужь куда ни шло!..

— Впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно, заключилъ Хвостиковъ и глотнулъ, съ сильною гримасой, изъ рюмки.

Лакей пошелъ было къ Трезвонину, который сидѣлъ въ креслахъ, почти въ изнеможеніи; лѣта брали верхъ надъ бодрымъ духомъ селадона, и цѣлый день молодцоватости утомилъ слабое и худое тѣло.

— Постой! сказалъ корнетъ лакею и, обратясь къ Хвостикову, прибавилъ: — хвати еще! знаешь пословицу? ну, будь молодецъ!..

— Вы непремѣнно этого хотите?..

— Да ну!...

Хвостиковъ быстро налилъ рюмку, выпилъ и, не ставя ея на подносъ, обратился ко мнѣ...

— Можетъ-быть и вы непремѣнно хотите, чтобъ я выпилъ еще рюмку?

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я, съ грустью смотря на него.

— Я васъ въ первый разъ имѣю удовольствіе видѣть, началъ онъ, — но я васъ уважаю. Вы требуете, я не могу вамъ отказать, и потому вы меня извините, я выпью водки.

Онъ налилъ четвертую рюмку, выпилъ и продолжалъ:

— Только вы не подумайте, что я могу быть пьянъ, нѣтъ, намъ это ни почемъ. Вы пожалуста не заключайте... Впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно.

Лакей подошелъ яъ Трезвонину, который жестомъ отказался отъ водки.

— Что съ вами? спросилъ я его.

— Утомленъ, слабымъ голосомъ отвѣчалъ онъ, — морально утомленъ.

— Вы бы легли, отдохнули...

— Нѣтъ, за чѣмъ? мнѣ тяжело, мнѣ очень тяжело! я поставленъ судьбой въ такое ложное положеніе...

— Онъ махнулъ рукой и опустилъ глаза. Старикъ ни на минуту не измѣнялъ принятой имъ добровольно на всю жизнь роли. Я пожалѣлъ объ немъ и отошелъ. Между тѣмъ нѣсколько холодныхъ блюдъ и разныя закуски появились на столѣ, и мы всѣ сѣли ужинать. Хозяинъ болталъ безъ умолку и подливалъ всѣмъ вина; Хвостикову же постоянно наполнялъ рюмку ромомъ, который онъ глоталъ, заѣдая кусочкомъ сахара и предварительно спрашивая:

— Вы этого непремѣнно хотите?.. Я выпью, будьте увѣрены.

Огородъ тоже не отказывался отъ хереса.

Долго мы ужинали и много выпили. Шампанское развязало языки, пошли анекдоты, затѣялись споры, поднялся общій говоръ, шумъ, хохотъ, крикъ. Становилось поздно.

— Что, мои лошади готовы? спросилъ князь лакея.

— Готовы-съ, отвѣчалъ онъ.

— Куда это вы, ваше сіятельство? спросилъ хозяинъ.

— Домой.

— Не ночуете?

— Нѣтъ.

— Отчего же это, смѣю спросить?

— Я завтра уѣзжаю изъ Сосновскаго.

— Уѣзжаешь? куда?

— Въ Петербургъ!

— Очень радъ!

— Странно! сказалъ князь, — всѣ рады, что я уѣзжаю.

— Что же? лучше, по твоему, баклуши-то здѣсь бить? Поступишь на службу... послужишь, вернешься къ намъ мущиной.

— Вотъ далось все одно и то же, сказалъ князь.

— Чтобъ быть тебѣ мущиной, продолжалъ корнетъ, — нужны три вещи: служить, любить и пить, а ты до сихъ поръ ни того, ни другаго, ни третьяго не вѣдалъ...

— Вы думаете? спросилъ неосторожный юноша.

— Неужто любилъ? злодѣй! не мою ли Парашку?

— Я могу полюбить только чистое созданье, которое я уважаю, передъ которымъ благоговѣю...

— Но, которое никогда не оскорблю необдуманнымъ и не умѣстнымъ признаніемъ, быстро прибавилъ я.

Князь вытаращилъ на меня свои огромные глаза.

— А развѣ ты оскорбилъ какое-нибудь этакое созданье неумѣстнымъ и необдуманнымъ признаніемъ? спросилъ корнетъ князя.

— Нѣтъ, сказалъ я, — это на всякій случай мое замѣчаніе, быть можетъ также неумѣстное, но которое я себѣ позволилъ изъ участія къ прекрасной молодости князя, какъ человѣкъ, пережившій опасное время безразсудной любви и часто впадавшій въ такъ-называемый просакъ.

— Я вамъ очень обязанъ, отвѣчалъ мнѣ князь, — но, право, я не понимаю, къ чему это предостереженіе? я, кажется, никому не объяснялъ моихъ чувствъ, да еслибъ даже и объяснялъ, то вѣрно не тамъ, гдѣ бы я могъ ду-

мать, чтобы вы рѣшились подслушать мои признанія, которыя, какъ я полагаю, говорятся наединѣ.

— Извините, сказалъ я, — я не думалъ оскорбить васъ моимъ замѣчаніемъ, полагая, что если вы говорили вообще, то я могъ говорить тоже вообще. Оскорбляясь, вы подаете поводъ думать, что вы дѣйствительно кому-нибудь изъясняли ваши чувства, а я ихъ подслушалъ, чего, разумѣется, никогда не было.

— Повѣрьте, что онъ увлекъ мою Парашку! сказалъ, смѣясь хозяинъ: — у ней же сердце объемистое, вмѣщающее громадную любовь съ большимъ количествомъ ревности, частицей кажущагося самоотверженія и обильнымъ источникомъ слезъ. Чего же больше для юноши?

— Но только не для меня! сказалъ князь. — Однако пора. Прощайте.

— Прощай, человѣчекъ!

— Кланяйтесь Надеждѣ... Васильевнѣ...

— Буду кланяться, смѣясь отвѣчалъ корнетъ.

— Вамъ смѣшно!

— Неужели плакать?

— Скажите ей... что я... уѣхалъ... съ трудомъ произнесъ юноша.

— Скажи бабушкѣ, отвѣчалъ корнетъ, что ты пріѣхалъ.

— Прощайте, обратился ко мнѣ князь, — извините, если я, для перваго знакомства, принялъ вашъ совѣтъ не съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ онъ былъ мнѣ предложенъ.

Я пожалъ руку князя и сказалъ:

— Теперь, болѣе нежели когда-нибудь, я убѣждаюсь,

что излишній жаръ всегда опасенъ и не ведетъ къ добру.

— Какіе экивоки! сказалъ корнетъ. — Приди со стороны свѣжій человѣкъ, ничего не пойметъ. Да нѣтъ, братъ, обратился онъ къ князю, — партія-то не равна, какъ разъ спасуешь.

— Сознаюсь, сказалъ князь, — меня можно озадачить, но не испугать. Я буду защищаться, пока не выбьюсь изъ силъ. Но и тогда умру лучше, а не попрошу пардону.

— Въ тебѣ будетъ прокъ! замѣтилъ хозяинъ.

— Благодарю васъ! однако прощайте...

Хозяинъ обнялъ князя, и они поцѣловались. На сколько былъ искрененъ этотъ поцѣлуй со стороны послѣдняго, рѣшить трудно... Онъ хотѣлъ было проститься и съ остальными собесѣдниками, но они давно спали: Трезвонинъ на креслѣ, въ граціозной позѣ, отъ усталости; Хвостиковъ отъ сильнаго опьянѣнія, а Огородъ просто изъ желанія спать, которое было въ немъ сильнѣе всѣхъ прочихъ желаній, не исключая и желанія высказаться, чтò ему никогда не удавалось.

— Скажите же Надеждѣ... Васильевнѣ, что я уѣхалъ, сказалъ князь, уходя въ корридоръ.

— Скажу, скажу... твердилъ хозяинъ, провожая его до двери.

— Она, быть-можетъ, пожалѣетъ.

— Напротивъ, обрадуется...

— Отчего обрадуется?..

— Изъ участія къ тебѣ...

— А? ну, пусть хоть радуется...

— Напиши изъ Петербурга.

— Напишу... слышался издали голосъ князя. — Напишу! — еще дальше отозвался голосъ и стихъ окончательно.

— Славный мальчикъ! сказалъ Отлетаевъ, возвращаясь въ комнату, — немножко самолюбивъ, очень самонадѣянъ, но это ничего. То-то, я воображаю, будетъ пораженъ, какъ пріѣдетъ въ Петербургъ, особенно послѣ деревни. Впрочемъ, у него тамъ родные, онъ человѣкъ съ состояніемъ; бабушка женщина умная и всѣми уважаемая. Того и жду, что поживя полгода въ столицѣ, будетъ къ каждому слову прибавлять фразу: у насъ въ Петербургѣ! Буду ждать его болтовни: замѣчательныя будутъ письма!.. Кстати! что же ваше обѣщаніе?

— Какое?

— А помните, на постояломъ дворѣ...

— На постояломъ дворѣ? переспросилъ я.

— Вы мнѣ обѣщали показать одно письмо, куріозное письмо!

— Ахъ да! я и забылъ совсѣмъ. Оно со мной.

— Гдѣ? покажите.

— Вчера въ городѣ, разбирая портфель, я нашелъ это посланіе, вспомнилъ объ васъ и отложилъ его въ мой карманный бумажникъ.

— Посмотримъ, сказалъ Отлетаевъ, — что такое? нѣтъ ли ужь его у меня въ коллекціи.

— Не думаю, сказалъ я, и вынувъ бумажникъ, досталъ письмо, за которымъ хозяинъ протянулъ было руку. — Вы

не прочтете, сказалъ я, я пишу очень связно. Слушайте: «Ѳеша! жизнь моя! *Только узналъ я тебя, какъ трепетомъ сладкимъ впервые,* то-есть, какъ тебѣ сказать? не впервые, а *сердце забилось мое!...*»

— Позвольте! быстро остановилъ меня корнетъ, — какъ попало къ вамъ это письмо?

— Это цѣлая исторія.

— Однакожь?

— Оно было брошено въ букетѣ, обронено, поднято, возвращено, списано... однимъ словомъ, долго разказывать, да и сто̀итъ ли того?

— Какъ! сто̀итъ ли того? быстро спросилъ корнетъ.

— Что васъ такъ интересуютъ эти ненужныя подробности?

— Онѣ мнѣ нужны болѣе, нежели вы думаете... Кому было адресовано это письмо?

— Къ одной дѣвушкѣ, которую я зналъ...

— Которую вы знали? переспросилъ корнетъ.

— И къ которой былъ очень привязанъ...

— И къ которой вы были очень привязаны? Вотъ что! замѣтилъ корнетъ. — Какъ же это было?

— Очень просто. Она была хороша, нравилась, и вотъ слѣдствіе...

Я указалъ на письмо.

— Кто же писалъ это письмо?

— Не знаю.

— Не знаете? все переспрашивалъ корнетъ.

— Да и сама Ѳеша, та самая Ѳеша, о которой я вамъ

говорилъ, не знала, отъ кого было это письмо. А должно быть оригинальный человѣкъ, и весьма богатый. Но кто бы онъ ни былъ, Богъ съ нимъ! дѣло въ письмѣ. Какъ вамъ нравятся эти фразы, пересыпанныя стихами изъ разныхъ пѣсенъ и романсовъ: не правдали, очень смѣшно?..

— Смѣшно, крикнулъ корнетъ...

— Смѣшно! продолжалъ я, какъ и все ухаживанье этого господина за бѣдной Ѳешей, цѣлая комедія, которая кончилась, впрочемъ, довольно драматически. Ахъ, бѣдная Ѳеша!

— Нѣтъ! это уже слишкомъ! это невыносимо! крикнулъ корнетъ, — давеча на сценѣ, потомъ въ залѣ театра, наконецъ здѣсь!.. это имя, постоянно произносимое, эти воспоминанія, такъ грустно высказываемыя, все это вмѣстѣ меня волнуетъ, бѣситъ, приводитъ въ отчаяніе!

— Что съ вами? спросилъ я, — да вы дослушайте, это умора!

— Нѣтъ! сказалъ онъ, — не могу, не хочу слушать!

— Но отчего же?

— Оттого! началъ онъ, — оттого, что если разъ во мнѣ шевельнулось какое нибудь чувство, его надо удовлетворить, затушить въ началѣ вспыхнувшее пламя, а то оно разростется и превратится въ пожаръ, котораго не залить никакими доводами разсудка. Подозрѣніе родилось теперь въ моей душѣ; не надо развивать его. Знайте, что въ эту минуту мы съ вами стоимъ на краю пропасти, на рубежѣ между пріязнію и ненавистью. Теперь еще я люблю васъ,

но черезъ минуту я могу васъ возненавидѣть, если только подозрѣніе мое оправдается! Это ужасно!

— Что съ вами? молвилъ я: — объяснитесь.

— Что со мною? спросилъ онъ. — Что во мнѣ? спросите лучше: Огонь, отвѣчу я вамъ, мучительный огонь сомнѣнія и ревности. Я тоже когда-то любилъ Ѳешу, Ѳешу, которая никогда меня не любила. За чѣмъ вы произнесли то же имя! Что если это одно и то же лицо? Что если она любила васъ, а не меня?

— Успокойтесь, моя Ѳеша никогда меня не любила!....

— Нужды нѣтъ, продолжалъ корнетъ, — она могла не любить ни васъ, ни меня, никого не любить! Но это письмо? Гдѣ оно было писано?

— Въ Москвѣ.

— Гдѣ найдено?

— Въ саду.

— Кѣмъ?

— Мною.

— А потомъ?

— Отдано Ѳешѣ.

— Ей самой? Вами?

— Мною!

— О это невыносимо!

Вотъ наконецъ рѣшеніе загадки?
Вотъ я пожертвованъ кому!

декламировалъ Отлетаевъ внѣ себя, красный, неистовый....

— Что все это значитъ? спрашивалъ я, не зная догадываться ли мнѣ.

— А вотъ сію минуту, мы увидимъ, что все это значитъ! Пойдемте? сказалъ онъ рѣшительно, надѣвъ фуражку и взявъ хлыстикъ.

Онъ грозно взглянулъ на меня, и, схвативъ за руку, потащилъ за собою черезъ балконную дверь въ садъ, едва давъ мнѣ время найдти мою фуражку.

— Что же тогда? спросилъ я, когда мы вышли. Въ это самое время мнѣ показалось, что въ смежной аллеѣ мелькнула чья-то тѣнь.

— Предупреждаю васъ, сказалъ мнѣ корнетъ, — что въ минуты бѣшенства я перестаю быть человѣкомъ.... Примите свои мѣры!...

— Вы меня ужасаете!.... сказалъ я, едва переводя духъ отъ быстрой ходьбы. — Куда вы меня тащите? молвилъ я задыхаясь.

— Вонъ огонекъ, видите, во второмъ этажѣ?

— Вижу.

— Тамъ! сказалъ онъ, — тамъ я узнаю истину.

Когда мы добѣжали до одинокаго узенькаго дома, корнетъ постучался у двери.

— Кто тамъ? послышался старушечій голосъ изъ дому.

— Кому же быть?.. Я! сказалъ Отлетаевъ. — Отпирай!

Дверь отворилась. Мы вошли въ большую переднюю.

— Что? спросилъ корнетъ старуху.

— Ничего, батюшка ты мой, прилегла маленько, какъ есть прилегла, шамшила старуха.

— Свѣчку! крикнулъ хозяинъ.

— Сейчасъ, батюшка ты мой, сейчасъ.

Старуха дернула спичкой объ стѣну. Огонекъ вспыхнулъ и освѣтилъ витую, круглую лѣстницу. Старуха зажгла свѣчку.

— Вотъ, батюшка ты мой, вотъ и свѣчку зажгла. Зажгла, батюшка ты мой, свѣчку.

Корнетъ взялъ шандалъ со свѣчею и, не выпуская руки моей, молча повлекъ меня по лѣстницѣ. Поднявшись на верхъ, мы повернули направо, прошли прекрасно отдѣланную гостиную и остановились на порогѣ второй комнаты, слабо освѣщенной одною свѣчой съ абажуромъ. На низенькомъ диванѣ лежала женщина, одѣтая въ бѣлый пенюаръ, обшитый кружевами. Обернувшись къ стѣнѣ, обитой тѣмъ же бархатомъ, и закинувъ ручки подъ огромную черную косу, она прижалась лицомъ къ бѣлоснѣжной подушкѣ и казалась спящею; обильныя складки капота скатились съ дивана на роскошный коверъ и выказывали пару смуглыхъ ножекъ, обутыхъ въ турецкія шитыя туфли; одна изъ нихъ, въ минуту нашего появленія, разставшись съ ножкой, юркнула на коверъ и разбудила спящую. Она медленно поднялась, оперлась одною рукою о подушку и оглянулась. Свѣтъ лишней свѣчки ослѣпилъ ее. Она закрыла руками глаза, протирая ихъ, и свѣсивъ ногу, ощупью искала потерянной туфли. Найдя ее, она отвела руки отъ глазъ, осмотрѣлась, взглянула на корнета, потомъ на меня, и страшный крикъ, но крикъ радости, а не отчаянія, вырвался изъ груди ея.

— Ѳеша! крикнулъ я, — ты ли это? Ѳеша!...

Но она, безъ словъ, въ припадкѣ истерическаго хохота,

дрожащая и блѣдная, лежала уже въ моихъ объятіяхъ. Корнетъ выронилъ изъ рукъ шандалъ; и свѣчка, падая, переломилась и погасла. Прежній полусвѣтъ набросалъ тѣней на эту картину.

— Вотъ что! Не ожидалъ! Такъ вотъ доказательство! Вотъ слово загадки! Вотъ объясненіе сомнѣнія! кричалъ корнетъ, указывая на меня и Ѳешу, которая все еще была въ моихъ объятіяхъ. — Теперь вы понимаете причину моего бѣшенства, моего изступленія! Понимаете вы теперь, что ваша и моя Ѳеша была одно и то же лицо. Теперь вы понимаете, что это письмо писано мною, и что я никому не позволю надъ нимъ смѣяться. Оно писано въ минуту увлеченія, любви самой пылкой.... Понимаете вы теперь мое положеніе?

— Понимаю, крикнулъ я въ свою очередь, освобождая Ѳешу, которая тяжело опустилась на первое кресло, — понимаю, что вы похитили невинную дѣвушку, оторвали ее отъ семейства и, какъ невольницу, заперли въ этой разукрашенной клѣткѣ; я все понимаю, все знаю, и будь я не вашимъ гостемъ, я бы назвалъ вашъ поступокъ...

Я замялся.

— Вы назвали бы его подлымъ, возразилъ онъ, потому что у васъ нѣтъ сердца, потому что въ вашихъ жилахъ течетъ не кровь, а вода, потому что вы неспособны увлекаться и любить, а вѣдь извѣстно всѣмъ и каждому, что чѣмъ меньше любишь женщину, тѣмъ больше ей нравишься. И васъ, эта женщина, — холоднаго и разсудительнаго, — промѣняла на меня; вамъ повѣряла всѣ мои поступки; пе-

редъ вами щеголяла моими подарками, за которые я платилъ втрое, векселями, потому что бралъ вещи въ долгъ, не имѣя въ то время наличныхъ; вамъ показывала она мои письма; значитъ она любила васъ, а мнѣ отдалась по одному разсчету, ослѣпленная однимъ блескомъ... и когда я какъ царицу везъ ее сюда и ожидалъ словъ любви, я встрѣтилъ одну холодность, одно равнодушіе, смѣшанное съ воспоминаніями. Такъ вотъ эти воспоминанія! Змѣя! обратился онъ къ Ѳешѣ, — змѣя, согрѣтая на груди моей; змѣя, стоившая мнѣ около тридцати тысячъ и ужалившая меня при первомъ моемъ поцѣлуѣ. На столько страсти отвѣчать холодностью! Въ первый разъ въ жизни я побѣжденъ женщиной. Встань! крикнулъ онъ ей: — какъ ты смѣешь сидѣть при мнѣ? Я баринъ, а ты что? холопка, дочь лакея. Встань! я тебѣ говорю.

Ѳеша сдѣлала усиліе и встала.

— И я-то поддался очарованію! Но могъ ли я думать, продолжалъ корнетъ, указывая на Ѳешу, — чтобы она была такъ хитра и дальновидна. Это свиданіе было заранѣе условлено, списались какъ нибудь, стакнулись... да и письмо это было читано нарочно... все это обманъ одинъ, интрига, чтобы меня одурачить, опозорить... Но нѣтъ, голубки, вамъ не удастся!.... Я не таковскій.

Ѳеша хотѣла что-то сказать.

— Молчи! крикнулъ онъ, — молчи! не оправдывайся. Все ясно!... все на лицо!... Я самъ видѣлъ, чего же еще?

— Актеръ! актеръ! прошептала Ѳеша.

— Что? крикнулъ онъ. — Ахъ ты дерзкое творенье! Я актеръ? Нѣтъ, я не притворялся, когда лобилъ тебя, когда разорялся на тебя! а ты, презрѣнная, ты притворялась, когда бѣжала со мною! Чего ты хотѣла? замужъ хотѣла? Развѣ ты меня любила? Чѣмъ доказала?

— Ну чтожь! всегда скажу, любила ли я тамъ кого, нѣтъ ли, только не тебя, сказала Ѳеша, — а рѣшилась отъ дурной жизни, да отъ стараго жениха, ѣхала такъ, пошла на отчаянность.. вотъ тебѣ и сказъ!

— И ты это говоришь мнѣ въ глаза?

— Говорю, крикнула Ѳеша: — говорю, говорю!...

— Ехидная! проревѣлъ корнетъ, и внѣ себя, бросившись на Ѳешу, схватилъ ее за руку такъ сильно, что она вскрикнула, слезы брызнули изъ глазъ ея, гребенка выпала изъ ея густой разсыпавшейся косы, и бѣдная дѣвушка опустилась въ изнеможеніи на коверъ.

— Убей, молила Ѳеша, — но не терзай меня. — Заступитесь!... кричала она мнѣ. — Варваръ, злодѣй!.... чего ты хочешь? Я и такъ чуть жива....

— Небось! кричалъ корнетъ, держа распростертую на полу Ѳешу за руку и, взмахивая хлыстикомъ... Страшный, раздирающій душу крикъ, какъ кинжаломъ, ударилъ меня по сердцу.

— Опомнитесь! что вы дѣлаете? крикнулъ я, бросаясь между ними и вырывая хлыстикъ изъ рукъ корнета. Не только ударить, но и замахнуться на женщину есть уже преступленіе. Этотъ взмахъ хлыста такой позоръ, такое оскорбленіе, которое снимаетъ съ нея всякую вину, какова

бы она ни была. А она даже и не виновата передъ вами. И по какому праву обращаетесь вы такъ съ несчастнымъ созданьемъ, ввѣрившимъ вамъ, изъ чего бы то ни было, свою свободу? И за что же? За то, что она смѣла располагать собою.

Я былъ сильно взволнованъ, а корнетъ освободилъ руку Ѳеши, которая, вставая, блѣдная и изнеможенная, со взоромъ блиставшимъ злостью, съ выраженіемъ уничиженія на лицѣ, цѣпляясь за кресла, доползла до дивана, обняла подушку, и скрыла въ ней свою голову.

— Зачѣмъ она меня обманывала? За чѣмъ она меня увлекала? продолжалъ корнетъ, съ меньшею впрочемъ запальчивостью. — Сама не знала...

— Не то же ли вы сами дѣлаете, извините меня. Парашу вы преслѣдуете за то, что она васъ любитъ, Ѳешу мучаете за то, что не любитъ... Я назвалъ бы еще одно лицо, еслибъ я меньше уважалъ его... Вы странный, непонятный человѣкъ.

— А вы не странный и понятный человѣкъ, вы самый положительный, матеріяльный человѣкъ. И какое вамъ дѣло до нашихъ отношеній? Къ какой стати берете вы ея сторону? Гдѣ вы ее знали? Какъ вы ее знали? Почему она недоступна только мнѣ одному, истратившему на нее такую гибель невозвратимыхъ денегъ? Почему? Какъ можете вы знать подробности всей этой продѣлки? Какъ попало къ вамъ письмо мое наконецъ, если эта нимфа въ самомъ дѣлѣ такъ безгрѣшна? Кто это объяснитъ теперь, кто докажетъ? кто?

— Я объясню вамъ это, сказалъ я, — очень просто и коротко. Ѳеша воспитанница графини Буриме, а я — ея племянникъ.

— Возможно ли?

— Тотъ самый племянникъ, о которомъ вы однажды имѣли дерзость разговаривать съ Ѳешей у самой рѣшетки дачи, котораго вы думали провести, но который все видѣлъ, все слышалъ; тотъ самый племянникъ, которому вы обязаны удовольствіемъ увезти Ѳешу. Я все зналъ, но связанный честнымъ словомъ, даннымъ Ѳешѣ, молчалъ и не предупредилъ тетушки. Этою благосклонностью я сгубилъ Ѳешу и навлекъ на себя кучу непріятностей, не исключая и непріятности объяснять вамъ все это и какъ будто оправдываться въ вашихъ незаслуженныхъ и оскорбительныхъ обвиненіяхъ. Надѣюсь, что послѣ всего этого вы не найдете больше возраженій, и позволите мнѣ уйдти отдохнуть отъ тѣхъ драматическихъ сценъ, которыми вамъ угодно было кончить нынѣшній день, не лишенный тоже драматизма своего рода...

— Я не приду въ себя! началъ онъ. — Вы племянникъ этой графини? вы были тогда въ паркѣ?... Боже мой! а я смѣлъ думать... я можетъ-быть въ пылу бѣшенства наговорилъ вамъ такихъ вещей, что за *человѣка страшно!* Ахъ, я дуракъ! дуракъ!... (Отлетаевъ рвалъ на себѣ волосы.) Извините... да нѣтъ, этого мало!.... Что я могу сдѣлать, чтобы загладить мою вину? скажите, приказывайте.... ахъ, мнѣ такъ совѣстно, что я не смѣю взглянуть на васъ!... не нахожу словъ... Я понимаю,

какъ я гадокъ въ вашихъ глазахъ!... а все виноватъ мой глупый характеръ!... рѣшительно я не могу взглянуть на васъ, меня душатъ мои собственныя слова!.. я уйду... завтра можетъ быть вы забудете мое глупѣйшее поведеніе, la nuit prête conseil, какъ говорится.... ахъ, я дуракъ! ахъ, я скотина!.... продолжалъ корнетъ, склоня голову и быстро уходя въ другую комнату.

За стѣной послышались его шаги на лѣстницѣ и наконецъ говоръ внизу. Скрипъ отворившейся въ садъ двери увѣрилъ меня, что хозяинъ ушелъ, и тутъ только, опомнившись отъ рѣзкаго его перехода изъ одной крайности въ другую, я подумалъ, зачѣмъ я не ушелъ съ нимъ вмѣстѣ?

— Ѳеша, ты спишь? спросилъ я, подходя къ дивану.

Она быстро подняла голову и спросила:

— Гдѣ онъ? злодѣй-то мой?

— Ушелъ!

— Ну! слава Богу! сказала она, вставая и скрестивъ руки на груди. — Чѣмъ покончили?

— Я сказалъ ему истину.

— Что же?

— Сконфузился, извинялся.... и убѣжалъ....

— Знаетъ кошка чье мясо съѣла! сказала Ѳеша... — Вотъ и всегда-то такъ: раскричится, раскричится, а тамъ не знаетъ какъ и подольститься. Да ужь поздно.... Какъ это вы къ намъ-то попали, какими судьбами? Ужь какъ же я испугалась, когда вы съ нимъ-то вошли, да какъ же и обрадовалась!... Да что же это вы стоите? Садитесь вотъ сюда, на диванъ; семъ я велю убрать подушки? До спанья

ли тутъ!.. Няня! крикнула она, потомъ позвонила, потомъ затопала по ковру, потомъ опять крикнула: — Няня!... Славная она старуха, добрая такая! У ней тоже была дочь Катя.... Плачетъ, не наплачется: умерла, зачахла. Вотъ и у меня чахотка, право!... вы не вѣрите? Грудь болитъ, кашель. Да туда и дорога, умирать такъ умирать. Няня! крикнула она опять.

— Иду, матушка ты моя, иду! послышалось съ низу.

— Да какъ же ужь я рада, что васъ-то увидѣла! продолжала Ѳеша. — Вѣрите ли, только и есть въ глазахъ, что эти стѣны. Вотъ изъ огня то, да въ полымя попала! Да что же это вы стоите? Чѣмъ васъ подчивать?... Няня, да ползи же!...

— Иду, матушка ты моя, иду какъ есть иду, сказала старуха, входя въ комнату.

— Убери-ка подушки. Да подай намъ папиросъ....

Старуха взяла подушки и вынесла въ другую комнату, ворча про себя.

— Ну, сядемте, сказала Ѳеша, — потолкуемъ. Вы добрые, съ вами и говорить-то хочется, откуда что берется, а съ нимъ, что? только слушаешь его театральности, да глазами хлопаешь. Чай вамъ показывалъ свои представленія-то? Чай и Сашку-то, и Парашку, а обѣ куда не взрачны! Мнѣ вѣдь все равно; по мнѣ онѣ себѣ тамъ какъ хотятъ, а ничего-то въ нихъ нѣтъ.... Няня! что же папиросъ-то?

— Несу, матушка ты моя, несу, такъ-таки какъ есть,

такъ вотъ и нету, сказала старуха, кладя пачку папиросъ и ставя пепельницу на столикъ.

— Да зажги-ка еще свѣчку — сказала ей Ѳеша.

— Зажгу, матушка ты моя, зажгу.

— Да дай мнѣ что нибудь, шаль тамъ, что ли, холодно что-то; или это такъ дрожь, или лихорадка....

— Ну ужь и лихорадка! какая тамъ лихорадка? твердила старуха, ставя зажженную свѣчу на столъ, — нашла ишь тамъ лихорадку! Откуда она, лихорадка-то?

— Дай же шаль-то!

— Сейчасъ, матушка ты моя, сейчасъ! ишь, что выдумала: лихорадка! проговорила старуха и вышла.

Ѳеша сѣла съ ногами на диванъ и прижалась въ уголокъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Я взглхнулъ на нее: она была все также хороша, только что-то болѣзненное выражалось на ея лицѣ, только румянецъ круглыми пятнами игралъ то на одной, то на другой ея смуглой щечкѣ. Большіе голубые глаза казались еще больше, отъ образовавшихся около нихъ впадинъ; улыбка, даже въ минуты оживленія, была растворена какою-то грустью. Вообще она очень похудѣла, хотя бюстъ и плечи получили большее, противъ прежняго, развитіе. Густые черные волосы, которыхъ она не успѣла еще собрать подъ валявшуюся на полу гребенку, длинными прядями скользили съ плечъ на грудь и, какъ темнымъ плащомъ, покрывали все худенькое существо ея. Старуха вошла съ шалью, которою Ѳеша укуталась съ ногъ до головы.

— Ишь гребенка-то валяется, замѣтила старуха, и по-

дала ее Ѳешѣ, которая, поднявъ руки, собрала всѣ волосы назадъ, устроила громадный бантъ и утвердила его гребенкою.

— Надобно бы сказать нянѣ, молвилъ я Ѳешѣ по-французски, — чтобъ она не уходила. Пусть сидитъ въ той комнатѣ: все-таки третье лицо, а то онъ можетъ Богъ знаетъ что̀ подумать.

— Ну! смѣетъ сказала Ѳеша по-русски. — А впрочемъ.... Няня!...

— Асеньки?

— Ты бы посидѣла тутъ въ гостинной....

— Отчего шь? посижу, матушка ты моя, посижу.

— Чулокъ бы повязала.

— Ну вотъ еще выдумала, чулокъ повяжи. Стану я по ночамъ чулки вязать.... повяжи ишь я чулокъ!...

— Ну, какъ хочешь! неравно спрошу....

— Ну, ладно! вы гутарьте себѣ на здоровье, на здоровье гутарьте, а я вздремну маленько.

— Ну хоть вздремни, сказала Ѳеша.

— А то, вишь я чулокъ вяжи, вяжи я чулокъ! И съ этимъ словомъ старуха вышла въ гостиную, гдѣ преспокойно усѣлась въ кресло.

— Вотъ только и радости, сказала мнѣ Ѳеша, — что съ ней посмѣешься, и то иногда не до нея: день деньской глазъ не осушаешь. Да теперь-то слава Богу легче: все въ театрѣ торчитъ, сюда и глазъ не кажетъ — злится! Вотъ только съ вами пришелъ, да и то за дѣломъ. Накричалъ, нашумѣлъ, да еще наровитъ драться! Да что же это

вы не курите? Какъ же мнѣ теперь быть-то? Научите вы меня, начала опять Ѳеша, — спасите вы меня, развяжите вы мнѣ руки! Вѣдь это не жизнь, а каторга! Только что стѣны-то вонъ бархатныя, да на кой онѣ мнѣ чортъ? Душа вѣдь не на мѣстѣ: то не хорошо, другое не такъ сказала, да не такъ сѣла: фу ты пропасть какая! Да пропадай онъ совсѣмъ! Я лучше готова въ бѣдности жить, воду носить, полы мыть, только не у него жить... Миленькій! голубчикъ! выручите, спасите!

— Да какъ же это сдѣлать, Ѳеша? сказалъ я. — Я радъ бы былъ душою: да вѣдь, сама знаешь, каково ладить съ Отлетаевымъ.

— Неужто невозможно? почти съ отчаяніемъ спросила Ѳеша. — Неужто вы уѣдете и ничего для меня не сдѣлаете? Вотъ польстилась на деньги! Вотъ соблазнилъ меня лукавый. Вотъ Богъ и наказалъ! Ужь какъ же я каялась! сколько слезъ я пролила!...

Горькія рыданія, искреннія, сердечныя, заглушили голосъ Ѳеши.

— И то сказать! начала она снова, — не будь этого стараго хрыча Полосушкина, не поверни графиня круто, онъ бы у меня наплясался, этотъ стрекулатникъ; я бы карманы-то его повытрясла, да носъ бы и наклеила, вотъ бы я что съ нимъ сдѣлала! Не суйся въ воду не спросясь броду! А то, думала, идти за стараго еще хуже; лучше хоть убѣжать, да съ молодымъ. А этотъ молодой-то вышелъ хуже всякой горькой рѣдьки. Я тогда-то его не любила, а теперь и подавно. И за что только эту егозу любятъ, хоть бы

жена, или эта Параша?.. не понимаю! Наказалъ меня Господь. И по дѣломъ! Не дури!

Снова крупныя слезы потекли изъ глазъ Ѳеши, а я между тѣмъ разсказалъ ей о моемъ разрывѣ съ тетушкой.

— И это за меня! вскрикнула она, — экое горе! Вотъ я несчастная! Сама попалась да и другихъ-то ввожу въ непріятности. Я вѣдь этого не знала, не думала! Ахъ, Господи!

— Я все искалъ тебя въ Москвѣ.

— Я васъ разъ встрѣтила: вы ѣхали въ каретѣ, а я въ коляскѣ...

— Ну такъ и есть, и мнѣ показалось, что это ты. Это ты и была?

— Я хотѣла остановиться, да совѣстно стало: ну, думаю, такъ и быть.

— Разскажи же мнѣ, какъ это вы уѣхали-то съ нимъ? И какъ это никто не догадался, ни отецъ твой, никто?

— Тятеньку-то моего вы видѣли?

— Какъ же.

— Но, что онъ, постарѣлъ? бранится?

— Нѣтъ, Ѳеша, старикъ плачетъ, горько плачетъ.

— Стоитъ ли? замѣтила она, по такой дурѣ, и слезъ то тратить не стоитъ, сама виновата.

Она заплакала и послѣ молчанія продолжала:

— Вотъ какъ это было: какъ записку-то, помните, вы мнѣ написали, я ее и брось ему. Вотъ пришла и середа.... такъ мнѣ стало жутко! точно я сама не своя, ноги подкашиваются. Боюсь! страшно! Думаю, обману я его: посто-

итъ, постоитъ карета у решетки и уѣдетъ. Такъ на томъ и положила. Графиня, какъ всегда, играть сѣла. Вдругъ, гляжу, эта фигура лѣзетъ изъ передней, старичишка-то, Полосушкинъ. Ну, думаю, видно такая моя судьба! Васъ нѣтъ, не ѣдете; пріѣзжайте вы, другая бы статья совсѣмъ вышла. Такъ мнѣ досадно стало. Гляжу семь часовъ; я обошла весь домъ: такъ мнѣ стало скучно, скучно, слезы даже проступили; хотѣла выйдти въ переднюю, на тятеньку въ послѣдній разъ посмотреть, какъ будто стаканъ воды спросить, да нѣтъ, духу не хватило. Вышла я на террассу, да какъ вспомнила я этотъ послѣдній вечеръ, какъ вы-то это тутъ были, чай-то вы еще кушали: такъ мнѣ стало не вмочь, я благимъ матомъ въ садъ. Онъ тутъ. Ну, извѣстное дѣло, чуть съ ума не сошелъ. Подхватилъ онъ меня, да въ карету. Не успѣла я опомниться, летимъ.... Ну, думаю, кончено, была такова̀, конецъ. Пріѣхали мы въ Москву, остановились мы въ гостиницѣ. Сначала-то это все ничего, шло хорошо. И я-то пріѣхала какъ дура, ничего не понимаю. Онъ, извѣстное дѣло, съ нѣжностями, а мнѣ ужь не до того: ни жива, ни мертва, хоть назадъ бѣжать. Что жь вы думаете? спросила она меня, и помолчавъ прибавила: — опротивѣлъ онъ мнѣ? я и такъ-то не очень его жаловала, а тутъ, что дальше, то хуже. Ну, противенъ да и только! А онъ-то съ нѣжностями. Надоѣлъ даже! Ахъ ты, Господи! Деньгами такъ и посыпаетъ. Нашилъ мнѣ, накупилъ, видимо-невидимо. Я себѣ думаю: приданое нашиваетъ. Вотъ хорошо. Наконецъ я говорю: когда же свадьба-то? — Усмѣхнулся онъ, да и говоритъ: погоди, говоритъ,

вотъ въ деревнѣ. Вотъ пожили мы въ Москвѣ съ недѣлю, поѣхали! Что ни станція, стой! Изба что твой дворецъ.

— Такъ это онъ съ тобой ѣхалъ? спросилъ я, — а мнѣ сказали съ женой.

— А вы почемъ знаете? Развѣ вы насъ видѣли?

— Какъ же! сказалъ я, — это было въ сумерки, на первой станціи.

— А я-то, глупая, и не видала!... Вотъ пріѣхали мы сюда. Вижу домъ большой; вотъ, говорю, гдѣ я жить-то буду. Нѣтъ, онъ говоритъ, тутъ живетъ жена, а ты будешь подальше. — Какая жена? спрашиваю я. — Какія жены бываютъ? — Чья жена? — Моя, говоритъ, а самъ смѣется. — Такъ ты женатъ, значитъ? — Немножко, говоритъ, а самъ все смѣется. — Ну, думаю, пропала моя головушка! — Чего же, думаю, онъ меня завѣрялъ, что холостой, что женится, образованіе-то его, тоже не Богъ вѣсть какое: только что по французски-то рѣжетъ, да я сама не хуже его смыслю. У меня и руки опустились. — Вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ и заперъ онъ меня здѣсь. Живу, не чаю какъ бы лѣто скорѣй прошло. Думаю, что же это когда мы въ Москву? вѣдь говорилъ только лѣто проживемъ въ деревнѣ. Натка, ужь снѣгъ! Когда же мы въ Москву-то? спрашиваю я его. — За чѣмъ? говоритъ. — А какъ же? — Да такъ же! — Скучно, я говорю. — А развѣ, говоритъ, я тебя для веселья твоего привезъ! Мнѣ, говоритъ, и здѣсь весело. — Ну, меня пусти. — Нѣтъ, говоритъ, это такъ не водится! рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла.... Извѣстно, какія его рѣчи. — Да я, говорю, не хочу

съ тобою жить, я вольная, говорю, гдѣ моя бумага, отдай мнѣ ее, я уѣду. Такъ нѣтъ, куды тебѣ, и слышать не хочетъ. Вотъ такимъ манеромъ всю зиму промаялась, въ четырехъ стѣнахъ-то живучи. Вотъ и опять лѣто настало, а я все конца этому не вижу. Батюшка! заступитесь! Миленькій! не оставьте вы меня! Выручите, спасите!

Ѳеша залилась горькими слезами.

— Хорошо, сказалъ я, — я сдѣлаю все, что̀ могу, поговорю съ Отлетаевымъ и надѣюсь, что улажу это дѣло. Только вотъ моя бѣда: какъ мнѣ тебѣ дать знать завтра, на чемъ мы покончимъ? Написать если....

— Это все равно, что ничего, перебила она меня, — вы сами знаете, что чтеніе не по моей части.

— Такъ, какъ же быть?

— Я ужь и не знаю. Да зайдите сами, вотъ и дѣло съ концемъ.

— Да можно ли?

— Отчего же? скажите ему, что, молъ, мнѣ нужно повидаться. Вотъ и все....

— Ну, я увижу. Какъ-нибудь устрою. А теперь, прощай пока.

— Вы ужь и уходите? грустно спросила Ѳеша.

— Пора, сказалъ я, и отдернулъ занавѣску окна.

Молодое утро весело глянуло въ комнату.

— Видишь, продолжалъ я, — бѣлый день на дворѣ....

— И то, сказала Ѳеша, — пора вамъ на покой.

— Ну, прощай же.

— До свиданія! прошептала Ѳеша, и подойдя ко мнѣ

очень близко, положила обѣ ручки ко мнѣ на плеча и прибавила.

— Не оставьте! сжальтесь! Миленькій вы мой голубчикъ!

Слезы хлынули изъ глазъ ея. Я наклонилъ голову; ея высокій, блестящій лобикъ пришелся прямо противъ губъ моихъ, и я въ первый разъ оставилъ на немъ долгій и несовсѣмъ холодный поцѣлуй. Ѳеша вспыхнула; не только щечки, даже этотъ самый лобикъ, ушки, шейка, все покрылось яркимъ розовымъ оттѣнкомъ, и бѣглый трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ ея членамъ. Я бросился въ гостиную, и быстро сбѣжавъ съ лѣстницы, вышелъ въ садъ. На поворотѣ съ одной дорожки на другую мелькнуло издали чье-то голубое платье.

Солнце еще не вставало; природа не просыпалась; ни звука, ни шороха. Было такъ тихо, что я могъ слышать легкій шелестъ песка подъ моими шагами. Я пошелъ прямо аллеей, ведущей къ театру. Однозвучное: *па-сма-тривай!* которому черезъ минуту откликалось такое же: *пагля-ды-ва-а-й!* провожали мое одинокое шествіе. Въ зданіи театра огня уже не было, но голубое платье юркнуло съ быстротою молніи въ отверенную гдѣ-то дверь. Въ передней большаго дома мелькнулъ огонекъ. Я обрадовался и пошелъ скорѣе. И дѣйствительно, Кузьма въ компаніи дежурнаго лакея ждали моего возвращенія. Здѣсь узналъ я, что кабинетъ хозяина отданъ въ полное мое распоряженіе, и радъ былъ отдохнуть отъ тревожнаго и утомительнаго дня.

Проснувшись на другое утро, я принялся было за при-

несенный мнѣ чай, какъ лакей вошелъ въ мою комнату, предварительно за дверью спросивъ на это разрѣшенія, и подалъ мнѣ письмо.

— Отъ кого? спросилъ я.

— Отъ корнета Отлетаева! сказалъ лакей и поклонясь вышелъ.

Я улыбнулся, какъ странности письменнаго сообщенія между людьми, находящимся почти въ одномъ и томъ же домѣ, такъ и тому, что люди, говоря о баринѣ, не называли его по имени и отечеству, а должны были непремѣнно произносить фамилію, прибавляя и чинъ, точно какъ будто онъ придавалъ ей особенную звучность или былъ ея нераздѣльною принадлежностью. Распечатавъ письмо, я прочелъ слѣдующее:

«Милостивый государь,

«Анатолій Петровичъ,

«Если самъ Пушкинъ, подразумѣвая рабыню и подругу пріятеля, сказалъ:

О! Боже Праведный! прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!

то какъ же мнѣ, корнету Отлетаеву, было возможно не позавидовать тому, что сердце Ѳеши принадлежитъ вамъ (въ чемъ я убѣжденъ и въ эту минуту), а не мнѣ, ходившему на него, съ такою огромною потерею серебряныхъ рублей, въ атаку, взявшему его съ боя, но не успѣвшему въ немъ удержаться? Вчера вы окончательно сбили меня съ позиціи, и я сдаюсь военноплѣннымъ, но размѣна ратификацій весьма бы не желалъ, почему и посылаю вамъ эти

строки, которыя убѣдятъ васъ, при свиданіи со мною не преслѣдовать меня на отступленіи и, забывъ вчерашнюю стычку, посторонними рѣчами упрочить честный миръ. Наши партіи равны: я нападалъ отчаянно, вы храбро защищались, и если вы побѣдили, то я отступилъ, весьма дипломатически, допуская переговоры и набрасывая покрывало на ихъ послѣдствія. Впрочемъ, изъ достовѣрныхъ источниковъ, черезъ посредство почтеннаго лица, повторяющаго трижды каждое произносимое имъ слово, мнѣ извѣстно, что непріятель, оставшись въ крѣпости, благородно щадилъ частную собственность.

«Примите увѣренія въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ имѣетъ честь быть, вашимъ,

«Милостивый государь

«покорнѣйшимъ слугою.

«Корнетъ Отлетаетъ.»

Это оригинальное посланіе заставило меня улыбнуться и задуматься. Значитъ, подумалъ я, раскаяніе корнета не было искреннее, значитъ его отступленіе было сдѣлано съ цѣлью, въ видѣ испытанія, и я въ душѣ радовался, что принялъ мѣры предосторожности въ лицѣ старухи, которой двуличность теперь обнаружена. Я радовался, что корнету не къ чему было придраться и обвинить Ѳешу. Недовѣріе его было оскорбительно. Впрочемъ, если я изъ состраданія къ жалкимъ и смѣшнымъ порывамъ необузданнаго характера, уже многое прощалъ корнету, то почему было не простить ему и это недовѣріе, какъ и то подозрѣніе, что сердце Ѳеши пренадлежитъ мнѣ, — и я не обратилъ осо-

беннаго вниманія на это обстоятельство. Меня бѣсило только то, что Отлетаевъ, предвидя вѣроятно дальнѣйшее съ моей стороны заступничество за Өешу, предупреждалъ всякое на то покушеніе, и этимъ письмомъ окончательно зажималъ мнѣ ротъ; но я тѣмъ болѣе рѣшился, не смотря на предписываемыя имъ условія, снова вызвать его на объясненіе, и во что̀ бы то ни стало, вырвать у него свободу Өеши. Кликнувъ человѣка, я спросилъ его:

— Гдѣ Сергѣй Васильевичъ?

— У себя-съ, отвѣчалъ вошедшій лакей.

— А именно?

— Въ Монплезирѣ-съ.

— Ну, ступай туда и скажи барину, что я потому не отвѣчаю, что самъ сейчасъ буду.

Добравшись до увеселительнаго за̀мка, я предпочелъ не входить въ главную дверь, откуда неминуемо попалъ бы въ театральную залу, а обогнуть строеніе и, воспользовавшись балконною дверью, войдти прямо въ комнату хозяина. Предначертавъ себѣ такой планъ дѣйствій, я привелъ его въ исполненіе и засталъ Отлетаева въ халатѣ, въ креслѣ, за стаканомъ кофе, съ трубкою въ зубахъ и съ тетрадью въ рукѣ. Сидя такимъ образомъ, онъ суфлировалъ какую-то роль актрисѣ Машѣ, игравшей вчера старуху и плясавшей русскую. Маша дѣлала руками сильные жесты.

— Дура! говорилъ корнетъ. Не такъ, повтори!...

— «Ахъ! еслибъ ты залъ», — кричала Маша: — «всю силу моей страсти; если бъ ты понималъ то отчаяніе,

которымъ полна душа моя, еслибы ты могъ сочувствовать слезамъ моимъ...»

— Хорошо! громче! замѣчалъ хозяинъ...

— «Еслибъ у тебя было сердце, а не гранитъ...»

— Хорошо...

— «Ты бы сжалился надо мной, ты бы не бросилъ меня, не оклеветалъ меня!... Ахъ Андре! Андре.»

— André, сказалъ корнетъ.

— Андре, я говорю-съ Андре, сказала Маша.

— Да дура, пойми ты, André, а не Андре. Ну скажи André.

— Андре-съ.

— Фу! ты дубина какая! Поди скажи, чтобы во всей піесѣ, гдѣ André, поставили Жоржъ... Ну, повтори...

— Жоржъ, сказала Маша.

— Ну пусть будетъ Жоржъ! сказалъ я, все стоя въ дверяхъ и желая прекратить начинавшую утомлять меня сцену.

— Это вы? сказалъ хозяинъ. — Mille pardons, я въ халатѣ. Вы меня застаете за моимъ ежедневнымъ занятіемъ. Измучили они меня, просто. Но для чего вы это безпокоились, идти сюда? я самъ бы пришелъ освѣдомиться, какъ вы ночь провели, покойно ли вамъ было, что̀ вы видѣли во снѣ? исполнилъ бы обыкновенныя обязанности хозяина.

— Благодарю вамъ, сказалъ я, — за столько вниманія.

— Садитесь, прошу васъ! куда прикажете? говорилъ хозяинъ и, обратившись къ Машѣ, сказалъ: — ступай,

вели перемѣнить имя, да смотри у меня учить роль; да скажи тамъ на сценѣ, чтобы первые два акта безъ меня репетовали, а третій оставить, безъ меня не начинать, а придти доложить: кончили, молъ, первые два. Ну, ступай, да смотри не переври.

— Никакъ нѣтъ-съ, сказала Маша и вышла, а корнетъ обратился ко мнѣ:

— Извините, прошу васъ. У меня какъ утро настанетъ, такъ возня: одного научи, другому покажи какъ и что. Съ одною роль пройди, третью заставь па дѣлать, гардеробъ распредѣли, а тутъ бутафорская часть: все я самъ, голова кругомъ пойдетъ, право!

Корнету было видимо неловко въ моемъ присутствіи, и онъ не зналъ съ чего начать и какъ поддерживать разговоръ, желая въ душѣ, чтобы я провалился сквозь землю. Я, между тѣмъ, держалъ себя холодно и весьма спокойно. Мое намѣреніе было твердо принято.

— Не хотите ли вы кофе? спросилъ онъ меня, чтобы что-нибудь сказать.

— Благодарю васъ, мнѣ подавали чаю, отвѣчалъ я.

Настало молчаніе.

— Итакъ, началъ было корнетъ, и остановился...

— Сегодня у насъ прекрасная погода, сказалъ я: — вотъ фраза, какую обыкновенно говорятъ людямъ, которымъ не знаешь что̀ сказать.... но, успокойтесь, я имѣю вамъ сказать многое.

— Вы не въ духѣ, началъ хозяинъ, — вы вѣрно встали лѣвою ногою.

— Можетъ-быть, но вставши я получилъ письмо ваше, столь же оригинальное, какъ вѣроятно и всѣ ваши письма.

— Но вѣроятно не прочли его, иначе не стали бы возобновлять объ немъ разговора. Я, по крайней мѣрѣ, думалъ, что въ немъ достаточно ясно выражено желаніе мое забыть, что было.

— Какъ вы однакожь привыкли, чтобы всѣ ваши желанія исполнялись безпрекословно! замѣтилъ я.

— Мнѣ кажется, что это желаніе могло бы быть такъ легко исполнено!

— А мнѣ кажется напротивъ. Несмотря на всю тягость подобнаго разговора, несмотря на все мое желаніе сдѣлать по вашему, я долженъ говорить вамъ о Ѳешѣ.

— Отложимъ этотъ разговоръ до другаго раза. Я обдумывалъ вчерашнее, ничего не придумалъ и не знаю, что мнѣ дѣлать.

— Все равно, началъ я, — дайте мнѣ только слово, что вы будете слушать меня хладнокровно.

— Будьте увѣрены.

— Вѣдь согласитесь сами, что ваши припадки бѣшенства ни къ чему не ведутъ: меня они не испугаютъ, а васъ только разстроиваютъ.

— Да я совершенно покоенъ и готовъ васъ слушать, сказалъ Отлетаевъ.

— Вамъ угодно было вчера доставить мнѣ возможность не только видѣть, но и говорить съ Ѳешей.

— Нѣтъ, быстро сказалъ корнетъ, — мнѣ того не было

угодно, а случилось само собою, нечаянно, какъ многое въ моей жизни.

— Впрочемъ, еслибы вамъ и не угодно было доставить мнѣ возможность откровеннаго разговора съ Ѳешей, я бы самъ нашелъ ее, и во всякомъ случаѣ, съ согласія ли вашего или нѣтъ, а достигъ бы желаемаго, потому что, повторяю вамъ, я долженъ, я обязанъ подать руку помощи несчастной дѣвушкѣ.

— Это прекрасно, похвально, началъ корнетъ, — но къ чему вы это все клоните? Вотъ чего я понять не могу.

— Сію минуту, я все вамъ объясню, почему я обязанъ защищать Ѳешу. Мое молчаніе ее сгубило. Открой я тетушкѣ глаза, вы бы не увезли Ѳеши. Я, противъ воли, покровительствовалъ предѣлкамъ, происходившимъ на глазахъ моихъ, и сталъ отчасти виновникомъ послѣдствій. Не я ли же наконецъ обязанъ, имѣя на то всѣ средства, остановить дальнѣйшее ихъ развитіе?

— Но чего же вы хотите? спросилъ корнетъ: — я право, не могу, себѣ представить.

— Я буду васъ покорнѣйше просить сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе и возвратить Ѳешѣ ея отпускную, съ которою она могла бы выѣхать изъ Сережина, куда сама пожелаетъ.

— То есть въ Подкосихино? не правда ли? быстро крикнулъ Отлетаевъ. — Да, ну я теперь понимаю! вотъ вы чего хотите.

— Я хочу свободы Ѳеши, твердо отвѣчалъ я, — и только.

— Ну, а если я этого не хочу? спросилъ онъ.

— Какая ваша цѣль мучить несчастную дѣвушку и держать ее взаперти, терзать неосновательно ревностью, и все это не любя, а главное не будучи любимымъ?

— Хорошо вамъ говорить! сказалъ корнетъ! — Еслибы вы истратили на нее нѣсколько десятковъ тысячъ, еслибъ вы изстрадались любя ее, какъ я любилъ, и получили въ замѣнъ одну невыносимую холодность; желалъ бы я посмотрѣть, что̀ бы вы тогда сдѣлали! Другой бы удушилъ ее, коварную, а я, кажется....

— Вы ее терзаете! Стыдитесь! быстро началъ я. — Неужели и вчерашняя сцена ничего по вашему? Неужели вы думаете, что, грозя ей хлыстомъ, купленнымъ впрочемъ въ магазинѣ, вы можете заставить ее полюбить васъ? Нѣтъ, я ошибался въ васъ! я думалъ, въ васъ есть сердце, есть душа... вы сами говорили, что въ васъ столько же добра, сколько зла. Извините меня, я не вижу въ васъ доброты....

— Что же я такое сдѣлалъ? Я не помню. Но чѣмъ могу я доказать вамъ, что я не такъ дуренъ, какъ вы думаете? почти со отчаяніемъ спрашивалъ корнетъ.

— Возвратите овободу Ѳешѣ,

— Я думалъ объ этомъ, хотѣлъ, и не могъ.... Не могу.

— Однакожь это необходимо.

— Вы думаете? спросилъ онъ.

— Да, сказалъ я твердо и рѣшительно, — необходимо. Я постараюсь разгласить вчерашнюю встрѣчу съ Ѳешей,

опишу всѣмъ и каждому ея печальную исторію, здѣсь, въ Петербургѣ, вездѣ: однимъ словомъ употреблю всѣ средства, чтобы придать этому дѣлу такую гласность, что не только вся наша губернія загудитъ и забарабанитъ, но нѣсколько губерній и двѣ столицы тѣсно свяжутъ имя корнета Отлетаева съ именемъ Ѳеши и, вѣрьте мнѣ, что сочувствіе общественнаго мнѣнія будетъ, конечно, на сторонѣ послѣдней.

Корнетъ, красный отъ волненія, быстро заходилъ по комнатѣ.

— Забавно! забавно! началъ онъ — Только этого не доставало, чтобы я изъ-за этой дѣвчонки сдѣлался посмѣшищемъ цѣлой губерніи, цѣлаго свѣта. И этимъ всѣмъ я обязянъ буду вамъ? Очень вамъ благодаренъ. Однакожь, началъ онъ еще скорѣе: — неминуемо спросятъ и васъ, по какому праву вмѣшиваетесь вы въ чужія дѣла и отстаиваете свободу этой дѣвушки. А? что вы тогда отвѣтите?

Я только и ждалъ этого вопроса. — Я отвѣчу, что моя собственная честь требуетъ свободы Ѳеши! Вотъ что я отвѣчу.

— Что же изъ этого слѣдуетъ? Я все-таки не понимаю.

— Ѳеша похищена изъ дома тетки моей въ то время, когда я былъ единственнымъ посѣтителемъ, ежедневнымъ гостемъ, своимъ человѣкомъ у ней на дачѣ, и меня обвинили въ похищеніи. Слѣдствіемъ этого былъ разрывъ мой съ теткой, тѣмъ болѣе прискорбный, что я вовсе не заслужилъ его. Понимаете вы теперь, что честь моя требуетъ

свободы Ѳешы, если даже не для нея самой, то хоть для востановленія дружественныхъ отношеній между мною и тетушкой, которыхъ я лишился по милости вашей. Понимаете ли вы теперь, что я не могу же изъ-за вашей прихоти терять во мнѣніи людей мнѣ близкихъ и равнодушно сносить оскорбительныя обвиненія въ такомъ поступкѣ, на который я не способенъ? Вотъ почему я долженъ, я обязанъ, во что бы то ни стало, представить Ѳешу на глаза графини и возстановить свое доброе имя.

— Возможно ли? крикнулъ Отлетаевъ. — Да это цѣлая драма! Васъ обвиняли? Могъ ли я предвидѣть? Давно бы вы сказали! А я думалъ, что вы изъ любви одной хотите отбить у меня мамзельку?...

Настала минута тревожнаго молчанія. Корнетъ быстро ходилъ по комнатѣ. Въ немъ совершалась тяжелая борьба.

— Что за пропасть! началъ онъ: — въ какія вы меня ставите затруднительныя положенія, и въ который уже разъ! Шахъ и матъ, просто. Не знаешь куда и податься. А что если это все одна игра воображенія, чтобъ не сказать выдумка? что если это все слѣдствіе вчерашняго разговора съ Ѳешей и придумано съ нею за одно, какъ отчаянное средство къ достиженію желаемаго? Вѣдь я-то буду нѣчто въ родѣ дурака, если это такъ. Какъ вы думаете?

— Если словъ моихъ для васъ недостаточно, то я представлю вамъ письменное доказательство. Я вынулъ бумажникъ, и, отыскавъ записку тетушки, писанную ко мнѣ изъ парка и приглашавшую меня пріѣхать для объясненія (если только помнятъ еще читатели ея содержаніе), подалъ ее корнету.

— Изъ этой записки, которую я сохранилъ какъ нарочно, вы увидите, сказалъ я. — какія отношенія возникли между мною и тетушкой, а число, мѣсяцъ и годъ докажутъ. что внезапное охлажденіе это произошло на другой же день послѣ бѣгства Ѳеши съ вами.

Отлетаевъ взялъ записку и медленно, со вниманіемъ прочитавъ ее нѣсколько разъ, сказалъ:

— Изъ записки не видать однакожь, чтобы васъ связывало какое нибудь родство съ графиней.

— Это дѣло постороннее, отвѣчалъ я, — я могъ быть и не родной вовсе, а просто знакомымъ, ежедневнымъ посѣтителемъ и, волею обстоятельствъ, подвергнуться подозрѣніямъ, лишиться знакомства, потерять домъ; но и тогда бы, все равно, вступился я за честь свою. А чтобъ уничтожить и послѣднее въ васъ сомнѣніе, вотъ вамъ другое доказательство того, что записка эта писана рукою графини, взгляните въ отпускную Ѳеши, сличите почеркъ, и вы убѣдитесь.

Корнетъ быстро сѣлъ, выдвинулъ ящикъ письменнаго стола, гдѣ въ безпорядкѣ лежали разныя бумаги и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ отпускную Ѳеши, посмотрѣлъ на подпись и громко произнесъ:

— Я побѣжденъ вторично и окончательно!

— Что же это значитъ въ переносномъ смыслѣ, спросилъ я, — битва кончилась?

— Возмите вы ее, дѣлайте съ ней, что знаете. Гдѣ наше не пропадало! сказалъ корнетъ, и, быстро вставъ, тревожно заходилъ по комнатѣ.

Я замѣтилъ, что, во все продолженіе нашего разговора, дверь въ кабинетъ то пріотворялась немного, то снова затворялась. Я никакъ не могъ придумать, кто бы могъ быть за дверью и рѣшилъ, что это Ѳомка, ожидающій ежеминутно услышать свое имя изъ устъ барина.

— Возьмите же и это, продолжалъ онъ, подавая мнѣ отпускную Ѳеши.

— Благодарю васъ, сказалъ я, — но отдайте ей сами эту бумагу: я только посредникъ между вами.

— Пожалуй, молвилъ корнетъ, — была не была!

Ужь если горе пить,
Такъ сразу! А бѣды медленьемъ не избыть!

И громко захохотавъ, крикнулъ: — Ѳомка! одѣваться...

— Какъ бы мнѣ дать ей знать?.. началъ было я

— Очень просто: я сейчасъ одѣнусь, и мы отправимся...

— Это всего лучше, сказалъ я, пока входилъ Ѳомка.

— Извините, если при васъ... началъ было корнетъ.

— Сдѣлайте одолженіе, перебилъ я его, и корнетъ сталъ одѣваться.

Не могу не замѣтить, что съ самой той минуты, какъ Отлетаевъ, сознавшійся побѣжденнымъ моими доводами, обѣщалъ мнѣ свободу Ѳеши, онъ постоянно былъ въ какомъ-то нервномъ, раздраженномъ состояніи. И не мудрено: этотъ человѣкъ, которому все повиновалось, чьи желанія исполнялись безпрекословно, испытывалъ первую можетъ-быть неудачу: онъ былъ побѣжденъ женщиною, которую, ни любовью, ни деньгами, ни угрозами, ни жестокостію,

не могъ склонить на свою сторону, и отъ которой долженъ былъ самъ, какъ бы добровольно, отказаться. Корнетъ быстро одѣлся, положилъ отпускную Ѳеши въ боковой карманъ своего чернаго бархатнаго сюртука и, надѣвъ фуражку, съ притворною веселостью сказалъ:

— Я готовъ.

— Пойдемте, отвѣчалъ я и взялъ фуражку.

Мы вышли черезъ балконную дверь.

— Вы намѣрены также бѣжать какъ вчера? спросилъ я.

— Я вообще хожу очень скоро. У меня огонь въ крови... Да не велѣть ли заложить дрожки или кабріолетъ? а то я боюсь, вы устанете...

— Не мѣшаетъ, отвѣчалъ я, — но вѣдь вы вчера сказали, что скупы на лошадей!..

Eh! quelle idée! сказалъ корнетъ и крикнулъ: — Ѳомка! а Ѳомка!

— Пошли сказать въ большой домъ, кричалъ хозяинъ Ѳомкѣ, — чтобъ заложили Богатыря въ кабріолетъ, только живо, и чтобы пріѣхали за нами въ Монсекре, понимаешь?..

— Понимаю-съ! крикнулъ Ѳомка съ балкона и скрылся.

Мы пошли дальше.

— А что этотъ Богатырь, спросилъ я корнета, — какого характера?

— Смирная лошадь, сказалъ онъ, — вы развѣ боитесь?

— Нѣтъ не то, что боюсь, а я люблю, чтобы лошадь была вѣрна своему назначенію.

— То-есть?..

— Чтобъ она возила, а не несла.

— Будьте покойны! я буду самъ править: доѣдемъ, сказалъ корнетъ.

— Признаюсь, когда мнѣ случается ѣхать на какой-нибудь ухарской лошади, я ужасно люблю доѣхать и быть поскорѣе на мѣстѣ.

— Вы шутите? Неужто вы такъ боитесь лошадей? Вы, значитъ, не любите этихъ благородныхъ животныхъ?

— Нѣтъ, люблю; люблю смотрѣть на нихъ, только издали, и въ особенности на картинкахъ; это очень прiятно. Но ввѣрять свою жизнь произволу животнаго изъ пустаго удальства, по моему, безразсудно. Вообще я не люблю нигдѣ и ни въ чемъ удальства, хотя оно свойственно чисто русской натурѣ. Во всемъ другомъ я Русскiй, но въ этомъ, каюсь, нѣтъ. Всѣ *головоломныя* удовольствiя, гдѣ рискуешь расквасить себѣ лицо, гдѣ при малѣйшей потерѣ равновѣсiя можно полетѣть вверхъ ногами, и тому подобное... все это не по моей части.

— О! положительный человѣкъ! воскрикнулъ корнетъ и постучался въ дверь Монсекре. Та же старуха впустила насъ въ переднюю.

— Гдѣ Ѳеша? спросилъ ее корнетъ.

— На верху, батюшка ты мой, на верху изволитъ быть. Какъ есть на верху все быть изволитъ, отвѣчала старуха.

Я зло посмотрѣлъ на нее и пошелъ за корнетомъ по лѣстницѣ. Когда мы, пройдя гостиную, вошли въ ту самую комнату, гдѣ вчера еще разыгралась извѣстная читателю сцена, Ѳеша стояла у зеркала и пришпиливала на правомъ

вискѣ, въ косу, обнимавшую всю ея головку, свѣжую махровую столиственную розу. Платье на ней было также розовое какъ и то, въ которомъ я видѣлъ ее въ послѣднiй разъ на дачѣ, но не такое прозрачное и легкое, а изъ шелковой плотной матерiи. Я понялъ значенiе этого туалета; она хотѣла и сама забыть, и меня можетъ-быть заставить забыть — цѣлый грустный годъ своей жизни. Нарядъ-то былъ тотъ же, такая же роза украшала и тогда правый високъ ея, но сама Ѳеша была не тѣмъ цвѣткомъ, какимъ я зналъ ее. Особенно днемъ замѣтилъ я страшную въ ней перемѣну; но несмотря на блѣдность и худобу, она была еще очень хороша; голубые глаза сохранили всю свою прелесть, несмотря на слезы, которыя часто набѣгали на нихъ, а волосы, эти роскошные волосы, были все такъ же густы и глянцовиты. Корнетъ войдя расшаркался, и подавая смущенной Ѳешѣ, весьма комически, бумагу, въ томъ же тонѣ сказалъ какую-то фразу, весьма сложную и недоступную пониманiю не только Ѳеши, но и моему. Ѳеша смотрѣла во всѣ глаза на корнета, подававшаго ей бумагу.

— Бери же! другимъ тономъ, тономъ барина, сказалъ ей Отлетаевъ.

Она вздрогнула и взяла бумагу.

— Нервы слабы! замѣтилъ корнетъ, улыбаясь язвительно.

Ѳеша посмотрѣла на меня и, вѣроятно понявъ изъ глазъ моихъ, въ чемъ дѣло, вскрикнула:

— Вольная! моя вольная! Неужто это моя вольная?

и крупныя слезы въ три ручья потекли изъ глазъ ея и закапали на бумагу, которую она держала.

— Ты свободна! сухо и отрывисто продолжалъ корнетъ: — можешь ѣхать или идти, куда хочэшь. Все твое — твое. Больше дать не могу. У меня, вотъ онъ знаетъ, прибавилъ Отлетаевъ, указывая на меня, — только и есть за душой два двугривенныхъ.

— Мнѣ ничего не надо! робко вымолвила Ѳеша.

— Давно ли это?... Но все равно, не хочу съ тобою ссориться на прощаньи. Повторяю: что̀ твое, то твое. Дай Богъ тебѣ найдти счастье съ другимъ, кто бъ былъ тебѣ милѣе меня, кто бъ и самъ любилъ тебя болѣе меня. Я по крайней мѣрѣ дѣлалъ что могъ (корнетъ указалъ на комнату и платье Ѳеши), больше нежели могъ, но на мнѣ оправдалась пословица: насильно милъ не будешь.

Эти слова, полныя горечи, упрековъ, раздраженія, но не искренняго чувства, заставили покраснѣть Ѳешу; но корнетъ, не обращая на это вниманія, обратился ко мнѣ:

— Угодно вамъ сообщить ей ваши намѣренія, гдѣ вы думаете помѣстить ее, или можетъ-быть вамъ угодно будетъ, чтобы я далъ ей экипажъ и лошадей, и доставилъ въ Подкосихино?

— Я думалъ самъ на дняхъ прислать лошадей...

— Какъ хотите, это ваше дѣло...

— Ѳеша! сказалъ я ей, — сегодня я ѣду домой, въ мое имѣніе, ночую въ городѣ, завтра буду дома, завтра суббота, въ воскресенье велю собрать лошадей, какія есть, въ понедѣльникъ вышлю ихъ сюда, во вторникъ ты пріѣдешь.

Я пришлю женщину, ее зовутъ Ариной. Будь.... готова.... Вотъ все, что̀ я имѣлъ сказать ей, обратился я къ корнету.

— Нельзя ли сегодня? необдуманно прошептала Ѳеша.

— Вмѣстѣ ѣхать намъ отсюда не возможно, сказалъ я, — и вѣроятно нѣсколько дней не сдѣлаютъ вамъ разницы? обратился я къ корнету.

— Я не знаю даже, что и отвѣчать на это, отозвался корнетъ. Она можетъ быть увѣрена, что въ эти два, три дня, не только не увидитъ, не услышитъ обо мнѣ, если ужь ей у меня такъ невыносимо грустно, у меня, который... ну, да что говорить! началъ онъ другимъ тономъ, только себя волновать. Прощай! обратился онъ къ ней, — прощай навсегда! Если и сведетъ насъ когда-нибудь судьба, — я ужь, надо полагать, буду или очень бѣденъ или очень старъ, — такъ тогда и подавно ты будешь для меня не доступна! Желаю тебѣ счастья, отъ души желаю.

Онъ подошелъ къ ней и прильнулъ губами къ ея хорошенькому лбу. Ѳеша стояла не шевелясь. — Прощай неблагодарная!... сказалъ онъ, — ты не хотѣла понять любви моей, а я сильно любилъ тебя!

Ѳеша все также оставалась неподвижною.

— Мнѣ будетъ досадно, если ты полюбишь когда-нибудь, продолжалъ корнетъ, — будь я увѣренъ въ противномъ, было бы легче. Ну, теперь, по примѣру всѣхъ романовъ, у васъ вѣрно будетъ сцена радости и упоенія, — обратился онъ къ намъ обоимъ, — я уйду пожалуй, и пошелъ къ двери.

— Я за вами, сказалъ я, прибавивъ Ѳешѣ: — я жду тебя во вторникъ, Ѳеша! будь готова...

— Буду! буду! буду! сказала она шепотомъ, прыгнула нѣсколько разъ на одномъ мѣстѣ, указала на уходившаго Отлетаева, поцѣловала отпускную, потомъ захлопала въ ладоши, но только безъ всякаго звука, одною рукою послала мнѣ поцѣлуй, потомъ упала въ углу на колѣни и начала молиться. Все это было дѣломъ одной минуты, пока корнетъ проходилъ гостиную, а я нѣсколько отсталъ отъ него. Мы молча сошли съ лѣстницы.

— Слушай, что̀ я тебѣ буду говорить, сказалъ корнетъ старухѣ.

— Слушаю, батюшка ты мой, слушаю.

— Да слушай обоими ушами.

— Не могу, батюшка ты мой, на одно крѣпка. Крѣпка на одно.

— Во вторникъ, началъ хозяинъ, — Ѳеша отъ насъ уѣдетъ.

— Уѣдетъ? переспросила старуха, — такъ-таки и уѣдетъ? Какъ есть уѣдетъ?

— Уѣдетъ, продолжалъ корнетъ, — пришлютъ лошадей, экипажъ и въ немъ женщину; вотъ такую-же точно какъ ты, если только ты женщина...

— Женщина, батюшка ты мой, женщина!

— Ѳеша съ ней и уѣдетъ. А до тѣхъ поръ, чтобы все здѣсь было какъ всегда, чтобы и за кушаньемъ къ столу приходили: ну, чай, разумѣется, фрукты; однимъ словомъ все, чтобъ было, какъ было. Понимаешь ты меня?

— Понимаю, батюшка ты мой: чтобъ все было, чтобъ было все, ну, вотъ такъ таки все чтобъ и было.

— Кажется, поняла? обратился онъ ко мнѣ.

— Кажется.

— Да поняла, батюшка ты мой, поняла, какъ есть поняла.

Корнетъ повелъ меня въ другую дверь, которая вела въ комнату нижняго этажа, служившую столовой, судя по круглому столу, стоявшему посрединѣ и вышелъ другимъ ходомъ на дворъ, гдѣ уже два рейткнехта держали за удила великолѣпнаго Богатыря, заложеннаго въ легонькій, прекрасный кабріолетъ.

— Довольны ли вы мной? спросилъ меня хозяинъ съ горькою улыбкой.

— Очень, очень вамъ благодаренъ. Вы сдѣлали три добрыя дѣла: освободили Ѳешу, себя успокоили и меня обязали.

— А мнѣ жаль ея! Я право любилъ ее! Давай! крикнулъ онъ другимъ тономъ.

Конюхи подали Богатыря къ крыльцу. Корнетъ быстро сѣлъ и, взявъ вожжи, сказалъ: — Не пускай.

Лошадь, согнувши голову, храпѣла, взметывая ногою землю и искоса посматривала въ бокъ.

— Посмотрите, сказалъ я, — какія онъ штуки дѣлаетъ! Не пойдти ли мнѣ лучше пѣшкомъ, а вы себѣ, пожалуй, ступайте.

— Э! полноте, сказалъ корнетъ, — какъ вамъ нестыдно, ступайте.

Я сошелъ съ крыльца.

— Только садитесь скорѣе.

— Отчего скорѣе?

— Видите не стоитъ.

— Отчего же не стоитъ? Его обязанность стоять, пока сядутъ.

— Ахъ какой человѣкъ! вскрикнулъ корнетъ. — Садитесь же.

Конюхи улыбнулись. Это подстрекнуло мое самолюбіе, и я какъ вихрь бросился въ кабріолетъ.

— Пускай! крикнулъ хозяинъ.

Конюхи отошли. Лошадь взвилась на дыбы.

— Батюшки! крикнулъ я, — что же это такое!

Но Богатырь уже рванулся впередъ, пошелъ съ мѣста галопомъ и въ одно мгновеніе ока мы пролетѣли дворъ, попали однакожь въ ворота, и круто повернули налѣво. Корнетъ замоталъ вожжи на руки, но никакъ не могъ поставить Богатыря на рысь.

— Шалишь, шалишь! говорилъ онъ ему, но тотъ все не унимался.

— Постой, вотъ я тебя! крикнулъ разсердясь корнетъ и ударилъ его вожжей. Богатырь лягнулъ, загнулъ голову и помчалъ насъ, къ счастью, по дорогѣ, шедшей около каменной ограды, окружавшей весь садъ и тянувшейся вплоть до большаго дома, до котораго впрочемъ было еще далеко.

— Боже мой! крикнулъ я, — погибаемъ.

— Ну, шалишь, шалишь! твердилъ хозяинъ, ласко-

вымъ голосомъ ублажая разъяренное животное, — шалишь, дуракъ, будетъ...

— Я выпрыгну! кричалъ я.

— Боже васъ избави! сказалъ мнѣ очень скоро корнетъ, и снова принялся ублажать лошадь, которую наконецъ поставилъ на рысь; лошадь пошла хорошо.

— Ну вотъ, продолжалъ онъ, — такъ-то лучше! о дуракъ, дуракъ!

Хозяинъ засвисталъ особеннымъ какимъ-то свистомъ, способствующимъ тоже къ укрощенію лютыхъ лошадиныхъ порывовъ, и я вздохнулъ свободнѣе.

— Развѣ вы не видите, что онъ играетъ, обратился онъ ко мнѣ.

— Да чортъ его возьми, что онъ играетъ! вскрикнулъ я, полный негодованія: — развѣ мнѣ отъ этого легче, что онъ сломитъ мнѣ шею! Это мнѣ нравится: «играетъ.» Тутъ невольно раждается вопросъ: для чего онъ играетъ, и какъ онъ смѣетъ играть? развѣ его запрягли для того, чтобъ играть?

Хозяинъ расхохотался. Лошадь шла хорошо. Вдругъ тѣнь отъ дерева, лежавшаго поперекъ дороги, испугала Богатыря, и онъ бросился въ сторону. Корнетъ, пустившій вожжи слабѣе, едва успѣлъ натянуть ихъ снова и безъ особеннаго несчастія свернуть Богатыря опять на дорогу...

— Ну, а это что же такое? спросилъ я.

— Шалитъ, равнодушно отвѣчалъ корнетъ. — Да скажите, на чемъ вы ѣздите въ столицѣ?

— Если я проѣздомъ, то въ наемной каретѣ, а если

основался на житье, такъ у меня есть добрыя, рослыя лошади, которыя везутъ дружно и скоро, но не играютъ и не шалятъ.

— За то васъ всѣ обгоняютъ!

— А пусть себѣ обгоняютъ, если это кому доставляетъ удовольствіе. Меня обгонятъ, а я обгоню извощика, вотъ и прогрессивность. Значитъ извощикъ ѣдетъ тихо, я скорѣе, а обогнавшіе меня еще скорѣе: вотъ вся и разница.

— Желалъ бы я знать, какая ваша преобладающая страсть? Или точнѣе, къ чему вы страстны?

Но съ этимъ словомъ мы быстро подкатили къ крыльцу. Богатырь сѣлъ назадъ и фыркнулъ, какъ бы стряхивая съ себя весь прошлый гнѣвъ, всю прежнюю ярость, а я былъ очень радъ, что могъ выпрыгнуть изъ кабріолета и осязать ногами твердую землю.

— Зайдите къ Нинѣ, сказалъ мнѣ корнетъ, — а я съѣзжу посмотрѣть какъ срепетируютъ третій актъ и тотчасъ же вернусь.

— До свиданія, сказалъ я.

Корнетъ повернулъ лошадь въ аллею и помчался къ Монплезиру, а я вошелъ въ домъ.

На вопросъ мой о хозяйкѣ мнѣ сказали, что она не выходила въ гостиную, куда меня попросили только черезъ часъ, проведенный мною съ сигарой въ зимнемъ саду.

Нина въ бѣломъ кашемировомъ капотѣ, роскошно вышитомъ разноцвѣтными шелками на турецкій манеръ, сидѣла на диванѣ съ своимъ кингъ-чарльсомъ на колѣняхъ. Крошечный кружевной чепецъ, украшенный безчисленными

петлями изъ разноцвѣтныхъ узенькихъ лентъ, едва-едва прикрывалъ густую косу, къ которой былъ пришпиленъ золотою булавкою. Трезвонинъ, свѣжій и румяный какъ майское, только сценическое, утро, сидѣлъ передъ нею въ граціозной позѣ и читалъ вслухъ своимъ пискливымъ голосомъ какую-то повѣсть. Хвостиковъ, съ лицомъ еще весьма измятымъ отъ вчерашней попойки, глубокомысленно слушалъ чтеніе, медленно прохаживаясь по устланному ковромъ паркету. Безмолвный Огородъ, все также сѣренькій и кругленькій, сидя въ углу, зѣвалъ безъ всякой церемоніи. Я вошелъ въ гостиную. Нина привѣтствовала меня знàкомъ. Чтеніе оборвалось на высокой нотѣ Трезвонина.

— Здравствуйте, сказала она, — откуда вы? гдѣ побывали?

— Я только-что съ прогулки, отвѣчалъ я, подавая руку Огороду, Хвостикову и Трезвонину.

— Что это съ вами? замѣтилъ послѣдній: — здоровы ли вы?

— А что? спросилъ я.

— Вы что-то блѣдны.

— Въ самомъ дѣлѣ, подтвердилъ Хвостиковъ.

— Да, пробасилъ изъ угла Огородъ.

— Эта блѣдность — слѣдствіе сильнаго ощущенія; я всегда блѣднѣю въ подобныхъ случаяхъ... И не мудрено: онъ игралъ, а я рисковалъ жизнію.

— Жизнію? съ испугомъ спросила Нина.

— Жизнію? въ одинъ голосъ съ нею вскрикнули Трезвонинъ и Хвостиковъ. Даже Огородъ крикнулъ: — жизнію?

— Сію минуту насъ съ Сергѣемъ Васильевичемъ била лошадь! сказалъ я.

— Сережа! Гдѣ Сережа? быстро вскрикнула Нина, вскакивая съ дивана и забывъ про собачку, которая кубаремъ скатилась на коверъ, завизжала и спряталась подъ диванъ.

— Успокойтесь! началъ я, — случись съ нимъ что-нибудь, у меня достало бы ума и сердца не тревожить васъ подобнымъ извѣстіемъ. Онъ живъ, здоровъ и сейчасъ будетъ сюда.

— Ну, слава Богу! прошептала Нина и снова сѣла на диванъ.

— Какъ же это случилось? пищалъ Трезвонинъ.

— Какимъ манеромъ? вторилъ ему Хвостиковъ.

— Сергѣй Васильевичь объясняетъ это очень просто, отвѣчалъ я: — лошадь прежде играла, а потомъ шалила.

— Вѣрно Богатырь? спросила Нина.

— Онъ самый.

— Чудная лошадь!

— Въ этомъ я съ вами несогласенъ.

— Ахъ, что вы! кровная! Какъ бѣжитъ! восторженно замѣтила Нина.

— И какъ шалитъ! въ томъ же тонѣ отвѣчалъ я.

Всѣ засмѣялись, а Нина, замѣтя отсутствіе собачки, сказала:

— Гдѣ же это вы, моя прелесть! Миленькое существо!... Капри! Гдѣ вы моя крошка?

Капри робко, поджавши пушистый хвостъ, выползъ изъ-подъ дивана...

— Подите, мой прекрасный! Я васъ обидѣла... подите, Капренька! Собачка вспрыгнула прежде на скамейку, и со скамейки уже на колѣни барыни.

— Мы не любимъ прыгать, обратилась она ко мнѣ: — мы такія лѣнивыя, и такія прекрасныя! не правда ли, что мы очень хороши?

— Особенно вмѣстѣ, замѣтилъ я. Трезвонинъ поморщился.

— Посердитесь, Кàпренька, на него, зачѣмъ онъ говоритъ комплименты. Ну, посердитесь же, Кàпренька!

Нина начала мять и тормошить собаченку, которая нéхотя зарычала...

— Вотъ такъ, Капренька! хорошо! О! мои прекрасныя!

Нина принялась цѣловать собачку, которая очень равнодушно принимала эти ласки. Не знаю почему, равнодушіе Капри напомнило мнѣ горячность молоденькаго князя, и я сказалъ:

— А князь-то уѣхалъ. Вы знаете?

— Вчера еще? спросила Нина очень равнодушно.

— Вчера.

— Послѣ кутежа? продолжала она спрашивать.

— Какого кутежа?

— Полноте, я все знаю. Мнѣ все разказалъ Антонъ Иванычъ. Онъ моя газета.

— Какъ это мило сказано, пищалъ усмѣхаясь Трезвонинъ: — онъ моя газета! Очень мило! Онъ газета!..

— Развѣ это кутежъ! вскрикнулъ Хвостиковъ: — такіе развѣ бываютъ кутежи?

— А куда это вы съ Сергѣемъ Васильевичемъ ходили ночью-то? спросилъ меня Трезвонинъ.

Я было смутился, но оправясь, сказалъ:

— Что̀ это вы говорите? я не понимаю. Вы вѣрно видѣли во снѣ. Вы же прежде всѣхъ заснули.

— Да... бормоталъ сконфуженный въ свою очередь селадонъ, — вздремнулъ... мнѣ что-то было не хорошо... я былъ разстроенъ...

— Чѣмъ? спросила Нина.

— Такъ... отвѣчалъ онъ, — одно обстоятельство... одинъ разговоръ... часто одно слово дѣйствуетъ на нервы человѣка... у меня же они очень разстроены... вотъ отчего я и заснулъ. Но послѣ, когда разбудили меня и всѣхъ, чтобы идти по своимъ комнатамъ, ни васъ, ни Сергѣя Васильевича не оказалось. Гдѣ же это вы были?

Я былъ какъ на иголкахъ, проклиналъ Трезвонина, и не зналъ, что̀ мнѣ отвѣчать ему.

— Это забавно! сказалъ я наконецъ съ притворнымъ смѣхомъ: — увидать что-нибудь во снѣ, и на другой день разсказывать сонъ за дѣйствительность...

Нина пристально смотрѣла на меня. Я искоса видѣлъ этотъ взглядъ, но прямо на нее взглянуть не смѣлъ.

— Теперь слушайте, что̀ я вамъ буду говорить, обратилась она ко мнѣ: — бываютъ бездѣлицы, отъ которыхъ раждаются большія послѣдствія... Сначала искра, потомъ пламя и наконецъ пожаръ. Бываютъ сцѣны въ присутствіи третьяго невидимаго лица. Сцена сыграна, но невидимое лицо слѣдитъ за дѣйствующими. Снова раждаются вопросы,

борьба, снова доводы, разсудокъ беретъ верхъ, все кончено, все слажено... развязка. Поняли вы меня?

Трезвонинъ, Хвостиковъ и Огородъ хлопали глазами, ничего не понимая. Я хотя и догадывался, къ чему клонилась рѣчь Нины, но подумавъ отвѣчалъ:

— Не совсѣмъ понимаю, и удивляюсь... Во времена миѳологическія были невидимыя феи... а теперь, я полагаю, онѣ вывелись...

— Чего на свѣтѣ не бываетъ? замѣтила Нина.

— Тогда эти феи принимали образы людѣй, промолвилъ я на удачу.

— Феи принимали граціозные образы женщинъ, вторила мнѣ Нина, какъ бы стараясь объяснить свою мысль аллегорически.

— Теперь, отвѣчалъ я, — женщины исполняютъ должность фей. Теперь все на оборотъ...

— Но какъ тогда, такъ и теперь, всѣ эти превращенія имѣли своею цѣлью любовь.

— Понимаю! отвѣчалъ я: — въ нашъ вѣкъ женщина изъ любви превращается въ невидимую фею... она слѣдитъ...

— За предметомъ страсти, перебила меня Нина, — слѣдитъ и ревнуетъ.

— Это ясно, отвѣчалъ я, — но эти чувства скрывались какъ древними феями, такъ и современными...

— Разумѣется, но всегда какъ только сходились двѣ такія ревнивыя феи... каково бы ни было между ними различіе въ положеніи... вы меня понимаете? любовь и

ревность обѣихъ всегда бывали болтливы.. Прибавлю только, что фея поняла и оцѣнила все благородство одного генія и не боится благодарить его за то, что онъ унесетъ на своихъ крыльяхъ одно изъ самыхъ тяжкихъ ея бѣдствій; она очень вѣритъ въ честь генія, если рѣшается открыть ему свои завѣтныя тайны и выдаетъ ему свою симпатію къ другой темной и безвѣстной феѣ.

— Геній у ногъ феи, отвѣчалъ я, — онъ высоко цѣнитъ ее и глубоко ей сочувствуетъ.

Нина подала мнѣ руку и сказала:

— Благодарю васъ.

— Не стою благодарности, отвѣчалъ я, — но принимаю ее, хотя, прибавилъ я по-французски, — желалъ бы знать въ двухъ словахъ значеніе загадочнаго разговора.

— Я знаю все, отвѣчала мнѣ Нина, — что было вчера между мужемъ и вами. За вами слѣдили, васъ видѣли.

— Но кто же?

— Вспомните вчерашнюю качучу! сказала Нина и встала.

Мнѣ стало все ясно. Нѣкоторыя обстоятельства во время нашихъ вчерашнихъ похожденій объяснялись сами собою. Трезвонинъ, недовольный нами и разговоромъ, котораго не понималъ, тревожно ходилъ большими шагами по комнатѣ. Нина подошла къ нему.

Хвостиковъ тоже прошелся по комнатѣ, одинъ только Огородъ продолжалъ сидѣть на стулѣ и хлопать глазами.

Въ залѣ раздались шаги Отлетаева, который весело вбѣжалъ въ гостиную и, обнявъ жену, началъ со всѣми здороваться.

— Она все знаетъ! шепнулъ я ему на ухо: — все!

— Неужели? спросилъ онъ украдкой, адресуя какую-то любезность Трезвонину и снова продолжая: — кто могъ видѣть?

— Не знаю, отвѣчалъ я, боясь еще назвать Парашу.

— Вѣрно старая пронюхала, шепнулъ онъ мнѣ и громко спросилъ: А гдѣ же Аграфена Матвевна?

— Нездорова, сказала Нина, — у ней голова болитъ..

— Это жаль, но не мѣшаетъ позавтракать, продолжалъ хозяинъ, и началъ обирать у каждаго изъ насъ его желаніе, предварительно позвавъ лакея, котораго я просилъ сказать, чтобы закладывали мнѣ лошадей. Пришли дѣти, Французъ, Нѣмка, Француженка; разговоръ сдѣлался живъ и пустъ: всѣ голоса сливались въ одинъ общій говоръ. Нина, замѣтивъ неудовольствіе Трезвонина, сказала ему что-то пріятное, и онъ снова таялъ у ногъ ея. Между тѣмъ, по заведенному порядку, передъ каждымъ изъ насъ поставили на столикѣ особую порцію, и всѣ мы занялись кто котлетой, кто ростбифомъ. Послѣ завтрака мы вышли курить въ смежную комнату. Отлетаевъ взялъ меня подъ руку. Мы отдѣлились отъ прочихъ.

— Почему вы знаете, что Нина увѣдомлена о случившемся между нами? спросилъ онъ меня.

— Она сама мнѣ сказала.

— Ну, и что же?

— Она счастлива, что я увожу Ѳешу.

— Казалось, что̀ бы ей было за дѣло до нея?..

— Еслибъ она васъ не любила...

— Она не сердится? спросилъ корнетъ.

— Нѣтъ, сказалъ я, — не умѣетъ.

— Какой дьяволъ поселился у меня въ домѣ и сплетничаетъ на меня женѣ?.. Аграфена?

— Нѣтъ.

— Значитъ есть еще дьяволъ, кромѣ ея?..

— Не дьяволъ, а существо доброе, которое слѣдитъ за вами, желая вамъ добра, которое сильно страдаетъ и за себя, и за васъ, и за Нину... извините, сорвалось съ языка... за Надежду Васильевну....

— Ничего, продолжайте... Кто же это существо?.. вы знаете?

— Да.

— Странно! Вчера пріѣхалъ, сейчасъ ѣдетъ, и больше меня знаетъ! Кто же это существо; я бъ его прошколилъ!

— О! въ такомъ случаѣ не скажу.

— Ну, нѣтъ, нѣтъ!... Скажите! я не трону этого ангела.

— Даете честное слово?

— Даю. Скажите!

— Извольте, только съ условіемъ, сказалъ я.

— Что̀ вы хотите?..

— Напишите мнѣ двѣ строчки.

— Въ альбомъ?

— Просто на листѣ бумаги. . . напишете?

— Извольте! Пойдемте въ кабинетъ.

Онъ взялъ меня подъ руку, и мы поднялись на верхъ. Корнетъ подошелъ къ конторкѣ и, доставъ листъ бумаги, обмакнулъ перо въ чернильницу и сказалъ:

— Я готовъ, диктуйте.

— Потрудитесь написать только эту фразу: — «Не обвиняйте ни кого въ похищеніи Ѳеши, кромѣ меня...» и подпишите: «корнетъ Отлетаевъ». Вотъ все, что̀ мнѣ нужно.

— О, предусмотрительный человѣкъ! Возьмите, написалъ.

— Благодарю васъ, сказалъ я, кладя записку въ карманъ.

— Ну, будь я писатель, я бы изъ нашихъ отношеній съ вами состряпалъ штуку! И ужь какъ же бы я васъ отпечаталъ! Да жаль, не далась мнѣ эта наука. Ну-съ, однакожь, долгъ платежемъ красенъ? Кто же этотъ незримый ангелъ подъ желѣзною крышей моего дома?

— Параша! сказалъ я.

— Она насъ подслушивала? вскрикнулъ онъ.

— Да.

— И все передала Аграфенѣ Матвевнѣ?

— Нѣтъ.

— Неужели Нинѣ?

— Ей самой.

— Женѣ? крикнулъ корнетъ. — Она съ ума сошла...

— Отъ любви и ревности, замѣтилъ я.

— Но Нинѣ какъ не стыдно, началъ корнетъ... А чтобъ она впередъ не ревновала, знаете, что я сдѣлаю?

— Напримѣръ? спросилъ я.

— Выпорю Парашку!

— А ваше слово?

— Опять вы меня поставили въ ложное положеніе.

— Погодите, сказалъ я, — Ѳеша уѣдетъ и все пойдетъ хорошо. Надежда Васильевна успокоится, танцовщица тоже; въ ней достанетъ силъ сносить вашу холодность, достанетъ самоотверженія, чтобы безропотно покориться судьбѣ и радоваться на счастье супруги вашей, которой она такъ предана, и которая сама ее отличаетъ. Однако пора, прощайте! — и я побѣжалъ къ двери.

Черезъ минуту мы уже были въ гостиной, гдѣ Нина, отведя меня въ сторону, сказала:

— Прощайте! Богъ знаетъ увидимся ли мы еще, а если нѣтъ, объ одномъ только прошу васъ: не заключайте слишкомъ дурно о Сережѣ. Право, онъ не такъ дуренъ, какъ кажется. Въ немъ много добраго... Не забывайте насъ, и извините Сережу.

Я раскланялся и шелъ къ двери, когда Трезвонинъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Какъ вы счастливы, что можете ѣхать! я вамъ завидую... Ахъ, если бъ вы знали, какъ мнѣ тяжело! Я поставленъ судьбой въ такое положеніе... что...

— Прощайте, сказалъ я, чтобъ отдѣлаться, и пожалъ его костистую руку.

Простившись еще разъ со всѣми, я, въ сопровожденіи хозяина, сошелъ съ лѣстницы, и, напутствуемый его болтовней, сѣлъ и уѣхалъ. Выѣзжая изъ воротъ, я увидѣлъ желтенькаго Агаѳона. Онъ опрометью бѣжалъ къ дому, бережно держа что-то завернутое въ капустномъ листѣ: счастливецъ нашелъ паука.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

IX.

По прибытіи въ Подкосихино, первымъ моимъ дѣломъ было заняться помѣщеніемъ для Ѳеши. Съ этою цѣлью велѣлъ я очистить одинъ изъ флигелей дома, снабдивъ его кое-какою мебелью, устлалъ полы коврами, углы и окна заставилъ всякими растеніями и цвѣтами, и такимъ образомъ устроилъ, на скорую руку, свѣтлый, чистый и покойный пріютъ. Въ этомъ временномъ гнѣздышкѣ, Ѳеша, какъ больная помятая въ когтяхъ коршуна птичка, спасенная случайно, должна была расправить крылышки, чтобъ снова улетѣть за дальнія моря. Когда всѣ приготовленія къ пріему Ѳеши были сдѣланы, я позвалъ къ себѣ Арину, женщину пожилую съ весьма умнымъ лицомъ, бывшую когда-то горничной и вышедшую по любви замужъ за кучера. Арина вошла и поклонилась.

— Знаешь ты, спросилъ я ее, — село Сережино?

— Какъ не знать, сударь! отвѣчала она, — у меня еще тамъ роденька есть: кумы Анисьи дочь, если знать изволите, Агаѳья, такая дородная, Богъ съ ней, дѣвка, еще маленечко раскосовата; такъ вотъ она-то, Агаѳья, кумы-то моей дочь, тамъ отдата за сына коровницы Аксиньи; еще у ней и дочка есть: актерскую, что ли, прости Господи грѣха, должность правитъ; а брата-то ея звать Антономъ, вотъ что кумы-то моей Анисьи дочку Агаѳью за себя взялъ; а его-то мать, Антонова-то, Аксинья, мнѣ сестра троюродная приходится по матушкѣ по покойной, Аленѣ, что̀ еще при вашемъ дѣдушкѣ, царствіе ему небесное, въ большомъ почетѣ была; такъ вотъ оно, сударь, родство-то, выхо̀дитъ, какое; слѣдственно какъ мнѣ Сережина не знать....

— Ну, ступай же ты туда. Большой-то домъ минуй, понимаешь?

— Понимаю, сударь.

— Какъ минуешь большой-то домъ, придетъ другой домъ поменьше.... и его минуй.... слышишь?

— Слышу, сударь: оба дома̀ минуй....

— Минуешь оба дома, началъ я, — придетъ третій, такой высокой, да узкій....

— Тычкомъ, молвила Арина, — я вѣдь его знаю: видѣла, когда бывало пойдешь провѣдать Агаѳью, кумы-то моей Анисьи дочь, вотъ что....

— Знаю, знаю, перебилъ я ее, — вотъ придетъ домъ что̀, какъ ты говоришь, тычкомъ... Тамъ живетъ барышня....

— Барышня, повторила Арина.

— Звать ее Өедосья Анисимовна....

— Өедосья Анисимовна, продолжала повторять Арина.

— У ней въ услуженіи старуха....

— У ней старуха, вторила Арина.

— А какъ ее зовутъ, не знаю....

— Какъ зовутъ, не знаете? спросила Арина.

— Скажи ты этой старухѣ: я, молъ, за барышней. Слышишь?

— Слышу, сударь.

— А барышня ужь тамъ знаетъ.

— Знаетъ, повторила Арина.

— Возьми ты ея вещи, уложи, все какъ слѣдуетъ, да съ барышней и пріѣзжай сюда.

— Сюда? молвила Арина.

— Да, отвѣчалъ я. — Поѣдешь ты въ каретѣ....

— Въ каретѣ, повторила Арина.

— А мужъ твой кучеромъ....

— Что жь? ему можно завсегда предпочесть меня.... Я за него шла-то не отъ сохи, а изъ господскаго, сударь, дома. Съ бабушкой вашей покойной, дай Богъ ей царствіе небесное, тоже въ каретахъ ѣзжала, не хуже другихъ прочихъ. Тожебыла не изъ послѣднихъ. Бывало, отъ лакейства одного отбою нѣтъ, не то что отъ господъ. Да вотъ по глупости своей всѣми презрѣла, пошла за навозную кучу, прости Господи грѣха! такъ какъ же ему меня не предпочесть?

— Ну, хорошо, пусть онъ тебя предпочитаетъ, только ты сдѣлай что̀ я говорю.

— Будьте безъ сумленія, отвѣчала Арина, — въ акуратѣ представлю вашей милости.

— Только смотри тамъ не болтай много, не хорошо; барыня пожалуй узнаетъ.

— Сережинская-то? спросила Арина. — Отъ этой развѣ что̀ утаишь? Ей Парашка, что̀ въ плясуньяхъ, прости Господи грѣха, всѣ резонты представляетъ.

— Ты почемъ знаешь? спросилъ я.

— Кому же и знать, сударь, если не намъ? На то у насъ тамъ сродственники. Дворня тоже у нихъ большая, тоже промежь себя разговоры имѣютъ: такъ какъ же намъ не знать.

— Ты пожалуй знай, да только не болтай. Знаешь пословицу: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами?

— Оно такъ, сударь, сказала Арина, — да вѣдь и то сказать: хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.

— И то правда, замѣтилъ я. — Ну, ступай же въ Сережино, я на тебя надѣюсь.

— Ужь будьте, сударь, безъ сумленія, сказала Арина и съ поклономъ вышла.

Но я былъ въ сомнѣніи. Я боялся молвы, и хотя мнѣ приходили въ голову фразы въ родѣ слѣдующихъ: «пусть говорятъ, что̀ хотятъ, мнѣ какое дѣло»?... или, «стану я дорожить мнѣніемъ людей, которыхъ я не знаю, да и знать не хочу»; однако, все же я боялся молвы, по крайней мѣрѣ не могло быть мнѣ пріятно, что я сдѣлаюсь на время баснею уѣзда; но дѣлать было нечего, и я махнулъ рукой.

Въ назначенный день пріѣхала Ѳеша, опоздавъ нѣсколькими часами по причинѣ грязи. Надо было видѣть, съ какою радостью бѣгала она по дому, осматривая всѣ комнаты, пересаживаясь съ мѣста на мѣсто, смѣясь и плача какъ ребенокъ. То ходила она очень серіозно по залѣ, то вдругъ принималась бѣгать и кружиться, какъ бы пробуя силы и желая убѣдиться, дѣйствительно ли ей возвращена свобода. Однакожь я съ грустію замѣчалъ, что послѣ каждаго излишняго движенія, или долгой рѣчи, она съ трудомъ переводила дыханіе, и даже принуждена бывала сѣсть, и затѣмъ слѣдовалъ сухой, отрывистый кашель. Въ эти минуты лицо ея принимало страдальческое выраженіе и смуглыя ручки скрещались на груди. Неужели, думалъ я, предчувствіямъ бѣдной Ѳеши суждено сбыться? Мнѣ не хотѣлось убѣждаться въ дѣйствительности этой болѣзни, такъ безпощадной для юныхъ организмовъ, и чуть лишь Ѳеша снова нѣсколько оживлялась, я уже успокоивался.

Когда Ѳеша пріѣхала, я сидѣлъ на террасѣ, несмотря на дождливое время. Она весело вспорхнула ко мнѣ, и послѣ многихъ задушевныхъ словъ признательности, пожелала обѣжать садъ, примыкавшій къ дому.

— Пожалуй, сказалъ я, — только сыро, надѣнь калоши.

— Скажите, какія нѣжности! отвѣчала Ѳеша, — я безъ нихъ обойдусь.

— Намочишь ножки.

— Заодно ужь, сказала она, и пошла было съ лѣстницы.

— Какъ заодно? развѣ онѣ у тебя мокры?

— Да, съ утра!

— Какъ съ утра? вскрикнулъ я.

— Видите ли, я трусиха, боюсь очень на горахъ, да на мостахъ; грязно, карета раскатывается — просто ужасъ! Я вышла на мосту, а онъ мягкій такой, и попала въ лужу. Какъ же я смѣялась....

— Ножки-то такъ мокрыя и остались?

— Такъ и остались. Что жь было дѣлать-то?

— Поди же, перемѣни обувь, вели натереть ноги виномъ....

— Зачѣмъ баловаться! сказала смѣясь Ѳеша.

— Можешь простудиться.

— Ну что жь, простужусь, заболѣю, умру....

— Полно вздоръ говорить, тономъ ментора промолвилъ я.

— Кому по мнѣ плакать? на что я нужна? туда мнѣ и дорога!

— Ну полно же. Озябли ножки-то?

— Нѣтъ. Да стоитъ ли толковать? Если и озябли — согрѣются.

И съ этимъ словомъ Ѳеша пустилась стрѣлою по саду. Однакожь къ вечеру она казалась утомленную. Я показалъ ей новое ея мѣстопребываніе, отъ котораго она сначала пришла въ неописанный восторгъ, а потомъ снова впала въ какую-то апатію; два яркія пятна горѣли на ея щекахъ.

— Что̀ съ тобою? спросилъ я.

— Ничего, отвѣчала она, стараясь улыбнуться.

— Здорова ли ты?

— Какъ всегда, сказала она.

Я взялъ ее за руку. Рука пылала какъ въ огнѣ.

— Какъ горяча у тебя рука, замѣтилъ я.

— Всегда такъ къ вечеру.

Я внимательнѣе посмотрѣлъ на ея руку; окраины ладони были ярко розовыя.

«Скверно», подумалъ я, и сказалъ: — не жаръ ли это?

— Какой жаръ! сказала она, — мнѣ холодно, только руки горячи.

— Видишь, началъ я, — ты простудилась, намочила ноги. Напейся горячаго.... надо возбудить испарину.

— Ахъ, ужь она мнѣ и то надоѣла каждое утро!... А потомъ такая вдругъ слабость, продолжала Ѳеша, — а тамъ кашель....

— Все простуда.

— Нѣтъ, сказала она: — кашлянешь, больно... иногда, смотришь, кровь.

— Неужели кровь? вскрикнулъ я.

— Да, только рѣдко... я вѣдь знаю, что у меня чахотка.

— Вѣдь вотъ придумаетъ человѣкъ....

— У меня и матушка умерла въ чахоткѣ, и братъ старшій тоже: отчего же и мнѣ не быть въ чахоткѣ, да еще отъ этакой жизни?

Притворно посмѣявшись и по возможности успокоивъ Ѳешу, я пожелалъ ей доброй ночи и отдалъ ее съ рукъ на руки Аринѣ. На другой день Ѳеша чувствовала себя нехорошо, кашель былъ чаще и сильнѣе; но она не обратила

на это вниманія, весело прибѣжала ко мнѣ, нарядная и живая, болтала и смѣялась; но опять къ вечеру почувствовала себя хуже. Обѣдали мы вдвоемъ, и я замѣтилъ, что апетитъ у ней былъ прекрасный, надъ чѣмъ она сама очень трунила. Я приписалъ это вліянію свѣжаго воздуха, моціону и прогулкамъ. Такъ прошла недѣля, другая; Ѳеша все бодрилась, хотя минутами сильно страдала. Слѣдя за нею постоянно, я молча замѣчалъ перемѣну; она худѣла не по днямъ, а по часамъ; не блѣдны, а какъ-то прозрачны были ея щеки; зловѣщія пятна разгорались ярче и ярче, чудные глаза ея блистали изъ глубокихъ своихъ впадинъ, но какимъ-то неровнымъ огнемъ, какъ пламя догорѣвшей свѣчки, то ярко вспыхивая, то тускнѣя. Часто мнѣ приходило въ голову послать за докторомъ, тѣмъ болѣе, что молодой, недавно пріѣхавшій въ нашъ уѣздный городъ докторъ Адамъ Адамычъ пользовался уже порядочною репутаціею, но какъ сказать объ этомъ Ѳешѣ? Это затрудняло меня. Чтобы не пугать больной, я придумалъ представить ей доктора, какъ частнаго человѣка, какъ гостя, пріѣхавшаго навѣстить меня. И дѣйствительно, я послалъ за докторомъ, встрѣтилъ его на крыльцѣ и сообщилъ ему мою мысль. Молодой докторъ, оказавшійся весьма милымъ, образованнымъ и умнымъ Нѣмцемъ, согласился на мое предложеніе, и я представилъ его Ѳешѣ какъ знакомаго, что̀ ее очень смутило, тѣмъ болѣе, что она не была предувѣдомлена о его пріѣздѣ и не успѣла уйдти во флигель, куда обыкновенно убѣгала, чуть только кто-нибудь подъѣзжалъ къ дому. Послѣ минутнаго смущенія, Ѳеша оправилась,

разговоръ сдѣлался общимъ, и все пошло очень хорошо; докторъ уморительно говорилъ по-русски, что̀ очень смѣшило больную, и онъ могъ наблюдать надъ нею. Долго слѣдилъ докторъ за Ѳешей, и наконецъ очень ловко обиняками выпыталъ у ней все что̀ знать желалъ, вставляя между каждыхъ двухъ вопросовъ какой-нибудь анекдотъ или искаженную русскую фразу. Ѳеша, не подозрѣвая обмана, высказывала все, что̀ безвременно подкашивало ея существованіе.

Докторъ совѣтовалъ ей сидѣть въ коровникѣ, пить кобылье молоко и многое другое, но такимъ ломанымъ языкомъ, что Ѳеша не переставала смѣяться.

Къ вечеру ей по обыкновенію стало хуже. Когда мы остались одни, я спросилъ доктора:

— Ну что?

— У ней чахотка, отвѣчалъ онъ хладнокровно.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ?

— Это вѣрно.

— Но она можетъ прожить еще долго...

— Н.. н.. а! издалъ докторъ.

— Неужели въ вашей наукѣ нѣтъ такого средства, которое бы могло остановить развитіе болѣзни.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Можно поддерживать силы больной: вотъ и все! особенно въ чахоткахъ простудныхъ.

— А развѣ у ней простудная чахотка?

— Разумѣется.

— Теперь я припоминаю, сказалъ я, — двѣ недѣли тому назадъ она промочила ноги.

— Ну вотъ видите, отвѣчалъ онъ, — это усилило

только болѣзнь Она давно простудилась и давно больна.... А если она еще простудится, тогда капутъ.

— А если ее беречь, поить молокомъ, она можетъ жить?

— Н.. н.. н.. а!... опять тотъ же звукъ испустилъ докторъ, и мы разстались.

Я просилъ его хоть въ недѣлю разъ навѣщать больную. Между тѣмъ до меня доходили слухи, что по примѣру катящагося комка снѣгу и принимающаго огромные размѣры, повѣсть о пребываніи у меня Ѳеши переходила изъ устъ въ уста съ разными прибавленіями, не лишенными ядовитой желчи подъ личиной сердобольнаго сожалѣнія. Злые языки терзали меня и Ѳешу на части, надѣляя насъ разными эпитетами и придумывая объ насъ разныя небылицы. Одни говорили, что я увезъ какую-то дѣвушку, дочь бѣднаго дворянина, что обѣщалъ на ней жениться и не исполнилъ этого, что отецъ отъ этого сошелъ съ ума, а она сдѣлалась больна, и что даже докторъ ѣздитъ. Другіе утверждали, что Ѳеша — замужняя женщина, бросившая мужа и дѣтей, и промѣнявшая спокойную семейную жизнь на поэтическое затворничество. Тамъ утверждали, что она просто цыганка московскаго табора; въ другомъ мѣстѣ говорили за достовѣрное, что Ѳеша — Француженка знатной фамиліи. Всѣ впрочемъ прибавляли, что мы влюбились другъ въ друга въ Сережинѣ, что я увезъ ее оттуда, вслѣдствіе чего у меня произошелъ разрывъ съ корнетомъ Отлетаевымъ. Одна только Марья Ивановна Взморьева, пожилая вдова сосѣдка, мать переспѣлыхъ разрумяненыхъ дѣвъ, съ приличнымъ

негодованіемъ увѣряла всѣхъ, что я, человѣкъ свѣтскій и богатый, рѣшился тайно отъ семьи моей, обвѣнчаться съ какою-то *авантюристкой*, вмѣсто того чтобъ искать руки какой-нибудь благородной дѣвицы. Трезвонинъ же, пискунъ Трезвонинъ, увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что ему тяжело видѣть моральное паденіе людей. Всѣ эти толки доходили не только до меня, но и до Ѳеши, и я замѣчалъ, что ей было больно чувствовать себя причиною обвиненій, падавшихъ на мою беззащитную голову. Такъ прошелъ мѣсяцъ. Докторъ ѣздилъ каждую недѣлю. Ѳеша на моихъ глазахъ пила козье молоко и, казалось мнѣ, стало нѣсколько бодрѣе; но Нѣмецъ не переставалъ сомнительно отзываться о состояніи ея здоровья, и на всѣ мои вопросы отвѣчалъ многозвучнымъ: Н. н. н... а!...

Однажды, когда докторъ только-что уѣхалъ, а мы сидѣли съ Ѳешей въ гостиной, потому что вечера становились для нея слишкомъ холодны, она меня спросила:

— Что это, я не пойму: взаправду Адамъ Адамычъ докторъ, или только штуки строитъ?

— А что?

— Такъ, мнѣ бы хотѣлось знать. Только вы правду скажите...

Я былъ въ затрудненіи что̀ ей отвѣчать; однако разсудивъ, что рано или поздно нужно же будетъ сказать ей истину, отвѣчалъ:

— Оно, точно, докторъ, Ѳеша.

— Зачѣмъ же вы меня обманывали? спросила она.

— Видишь ли: теперь тебѣ гораздо лучше, а когда я

счелъ нужнымъ послать за докторомъ, ты была нездорова, я не хотѣлъ тебя тревожить, и вышло все къ лучшему. Онъ далъ тебѣ совѣтъ, посмотрѣлъ на тебя....

— Зачѣмъ же онъ теперь-то ѣздитъ, если мнѣ лучше....

— Для тебя же....

— Развѣ я такъ больна? спросила она.

— Нѣтъ, конечно....

— Неужто умирать надо? Неужто умирать, когда я только и жить-то начала какъ сюда переѣхала. Неужто скоро?...

— Э, Ѳеша! съ чего ты придумываешь такія вещи, право?

— Вы мнѣ лучше скажите....

— Что же я тебѣ скажу? жизнь наша въ волѣ Бога....

— Оно такъ, но вѣдь докторъ знаетъ. Онъ вамъ не говорилъ?

— Можетъ ли онъ сказать? и стану ли я спрашивать?

— Спросите. Я бы хотѣла знать.

— Ѳеша, ты только себя разстроиваешь.... Если намъ не открыта минута смерти, стало быть не надо и допытываться, на что?...

— На то, сказала Ѳеша, — чтобы уѣхать отсюда, скорѣй уѣхать въ Москву; тамъ покрайности у меня тятенька — похоронитъ. А здѣсь-то умирать — вамъ хлопотъ надѣлаешь. Отпустите меня въ Москву.

— Если докторъ позволитъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— И здѣсь хорошо, здѣсь очень хорошо! говорила Ѳеша, — а надо ѣхать. Вамъ можетъ надо здѣсь быть, по хозяй-

ству? Я бы съ Ариной могла уѣхать. И то сказать, можетъ-быть вамъ разсчетъ составитъ меня отправить-то? Я бы и здѣсь умерла, пожалуй, все равно, еще лучше, да надо покаяться, повиниться тятенькѣ. Онъ меня благословитъ передъ смертью-то. Покрайности я, умирая, увижу родное лице... А то, что я? чужая для всѣхъ!... всѣмъ больная-то въ тягость; васъ тоже по рукамъ, по ногамъ связала. Ишь что по сосѣдству-то мелютъ! А кабы знали да вѣдали, не то бы сказали! Да впрочемъ вотъ уѣдемъ, и забудутъ. А тамъ я выздоровлю.... вѣть не умирать же въ самомъ дѣлѣ съ этихъ поръ.... Иногда, вѣдь, что не придетъ на умъ, а какъ поразмыслишь, даже смѣшно: извѣстное дѣло, я больна, да не такъ же, чтобы вотъ возьми да въ гробъ клади. Поживемъ еще! Да?

— Ну, конечно! черезъ силу молвилъ я.

— Что жь такое, что чахотка? Вонъ у меня бабушка, тятенькина мать, до сихъ поръ въ чахоткѣ-то живетъ. Вотъ живетъ же. А вѣдь ея годы не съ моими сравнять. Ей вѣдь, люди говорятъ, за восьмой десятокъ перевалило. Ну, а мнѣ до нея далеко еще!

Ѳеша рѣзко засмѣялась, но этотъ смѣхъ больно отозвался въ моемъ сердцѣ. Мнѣ стало тяжело и невыносимо грустно. Когда черезъ недѣлю пріѣхалъ докторъ, и я сообщилъ ему необходимость ѣхать, онъ отвѣчалъ, что путешествіе нисколько не вредно, если только оно не слишкомъ быстро, или не сопряжено съ возможностью простуды. Ѳеша съ радостью узнала о докторскомъ позволеніи, и мы условились ѣхать въ Москву въ послѣднихъ числахъ августа,

тѣмъ болѣе, что уборка хлѣбовъ приходила къ концу, и я зналъ примѣрно, чего можно было ожидать отъ тогдашняго урожая и на что надѣяться. Я желалъ самъ, еще больше Ѳеши, уѣхать, не столько боясь осени, которой не терплю, сколько отвѣтственности за слабое созданье, брошенное случаемъ на мое попеченіе. Впрочемъ я съ удовольствіемъ замѣчалъ, что тѣ послѣднія капли, которыя прописалъ ей докторъ на дорогу, производили сильное дѣйствіе, видимо поддерживали ослабѣвшія силы Ѳеши и пробуждали въ ней засыпавшую энергію. Желаніе ли скорѣе увидать Москву, ея родину, или суматоха, слышавшаяся въ домѣ, какъ неизбѣжное слѣдствіе всякаго отъѣзда, возбуждала бодрость Ѳеши, только она суетилась, бѣгала изъ дому во флигель и обратно, укладывала свои вещи, дарила многія изъ нихъ Аринѣ и другимъ приближеннымъ къ ней дворовымъ женщинамъ, и безъ умолку забавляла меня своею простодушною болтовней. Я молча радовался этой перемѣнѣ, и грустное сомнѣніе смѣнялось уже надеждой. Однакожь я не былъ покоенъ вполнѣ: я съ ужасомъ помышлялъ о предстоящихъ встрѣчахъ Ѳеши съ отцомъ и графинею и боялся за послѣдствія, зная, какъ пагубны могутъ быть моральныя потрясенія для ея слабой и щедушной организаціи. Наканунѣ нашего отъѣзда, назначеннаго на другое утро, Ѳеша вошла въ мою комнату съ листомъ чистой бумаги, который положила передо мною.

— Какая я дура, сказала она, — что не училась! вотъ писать-то и не умѣю. А то, я бы написала на стѣнѣ во флигелѣ: здѣсь я была счастлива.

Меня тронули эти простыя, задушевныя слова.

— Впрочемъ, продолжала она, — я попробую. Послушайте, завтра мы уѣдемъ. И мнѣ ужь больше не бывать въ Подкосихинѣ.... чѣмъ же я могу благодарить васъ? Какую память оставлю? Вотъ я придумала: напишите мнѣ, пожалуста, только покрупнѣе, мое имя на этомъ листѣ.

— Изволь, сказалъ я, — написать твое имя?.... изволь....

— Просто напишите только: Ѳеша, и больше ничего....

Я взялъ карандашъ.

— Только крупнѣе пишите.

Я написалъ ея имя очень крупными буквами.

— Написали? вотъ миленькій! Ну дайте мнѣ этотъ листъ.

Я исполнилъ ея желаніе.

— И карандашикъ-то одолжите....

Она взяла карандашъ, придвинулась къ столу и начала очень медленно срисовывать на томъ же листѣ свое имя, написанное мною. Сначала дѣло не ладилось. Одна буква была выше другой, третья ложилась косо, четвертая криво.

— Ишь какъ дурно! замѣчала Ѳеша. — Не хорошо вѣдь? спрашивала она меня послѣ нѣсколькихъ не удавшихся попытокъ. — Вотъ теперь никакъ лучше! разсуждала она, продолжая копировать четыре завѣтныя буквы.

Наконецъ, исписавъ весь листъ, Ѳеша набила руку и могла четко и ровно вывести свое имя.

— Порядочно? спросила она меня.

— Очень хорошо, отвѣчалъ я, и Ѳеша казалась весьма довольною.

Мы вышли въ столовую, гдѣ напившись чаю, я предложилъ Ѳешѣ успокоиться и раньше лечь для того, чтобъ раньше встать, а когда она ушла, я занялся съ бурмистромъ, которому долго читалъ отеческія наставленія. Наконецъ, отдавъ послѣднія приказанія, я снова вошелъ въ кабинетъ, служившій также и спальнею. Когда я легъ на диванъ, замѣнявшій мнѣ постель, я прочелъ на стѣнѣ крупно, четко и рѣзко написанное имя Ѳеши. Простившись со мною, она должно-быть другимъ ходомъ прошла въ мою комнату и оставила въ ней свое имя, какъ вѣчное, неизгладимое воспоминаніе, какъ скромную, деликатную и нѣмую признательность за то, что̀ я для нея сдѣлалъ и что̀ въ самомъ-то дѣлѣ было исполненіемъ самой простой обязанности каждаго порядочнаго человѣка помочь ближнему. Правда, этотъ ближній была дѣвушка, и дѣвушка хорошенькая; но я всетаки не чувствовалъ къ ней ничего похожаго на любовь, потому ли, что разность воспитанія слишкомъ была мнѣ ощутительна, потому ли, по другому ли, только я не любилъ ея, хотя сильно сочувствовалъ ея положенію.

Когда мы на другое утро сѣли въ карету, окруженную провожавшею насъ дворней, Ѳеша залилась горькими слезами.

— Отчего это мнѣ такъ грустно? сказала она: — точно я на смерть ѣду!

Карета тронулась. Ѳеша зарыдала.

— Прощай Подкосихино! прощай навѣкъ! прощай мое счастье! повторяла она сквозь душившія ее слезы.

Я старался всячески успокоить ее, но она не слушала никакихъ увѣщаній и продолжала горько плакать. Долго плакала она, наконецъ новые предметы, смѣнявшіе другъ друга, стали занимать ея вниманіе.

— Это чья деревня? спрашивала она. — Ахъ какой большой домъ! А все не то, что̀ въ Подкосихинѣ! Это чье имѣніе? продолжала она спрашивать, пока однообразная качка экипажа не утомила слабаго ея тѣла, и она не заснула. Мы ѣхали тише обыкновеннаго, останавливаясь на ночлегъ, нарочно для того, чтобы не вовсе истощить измученную грудь Ѳеши; но благодаря прекрасной дорогѣ и яснымъ днямъ, на четвертыя сутки пріѣхали въ Москву.

Въѣхавъ въ заставу, я взялъ извощика и отправился въ гостинницу, предварительно приказавъ Кузьмѣ проводить Ѳешу въ одинъ изъ тѣхъ огромныхъ домовъ, гдѣ каждый эташъ, раздѣленный на нумера, содержится какою-нибудь мадамой, отдающею меблированную комнату, разгороженную на три неровныя части, отъ двадцати до пятидесяти рублей серебромъ въ мѣсяцъ, со столомъ. Еще на послѣдней станціи отдалъ я Ѳешѣ ея деньги, которыя были у меня на сохраненіи. На другой день поутру, я отправился въ домъ тетушки, гдѣ узналъ отъ швейцара, что она на дачѣ, и съ этою вѣстью явился въ нумеръ Ѳеши, которая встрѣтила меня очень весело. Мнѣ казалось, ей лучше.

— Ну, какъ твое здоровье? спросилъ я.

— Старая пѣсня! отвѣчала она. — Стоитъ ли говорить? все то же потому же. Видно, весь вѣкъ придется маяться.

— Хорошо ли тебѣ здѣсь?

— Ничего.

— Какъ ночь провела?

— Кашляла.

— Это нехорошо. И точно тебѣ здѣсь покойно? продолжалъ я спрашивать.

— Право ничего. Особенно на время....

— Ну Ѳеша, началъ я: — я узналъ, тетушка на дачѣ.

— Скажите! всегда бывало въ это время и переѣдемъ, какъ переѣдемъ.

— Надо намъ къ ней съѣздить.... продолжалъ я.

— Надо-то, надо.... только страшно.

— Ну, что дѣлать! сегодня вечеромъ я за тобой заѣду....

— Такъ скоро? спросила она.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, замѣтилъ я. — У ней тебѣ будетъ покойнѣе.

— А какъ въ избу сошлетъ?

— Можетъ ли быть?

— Кто ее знаетъ, каковъ часъ. Какъ мы пріѣдемъ, и она въ тотъ день или наканунѣ проиграла, ну, непремѣнно сошлетъ въ избу....

— Успокойся, Ѳеша, я ее уговорю, умаслю.

— Ишь вы какіе локкіе! сказала Ѳеша: — она и на васъ-то зла, она и васъ-то, пожалуй, протуритъ, чего добраго.

— Все равно, попробуемъ. Если протуритъ, такъ по крайней мѣрѣ будемъ знать что протурила....

— Знаете что? начала Ѳеша: — съѣздите вы прежде одни; тамъ мы и увидимъ, что̀ она скажетъ.

— Это только терять время. Я ужь себѣ составилъ планъ; только слушайся, хорошо будетъ.

— Я — пожалуй, если вы хотите. Мнѣ вѣдь все равно, поздно ли, рано ли, бѣды не миновать.... а все какъ-то страшно. Не лучше ли, знаете что̀....

— Что?

— Это я только такъ, къ примѣру.... вы не сердитесь.

— Да говори, что̀ такое:

— Не лучше ли намъ, то есть мнѣ-то, помимо графини, да прямо къ тятенькѣ, бухъ ему въ ноги, да и сказать ему: такъ и такъ, виновата я, окаянная, инда исчахла, вся я тутъ, дѣлай со мной что̀ хочешь!

— Что жь изъ этого будетъ?

— А будетъ, что я останусь здѣсь и буду себѣ жить сама по себѣ. Деньги же у меня есть.

— А когда выйдутъ? спросилъ я.

— У меня много денегъ! А бриліянты-то вы забыли? Продадимъ и закутимъ.

— Ну хорошо, а когда и эти деньги выйдутъ, настаивалъ я, — тогда что?

— Тогда? переспросила Ѳеша: — тогда продамъ платья. На что мнѣ это шелки-то? я къ нимъ не привыкла. Вещи кой-какія есть, шубу, все съ себя поспущу и дѣлу конецъ. За то поживу покойно, въ свое удовольствіе; щей горшокъ, да самъ большой. А тамъ, глядишь, и смерть подойдетъ. Тогда, милости просимъ. Теперь-то еще рано бы, ну а тогда....

Ѳеша махнула рукой.

Ты бредишь, Ѳеша, началъ я: — долженъ же я объяснить тетушкѣ все какъ было! И когда она у меня спроситъ о тебѣ, когда она узнаетъ, что ты въ Москвѣ, когда услышитъ, что Анисимъ былъ у тебя, или ты у него, что̀ я ей скажу на это, чѣмъ я оправдаю этотъ поступокъ? И наконецъ тетушка, и такъ уже предубѣжденная противъ тебя, ожидающая, можетъ-быть, одного твоего раскаянія, чтобъ забыть все прошлое, не должна ли она видѣть въ этомъ поступкѣ одну черную неблагодарность съ твоей стороны? А главное не забудь, что твой отецъ у ней.... Придетъ ли ей въ голову, что ты готова пожертвовать всею будущностью, готова лучше прожить послѣдніе гроши, продать послѣднія тряпки, умереть даже, чѣмъ показаться на глаза женщинѣ, на которую тебѣ взглянуть и совѣстно, и стыдно. Эту благородную черту могу понять я, потому что я знаю коротко твой характеръ, но не тетушка, которая никогда не задавала себѣ этой задачи. Она пойметъ иначе этотъ поступокъ, и ты сама послѣ будешь раскаиваться.

— Правда, правда, твердила Ѳеша: — ваша правда!...

— Впрочемъ, дѣлай какъ знаешь. Мое дѣло было сказать. Ты вольна располагать собою....

— Поѣду! сказала Ѳеша рѣшительно; — только видитъ Богъ, страшно!...

Холодный потъ смочилъ корни черныхъ волосъ ея, трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ.

— Сегодня въ восемь часовъ я за тобой заѣду, сказалъ я.

— Ну, была не была! молвила она: — заѣзжайте!...

— Жди же меня!

— Еще бы! только вотъ что̀! я не знаю, какъ мнѣ быть? у меня нѣтъ ни одного кисейнаго платья, все шелковыя, да такія богатыя! Какъ я въ этакомъ нарядѣ покажусь графинѣ-то? Ну, какъ платье-то мое вдругъ, да не въ примѣръ лучше ея будетъ? Пропала тогда моя головушка! Что̀ она подумаетъ?

— Одѣнься проще, какъ можно проще. Выбери платье потемнѣе, безъ отдѣлки, чтобъ не бросалось въ глаза....

— А шляпку-то надѣвать....

— Ну, ужь право я не знаю....

— Или просто платочкомъ накрыться?

— Ужь это какъ ты сама разсудишь.

— Ахъ ты Господи! Вотъ кажется лучше сквозь землю провалиться, чѣмъ туда ѣхать....

— Будь смѣлѣе, сказалъ я.

— И что̀ я ей скажу? и какъ я на нее взгляну? я и понять не могу.... О сю пору лихорадка треплетъ!

— Авось все пойдетъ какъ по маслу....

— Вы ужь за меня, миленькій вы мой, заступитесь въ ту пору-то, да хорошенько заступитесь....

— Все сдѣлаю, что̀ только могу, отвѣчалъ я, идя къ двери, — до свиданія!

— Ахъ какъ страшно, какъ страшно! твердила Ѳеша, провожая меня до двери: — вы не можете представить.

Я вышелъ въ корридоръ. На довольно большомъ пространствѣ отъ Ѳешиной двери до лѣстницы встрѣтился мнѣ высокій, стройный, черный господинъ въ венгеркѣ, съ усами, который все ходилъ взадъ и впередъ мимо отворен-

ныхъ въ нумера дверей, ища, вѣроятно, встрѣчи съ знакомымъ уже личикомъ какой-нибудь горничной, или даже самой госпожи. Фигура знакомая, подумалъ я, одинъ изъ безчисленныхъ искателей приключеній. Дальше съ шумомъ, громомъ и топотомъ юркнула мимо меня удалая дѣвица, съ густо накрахмаленными юбками, высоко взбитыми висками и папироской во рту. Удалая дѣвица нагло окинула меня взглядомъ, и дунувъ на кончикъ самодѣльной папироски, осыпала себя разлетѣвшимися далеко вокругъ нея искрами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, робко держась стѣнки и робко куря папироску, слѣдовалъ безбородый и вѣроятно влюбленный юноша, съ ярко запылавшимъ, при встрѣчѣ со мною, румянцемъ на дѣтскихъ, атласныхъ щечкахъ. На лѣстницѣ встрѣтилъ я другія неизбѣжныя въ этой публичной, *нумерной* жизни лица; лакея въ засаленномъ сюртукѣ, единственнаго слугу на все количество постояльцевъ, и разбитную горничную какой-нибудь не менѣе разбитной барыньки, стоявшихъ на одной изъ площадокъ, облокотясь на чугунныя перила, свѣся внизъ головы и по своему любезничая. Далѣе тяжелою поступью, гремя подковными сапожищами и грубымъ голосомъ ворча что-то себѣ подъ носъ, совершалъ, не въ первый можетъ-быть уже разъ, свое безплодное восхожденіе съ перваго на четвертый этажъ, счетомъ двѣсти слишкомъ ступеней, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, злосчастный извощикъ, напрасно отыскивающій сѣвшаго безъ торгу и пропавшаго безъ вѣсти сѣдока....

Побывавъ кой-гдѣ съ визитами, пообѣдавъ и отдохнувъ

дома, я снова пріѣхалъ въ нумера. Когда я вошелъ въ комнату Өеши, она давно уже ждала меня и была совсѣмъ одѣта. На ней было сѣренькое индѣйскаго кашимира платье съ небольшимъ воротникомъ въ родѣ кардиналки. Переднее полотнище, талія, отвороты рукавовъ и вся пелеринка были вышиты шелкомъ подъ цвѣтъ платья, недорогаго по матеріи, но купленнаго цѣною золота за превосходное шитье. Розовая лента на шеѣ и сѣренькая же прозрачная волосяная шляпка на розовомъ подбоѣ, украшенная только одною большаго розою, довершала простой, но изящный туалетъ Өеши. Она надѣвала блѣдно-розовыя перчатки, держа въ одной рукѣ простой батистовый платокъ съ набивною розовою же каемкою. Слабая, блѣдная, изнуренная болѣзнью, Өеша все еще была хороша въ этомъ нарядѣ, и будь я на мѣстѣ тетушки, я бы все простилъ хорошенькой дѣвочкѣ.

— Я готова, сказала Өеша, — платья проще не нашла, только вотъ шитье-то это...

— Авось съ рукъ сойдетъ! Поѣдемъ!

— Ахъ, боюсь!...

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ....

— Ну! что̀ будетъ, то будетъ!... ѣдемъ! сказала рѣшительно Өеша, и накинувъ на плечи бурнусъ, пошла къ двери.

Мы вышли въ коррпдоръ. Өеша заперла дверь своего нумера и положила ключъ въ карманъ. Мы отправились. Встрѣчавшіяся намъ лица оглядывали насъ съ ногъ до головы и весьма подозрительно улыбались. Въ дверяхъ швейцаръ съ чѣмъ-то поздравилъ меня. Өеша, сѣвъ въ карету, на-

силу могла перевести духъ, оттого что, не смотря на всѣ мои замѣчанія, черезъ всю лѣстницу пропрыгала съ ступеньки на ступеньку.

— Вотъ видишь, сказалъ я ей, — что ты съ собою дѣлаешь! какъ хорошо не слушаться....

— Это я не оттого.... я сама знаю, что̀ дѣлаю.... мнѣ такъ страшно.... сердце точно тисками схватило.... а въ груди-то что̀, лучше не говорить.

И дѣйствительно во всю дорогу Ѳеша была въ кокомъ-то раздраженномъ нервическомъ состояніи: то прижималась она плотно въ уголъ кареты, какъ бы желая согрѣться, то распахивала бурнусъ и высовывала голову въ окно, чтобы какъ будто освѣжить пылавшія щеки. Отрывистыя фразы, часто лишенныя всякаго почти смысла, пересыпала она не натуральнымъ, нервическимъ смѣхомъ, который смѣняла нѣсколькими слезинками, и наоборотъ.

— Куда онъ такъ опѣшитъ, этотъ кучеръ? говорила она: — еще успѣемъ пріѣхать. Велите ему ѣхать тише.

Когда же онъ сдерживалъ нѣсколько лошадей, чтобы дать вздохнуть измученной парѣ, Ѳеша замѣчала, что мы ѣдемъ слишкомъ тихо, и ужь ей казалось, что чѣмъ скорѣе настанетъ минута тяжелаго свиданія, тѣмъ лучше. Я съ своей стороны высказалъ всѣ фразы, употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ, и все-таки, какъ всегда бываетъ, нисколько не успокоилъ взволнованной дѣвушки.

— Никакъ ужь это паркъ? спросила она, когда мы, проѣхавъ гостинницу Яра, свернули съ шоссе направо. — Близко!...

Я остановилъ карету въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ тетушкиной дачи и сказалъ Ѳешѣ:

— Ну, посиди пока въ каретѣ, а я схожу къ тетушкѣ.

— А какъ же я-то? спросила она.

— Я все узнаю, какъ и что̀, отвѣчалъ я, — и если все кончится благополучно, я кликну кучера.

— Да какъ же я одна-то войду?

— Я тебя высажу около террассы.... тамъ увидимъ какъ сдѣлать, посиди только.

— Вы поскорѣе, кричала мнѣ вслѣдъ Ѳеша.

Я разсчелъ, что гораздо лучше застать тетушку врасплохъ, и потому не пошелъ въ ворота на парадное крыльцо, гдѣ лакеи, увидавъ меня, предупредили бы тетушку о моемъ пріѣздѣ, и она придумала бы предлогъ, чтобъ отказать мнѣ, а направился прямо къ калиткѣ, выходившей на шоссе. Я думалъ взойдти такимъ образомъ на террассу, и безъ доклада, какъ снѣгъ на голову, неожиданно предстать въ гостиной предъ изумленныя очи графини. Я нарочно оставилъ Ѳешу въ каретѣ, чтобъ, въ случаѣ отказа, избавить ее отъ убійственнаго неудовольствія лично снести его, какъ и многія другія униженія, которыхъ весьма естественно было ожидать при различіи въ положеніи этихъ двухъ женщинъ. Я отворилъ калитку и не безъ робости взошелъ на знакомую террассу. Гостиная и зала были ярко освѣщены, но ни въ той, ни въ другой комнатѣ не было никого. Въ кабинетѣ тетушки царствовалъ непроходимый мракъ. Тишина въ домѣ была удивительная. Я вошелъ въ залу очень тихо, чтобы не разбудить лакеевъ, по всей вѣроятности

дремавшихъ въ передней, и думалъ, куда бы могла дѣваться тетушка и почему ея нѣтъ въ гостиной. Мысль, что она уѣхала куда-нибудь на вечеръ мелькнула-было въ умѣ моемъ, но освѣщеніе комнатъ ясно доказывало присутствіе хозяйки. Прошло нѣсколько минутъ тревожнаго ожиданія; ничто не нарушало тишины; я сидѣлъ молча и неподвижно; вдругъ изъ кабинета показалась тетушка въ сѣромъ муаровомъ платьѣ, въ богатой бѣлой мантильѣ съ кружевами и такомъ же чепцѣ, украшенномъ пунцовыми маками. Тетушка была великолѣпна, и я заключилъ, что она вѣроятно ѣдетъ на вечеръ, и могъ бы безъ ошибки сказать къ кому. Тетушка подошла къ зеркалу поправить въ послѣдней разъ свои букли, и увидѣла въ немъ мою приближающуюся фигуру. Слабый крикъ изумленія вырвался изъ ея груди; она быстро оглянулась и навела лорнетъ въ мою сторону....

— Кто тамъ? спросила она, какъ будто не довѣряя ни глазамъ, ни стекламъ лорнета.

— Это я, ma tante, отвѣчалъ я расшаркиваясь.

— Извините, начала она, — я не имѣю удовольствія знать васъ и удивляюсь безпечности моихъ людей.

— Что вы имѣете удовольствія знать меня, это неоспоримая истина, сказалъ я: — что же касается до вашихъ людей, они нисколько не виноваты: я вошелъ черезъ террассу.

— C'est bravement, pour ne pas dire autrement, violer la consigne, сказала тетушка, пожимая плечами.

— Утопающій хватается за соломенку. Я долженъ былъ

употребить хитрость, чтобы имѣть возможность объясниться съ вами. Иначе вы бы не приняли меня.

— Конечно нѣтъ, послѣ того, что̀ вы сдѣлали....

— Пока я ничѣмъ, кромѣ чести, не могъ увѣрить васъ въ моей невинности, я сносилъ съ смиреніемъ мое изгнаніе; но когда, вооруженный доказательствами, я не боюсь болѣе никакихъ обвиненій, я желаю объясниться съ вами и тѣмъ самымъ доказать, какъ дорожу вашимъ расположеніемъ.

Эта фраза очень понравилась тетушкѣ, но она сумѣла скрыть улыбку удовольствія и сказала:

— Однакожь поступки ваши сильно противорѣчатъ словамъ....

— Напротивъ, быстро перебилъ я ее, — этотъ годъ изгнанія я употребилъ на то, чтобы отыскать Ѳешу.

— И что же?

— Я нашелъ ее.

— Ѳешу? быстро спросила тетушка, — вы нашли Ѳешу?... гдѣ же она? что же она?... Впрочемъ, продолжала она, мгновенно измѣняя тонъ, — поздравляю васъ съ находкой. Какое мнѣ до нея дѣло? что̀ можетъ быть общаго между мною и этой....

Тетушка не договорила и приняла строгое и даже презрительное выраженіе; но я пересталъ отчаиваться, вспоминая, что первый порывъ былъ въ пользу Ѳеши. Тетушка продолжала стоять, что̀ ей было очень тяжело, но что̀ она выдерживала для того только, чтобы не посадить меня. Я показывалъ видъ, что не замѣчаю этого маневра.

— Да, началъ я, — Ѳеша найдена. Но еслибъ вы только видѣли ее....

— Пожалуста не надѣйтесь....

— Вотъ какъ это было, началъ я снова. — Но это цѣлая исторія, вы устанете слушать ее стоя, сядемте, или сядьте вы, а я буду стоя разказывать, пока вы не сжалитесь....

— Какіе пустяки, сказала тетушка и вѣроятно бы покраснѣла, еслибы не была и безъ того румяна: — сядемъ и послушаемъ, надо быть снисходительною донельзя.

Мы сѣли, и я вкратцѣ разказалъ какимъ образомъ нашлась Ѳеша. Въ подтвержденіе моихъ словъ я показалъ ей письма Отлетаева.

— Отлетаевъ? какая водевильная фамилія замѣчала тетушка: — судя по вашему разказу, онъ человѣкъ не нашего круга. Провинціялъ! Я удивляюсь, какъ она, воспитанная въ моемъ домѣ, могла находить что-нибудь привлекательное въ такомъ человѣкѣ. Да что, пустая дѣвчонка!...

— Теперь вы сами видите, до какой степени вы были ко мнѣ несправедливы, когда основываясь на однихъ подозрѣніяхъ, обвиняли меня въ похищеніи Ѳеши. Теперь я оправдался, теперь все должно быть конечно. Иначе свѣтъ, непосвященный еще въ возникшія между нами отношенія, можетъ ихъ узнать или угадать, и тогда наши два имени, тѣсно связанныя, будутъ переходить изъ устъ въ уста, про насъ сочинятъ цѣлую исторію, съ разными прикрасами, что̀ конечно будетъ весьма непріятно. Этой исторіи придадутъ характеръ скандалезности: кандалезная исторія въ

вашемъ домѣ! неминуемо тѣнь отъ нея ляжетъ и на ваши добродѣтели, не говоря уже о моихъ добродѣтеляхъ. Меня конечно оправдаютъ, а васъ обвинятъ. Злые языки долго не умолкнутъ, и это будетъ просто невыносимо. Слѣдовательно, вамъ необходимо, для свѣта по крайней мѣрѣ необходимо, подать мнѣ руку примиренія, тѣмъ болѣе, что я такъ блистательно оправдался.... Не правда ли?

Тетушка, не совсѣмъ убѣжденная въ моей правотѣ, подала однако мнѣ руку и сказала:

— Нечего дѣлать. Съ тобой не сговоришь, надо быть снисходительною.

— Тетушка! сказалъ я торжественно: — я васъ прощаю!

— Шалунъ! отвѣчала она: — я была очень сердита, пока тебя не видала, но ты такъ умѣешь выпутаться изъ бѣды, что поневолѣ смѣешься твоей отвагѣ. Что значитъ молодость-то! прибавила она въ видѣ размышленія и продолжала: — я еще и теперь плохо вѣрю этой исторіи, но изъ уваженія, какъ ты говоришь къ мнѣнію свѣта и по родству, я закрываю глаза, лишь бы только эта исторія не разглашалась...

— Кому же говорить? спросилъ я: — вотъ развѣ Ѳеша можетъ сказать кому-нибудь, а этотъ кто-нибудь сообщитъ другому, другой — третьему, и пошло пошло....

— Но какъ же она смѣетъ?...

— Отчего же? съ намѣреніемъ спросилъ я.

— И къ тому жь она гдѣ-то тамъ, я не знаю....

— Нѣтъ она здѣсь! перебилъ я.

— Какъ здѣсь? гдѣ здѣсь? быстро спросила тетушка.

— Въ пяти шагахъ отсюда, сидитъ въ каретѣ и ждетъ только позволенія придти и выплакать у васъ прощеніе....

— Какая дерзость! Она надѣется на мое прощеніе? послѣ того, что она сдѣлала?

— А развѣ вашей добротѣ есть границы? Развѣ вашему великодушію есть границы? Развѣ вашей волѣ, когда вы захотите дѣлать добро, есть границы? спрашивалъ я. — Развѣ свѣтъ не знаетъ всѣхъ вашихъ добродѣтелей? Развѣ нищіе Москвы не благословляютъ вашей щедрости?...

— Vil flatteur! сказала тетушка, милостиво улыбаясь и принимая мою немножко утрированную лесть за звонкую монету.

— Почему же и бѣдной, больной, измученной Ѳешѣ, выкупившей свой необдуманный проступокъ столькими слезами, не надѣяться на ваше прощеніе?...

— А она больна? спросила тетушка.

— Очень, ее узнать нельзя.

— Что она такая же хорошенькая?...

— Измѣнилась, но хороша....

— Находили нѣкоторые небольшое сходство со мною....

— Разительное, тетушка! Да кажется, я самъ вамъ и говорилъ объ этомъ?...

— Нѣтъ, не ты!... находили въ глазахъ.

— Въ глазахъ-то именно я первый находилъ! говорилъ я, выбиваясь изъ силъ на пользу Ѳеши.

— Признаюсь, я бы желала ее видѣть....

— Неужели? крикнулъ я. — Сію минуту, я бѣгу, приведу Ѳешу, и побѣжалъ было къ двери....

— Постой! постой! — кричала въ свою очередь тетушка, — ты не далъ мнѣ договорить: я выразила желаніе видѣть ее гдѣ-нибудь, случайно, на гуляньѣ, въ окно... издали... не иначе....

Я приросъ къ мѣсту.

— Но чтобъ я приняла ее, ни за что! кончила тетушка весьма рѣшительнымъ тономъ.

Счастливая мысль пришла мнѣ въ голову.

— Вы не тронетесь ея безвыходнымъ положеніемъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, она не умѣла пользоваться моими благодѣяніями.

— Вы, бывши такъ долго для нея матерью, вы ее оттолкнете?...

— Развѣ она не оттолкнула меня, не промѣняла на какого-то господина?

— А кто ей предлагалъ Полосушкина? Кто держалъ дѣвочку взаперти, не позволяя никакого развлеченія, кромѣ удовольствія подавать мѣлки, да смачивать табакъ? Кто, развивъ въ ней вкусъ къ роскоши, не давалъ ей никогда ни гроша на ея собственные расходы? Кто изъ молоденькой, пылкой дѣвочки создалъ было холодную эгоистку, кто заставилъ ее бѣжать, довелъ до гибели. Вы!...

— Я? спросила пораженная тетушка. — Я? Ты съ ума сошелъ!

— Нѣтъ, я говорю правду. И эту правду можетъ узнать большой свѣтъ. И тогда что̀ онъ скажетъ! Онъ скажетъ: какъ? я думалъ, графиня такихъ строгихъ правилъ, я

думалъ, она воспитала дѣвочку какъ слѣдуетъ, если она уже взялась за ея воспитаніе, а не поверхностно. Стало быть она смотрѣла, на нее какъ на игрушку? стало-быть графиня, забывая въ ней умъ и сердце, держала ее при себѣ какъ собачонку? зачѣмъ же она ее губила? кто же виноватъ въ ея побѣгѣ, какъ не сама графиня? Вотъ что скажетъ свѣтъ. Хорошо это будетъ?

— Свѣтъ меня слишкомъ хорошо знаетъ, слишкомъ увѣренъ во мнѣ, и не будетъ раздѣлять странныхъ, обидныхъ и нелѣпыхъ обо мнѣ понятій моего племянника, говорила тетушка въ борьбѣ сама съ собой и пальцевъ съ кружевомъ.

— Племянникъ знаетъ хорошо, что это не такъ; да свѣтъ-то не племянникъ. И теперь, когда она узнаетъ, что спасенная Ѳеша, больная, измученная, съ раскаяніемъ въ душѣ, со слезами на глазахъ, дрожащею рукою постучалась снова въ дверь женщины, погубившей ее, и эта женщина холодно и гордо оттолкнула ее отъ себя и послала умирать на улицѣ, что̀ онъ на это скажетъ? Онъ скажетъ: какъ? графиня способна на такой поступокъ? графиня не хотѣла загладить небрежности воспитанія радушнымъ пріемомъ? гдѣ же всѣ прославленныя добродѣтели графини? гдѣ эта доброта, великодушіе, кротость, гдѣ же это все? какая же она послѣ этого христіянка? Вѣдь не разсчетъ же заставилъ ее оттолкнуть бѣдное дитя. А развѣ графиня скупа? спросятъ многіе, — мы не знали, мы не думали!... Нѣтъ, скажутъ, у ней нѣтъ сердца, всѣ эти добродѣтели — одна комедія, личина: вотъ что̀ скажетъ свѣтъ! И мнѣ право не такъ жаль Ѳеши, какъ васъ!

— Свѣтъ увѣренъ, сказала тетушка, — что она въ Петербургѣ.... гоститъ у родственницы....

— И вдругъ онъ узнаетъ, если вы ея не простите и бросите на произволъ судьбы, что это была выдумка! Что̀ онъ тогда скажетъ?

— Но кто смѣетъ разказывать? замѣтила она.

— Мало ли кто? Сама Ѳеша, не изъ желанія вамъ зла, а невольно, въ минуту грусти....

— Это было бы съ ея стороны самою черною неблагодарностью.

— Наконецъ люди...

— Не смѣютъ.

— Анисимъ!

— Не смѣетъ!

— Но онъ отецъ.

— Что̀ же мнѣ дѣлать?...

— Дозвольте мнѣ позвать Ѳешу.... Поручите дѣйствовать сердцу: что̀ оно вамъ внушитъ, то и дѣлайте.

— Мнѣ некогда, я ѣду на вечеръ....

— Тетушка! это ужасно. Бѣдная больная ждетъ цѣлый часъ въ каретѣ; вечера сыры, она можетъ простудиться, а малѣйшая простуда въ ея положеніи — смерть.

— Развѣ она такъ больна?

— Больше нежели вы думаете....

— Бѣдная!... нельзя ли ее къ отцу?

— Въ избу! съ ужасомъ вскрикнулъ я: — Ѳешу въ избу! Изнѣженную, избалованную, больную.... тетушка, пощадите?...

— Что̀ тебя заставляетъ такъ настаивать?...

— Состраданіе....

— А не любовь?...

— Я бы поклялся вамъ честью, но вы ужь ей разъ не повѣрили, а я не люблю напрасно расточать подобныя клятвы....

— Oh! chevalier sans peur et sans reproche! сказала тетушка....

— Я сбѣгаю за Ѳешей, быстро сказалъ я, пользуясь минутой.... — Вы молчите? идти? спросилъ я.

— Ну! вскрикнула тетушка, махнувъ рукой, а я какъ сумашедшій бросился на террассу и окликнулъ кучера. Карета подъѣхала къ калиткѣ.

— Выходи, сказалъ я Ѳешѣ, отворяя дверку....

— Какъ вы долго, ахъ какъ вы долго!... я измучилась, изстрадалась ...

— Ты прощена! шепталъ я ей, ведя ее на лѣстницу.

Между тѣмъ тетушка вышла въ залу. Ѳеша, только переступившая съ террассы, вскрикнула, сбросила бурнусъ на полъ, кинула шляпку на первый стулъ и, со всѣхъ ногъ бросившись къ графинѣ, упала на колѣни. Графиня казалась смущенною. Сначала она не знала, что̀ ей дѣлать; наконецъ она наклонилась, какъ бы съ намѣреніемъ поднять Ѳешу. Ѳеша быстро поднялась. Тетушка сдѣлаль шагъ назадъ, приняла строгій видъ и сказала:

— Я не узнаю тебя, Ѳеша! Взгляни-ка на меня.

Ѳеша подняла на нее большіе голубыя глаза свои и снова

опустила голову, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Гдѣ прежня, веселая, Ѳеша? продолжала тетушка, — передо мною тѣнь ея. Вотъ что̀ значитъ дурное поведеніе! Вотъ до чего доводитъ вѣтреность!

— Простите! шептала Ѳеша.

— Ты не стоишь моихъ милостей! говорила тетушка. — Ушла! бросила отца! меня бросила!

Ѳеша громко зарыдала.

— Благодари его, что онъ вырвалъ тебя изъ пропасти, сказала тетушка, указывая на меня.

Глаза Ѳеши отыскали меня въ углу залы.

— Благодари и за то, что я снова, изъ дружбы къ нему и по родству, снисходя на его просьбы, рѣшаюсь возвратить тебѣ если не прежнее мое расположеніе, котораго ты недостойна, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое участіе въ судьбѣ твоей. Точно ли ты чувствуешь вину свою?....

Ѳеша молча взглянула на графиню, и громкое рыданіе раздалось въ комнатѣ.

— Благодари Анатоля за тотъ пріютъ, который я тебѣ снова даю въ моемъ домѣ. Займи свою прежнюю комнату, но....

Тетушка смутилась и черезъ минуту продолжала тихимъ голосомъ, но очень скоро:

— Ты будешь выходить въ гостиную, только когда никого нѣтъ, или когда я позову тебя. Обѣдать также ты будешь въ своей комнатѣ. Экономкѣ и дѣвушкамъ ты скажешь, что вернулась, согласно моему желанію, изъ Петер-

бурга, куда ты не бѣжала, а только уѣхала, тоже съ моего вѣдома. Онѣ всѣ конечно знаютъ истину, но имъ велѣно не знать ея. Вотъ условія, на которыхъ я могу сносить твое пребываніе въ моемъ домѣ. Повторяю тебѣ, что я и на это соглашаюсь только въ память прежней моей привязанности къ тебѣ, и изъ уваженія къ просьбѣ моего племянника, котораго я оскорбила неосновательнымъ подозрѣніемъ.... Вотъ все! кончила тетушка, какъ бы желая этимъ сказать: насилу я отдѣлалась.

Ѳеша бросилась цѣловать ея руку, чему она не препятствовала.

— J'en ai assez! il faut en finir, сказала тетушка, и обратилась къ Ѳешѣ, прибавя: — я ѣду, а ты безъ меня устройся въ своей комнатѣ. Гдѣ же твои вещи?

— Я пришлю ихъ завтра, сказалъ я.

Ѳеша молча подала мнѣ ключь.

— И прекрасно! ну, ступай пока въ свою комнату, до завтра....

Ѳеша, не смѣя сказать слова, подняла бурнусъ, взяла шляпку со стула, прошла мимо меня, взглянула мнѣ молча въ глаза и направилась къ двери въ корридоръ.

— Перемѣнилась, сказала тетушка, когда Ѳеша вышла, — подурнѣла, а мила.... Жаль ея.

— Она больна.... она не жилица.

— Неужели?... Вотъ что значитъ вѣтренность!...

— Однакожь прощайте, я васъ задерживаю....

— До свиданія....

— Благодарю васъ за себя и за Ѳешу....

— Знаешь, я не раскаиваюсь, что поддалась обольщенію твоего краснорѣчія и взяла ее опять къ себѣ. Сдѣлать доброе дѣло всегда пріятно, особенно такое доброе дѣло, котораго никто не можетъ знать. Тайное благотвореніе! Свѣтъ не узнаетъ этого поступка, иначе надобно было бы разсказывать все какъ было, а не придумывать отъѣзда въ Петербургъ. Теперь станутъ говорить, что Ѳеша вернулась ко мнѣ и больше ничего, не подозрѣвая, что̀ кроется въ этомъ простомъ событіи. Ну, Богъ съ ними. Я по крайней мѣрѣ рада, что сдѣлала доброе дѣло.

Я улыбнулся и вышелъ въ одно время съ нею въ переднюю. Мы разстались очень дружески. Тетушка поѣхала играть, а я домой, въ Москву. Что̀-то дѣлала Ѳеша въ это время, одна, въ своей комнатѣ, что̀ она чувствовала и каково ей было, пускай рѣшаетъ женское чувствительное сердце.

XII.

На другой день я отправился на квартиру Ѳеши и при себѣ отослалъ ея вещи съ Кузьмою на дачу.

На улицахъ было шумно; кареты шныряли по всѣмъ направленіямъ, встрѣчая и обгоняя одна другую. Вездѣ было замѣтна суета и движеніе. Но я ходилъ изъ улицы въ улицу съ поникшею головой, мнѣ было скучно. Нисколько не разсѣявшись прогулкой, я пришелъ домой и съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія Кузьмы, на котораго возложено было еще много другихъ порученій. Было уже поздно, когда онъ вернулся.

— Ну что? было первое мое слово.

— Свезъ-съ.

— Я не о томъ спрашиваю. Что Ѳеша?

— Ничего-съ. Слегла.

— Какъ слегла! вскрикнулъ я, — что это значитъ: слегла?

— То-есть онѣ нездоровы....

— Такъ бы ты и говорилъ! это я знаю, она давно нездорова, а то — слегла!...

— Да онѣ таки слегли...

— Что̀ ты это говоришь? крикнулъ я: — почемъ ты знаешь?...

— Анисимъ Сергѣичъ сказывали....кому лучше знать-съ?

— Что́ же онъ говорилъ?

— Въ ночь, говоритъ, слегла....

— Отчего?

— Вечеромъ, говоритъ, дрожь проняла. Дрожь да дрожь, да такъ и легли онѣ спать; ночью, говоритъ, жаръ показался, бредъ. За докторомъ сегодня посылали, за Иваномъ Иванычемъ.

— А Иванъ Иванычъ — извѣстный докторъ. Да былъ ли онъ? можетъ-быть занятъ....

— Сказываютъ, былъ-съ, отвѣчалъ Кузьма. Докторъ что̀! И докторъ не поможетъ, если Богу не угодно....

— Да ты это къ чему разсуждаешь-то? спросилъ я.

— Къ тому, сударь, что люди говорятъ — плохо-съ.

— Боже мой! вскрикнулъ я: — неужели умерла?...

— Нѣтъ-съ не умерла, а только врядъ ли встанетъ....

— Да говори ужь, умерла?...

— Ей, ей! нѣтъ! сказалъ Кузьма, — а только очень слабы, грудь всю отколотило, духъ инда насилу перевести могутъ....

— Это вчера она простудилась, сидя въ каретѣ! началъ я, — и надоумило же меня оставить ее.... не лучше ли было ввести ее хоть въ переднюю, и заставить подождать... Ахъ Боже мой!.. Боже мой! Да нѣтъ, не можетъ быть! Она молода! Натура довольно крѣпкая.... Я еще не теряю надежды....

— Больно кашель-то ихъ одолѣлъ-съ! замѣтилъ Кузьма.

— Поѣду я туда...

— Ночью-то? спросилъ Кузьма.

— Дѣйствительно не ловко! замѣтилъ я....

— Лучше извольте-ка вотъ чайку выкушать....

Тревожно провелъ я ночь. Когда я забывался на мгновеніе, мнѣ грезилась больная: я вздрагивалъ и просыпался. Снова забывшись, я видѣлъ Ѳешу, лежащую безъ движенія, съ лицомъ безжизненнымъ, съ закрытыми глазами, съ живою свѣжею розой на правомъ вискѣ, и снова проснувшись отъ волненія, я радовался пробужденію. И такъ прошла вся ночь! Мнѣ даже казалось, не въ бреду ли я самъ, не сдѣлалась ли и со мною горячка, когда вслѣдствіе тревожнаго сна я вслухъ произносилъ какую-нибудь фразу и самъ ея пугался. Веселое утро привѣтливо глядѣло въ окна, жизнь снова кипѣла на улицахъ, а я еще лежалъ въ постелѣ, надѣясь заснуть, но эта надежда оказалась неосуществимою. Вдругъ отворилась дверь, кто-то вошелъ и тихо спросилъ:

— Здѣсь изволитъ стоять Анатолій Петровичъ?

Кузьма пошелъ навстрѣчу пришедшему. Голосъ показался мнѣ знакомымъ, я быстро накинулъ халатъ, и вставая крикнулъ:

— Кто тамъ?

— Это я-съ, отвѣчалъ голосъ, — отъ ея сіятельства.

— Войди.... кто это?... Анисимъ! крикнулъ я, когда онъ показался въ дверяхъ комнаты. — Ну что? что Ѳеша?...

Старикъ махнулъ рукой. Я остолбенѣлъ и долго не могъ выговорить слова, боясь въ этомъ жестѣ понять, что все уже было конечно.

— Больна она? наконецъ вымолвилъ я.

— Больна-съ, отвѣчалъ старикъ.

У меня отлегло отъ сердца.

— Умираетъ, злодѣйка! прибавилъ Анисимъ, и двѣ слезы потекли по его морщинамъ.

— Да отчего же? третьяго дня еще она была не такъ опасна.

— Простудилась, что ли, говорилъ Анисимъ, — или такъ ужь часъ воли Божіей насталъ, только она, батюшка, не жилица на этомъ свѣтѣ....

— Что же она, лежитъ?

— Какъ словно пластъ какой. Ночью это съ ней приключилось: жаръ, бредъ кашель, грудь заложило, дальше да больше: видно ужь это смертная. Иванъ Иванычъ быть изволили, и сами такъ вотъ головкой покачали, да что-то по-французски сказать изволили, такъ, то-есть, словно какъ самому себѣ.... Нѣтъ, батюшка, ужь я вижу по всему: плохо дѣло!...

— Авось, Богъ дастъ, поправится....

— Конечно! Богъ не безъ милости! Развѣ что сжа-

лится надъ стариковскими слезами! А возметъ, — Его святая воля! И за то слава тебѣ Господи!...

Старикъ горько заплакалъ. Эти слезы горячо падали мнѣ на сердце.

— А что тетушка? спросилъ я, чтобъ постороннимъ вопросомъ хотя нѣсколько разсѣять грусть старика.

— Ахъ я старый! началъ онъ: — разрюмился словно баба какая, а дѣло-то и забылъ: къ вамъ отъ ихъ сіятельства писулечька есть.

Старикъ бережно вынулъ изъ боковаго кармана пестрый клѣтчатый бумажный платокъ и, развернувъ его, нашелъ записку завернутую, кромѣ того, еще въ особую бумажку.

— Извините, батюшка, сказалъ онъ, подавая мнѣ простой не запечатаной лоскутокъ бумажки.

Я взялъ бумажку и прочелъ: «Venez me voir, mon ami, mais vite!»

— Тетушка зоветъ меня къ себѣ, и какъ можно скорѣе.... Скажи ей, что я сію минуту пріѣду. Кузьма! одѣваться! крикнулъ я. — Да какъ это она тебя вздумала прислать съ запиской? Неужели нѣтъ никого помоложе? Тревожить тебя, особенно когда Ѳеша такъ нездорова....

— Что за тревога, батюшка? Наше дѣло служить госпожѣ. Я же и безъ того въ городъ ѣхалъ за покупками, такъ оно и кстати пришлось. Прощенія просимъ съ, сказалъ онъ, идя къ двери.

— Анисимъ! постой-ка минутку....

Анисимъ вернулся.

— У меня хранятся вещи Ѳеши, началъ я....

— Слышу-съ.

— Она отдала мнѣ ихъ на сохраненіе тогда еще, прошлымъ лѣтомъ. Возми ты ихъ....

— Ну ихъ къ Богу! сказалъ Анисимъ: — до нихъ ли мнѣ теперича.

— Я бы не сталъ и говорить объ этомъ, еслибъ это были бездѣлицы, а то вещи-то цѣнныя, брилліянты.... вотъ они.

Я вынулъ футляръ изъ шкатулки, и открывъ его, показалъ Анисиму.

— Откуда жь у ней, у бездомной, такія камушки очутились? спросилъ онъ.

— Подарены этимъ господиномъ.

— Господиномъ? перепросилъ онъ. — Значитъ, онъ господинъ! Взаправду господинъ?

— Какже! Отлетаевъ....

— Какъ вы изволили сказать?

— Отлетаевъ....

— Отлетаевъ! повторилъ Анисимъ. — Фамилія не такъ сказать, чтобы изъ лучшихъ. И какой онъ баринъ, коли на нашу дочь польстился, да добро бы еще какъ ни на естч пристроилъ, а то наругался, прахъ его возьми, извелъ дѣвку хуже не знаю чего, погубилъ — вонъ зачахла, почитай что и умираетъ — да такъ и отпустилъ! Какой онъ, сударь, баринъ! Я вѣдь это не изъ того говорю, чтобы хотѣлъ на интересъ его польститься, Богъ съ нимъ! Да мнѣ кажется, я бы не взялъ съ него чѣмъ онъ смотритъ, только бы онъ мою дочь-то не трогалъ! При немъ все его богатство, при немъ и камушки его пускай.

— Однакожь они стоятъ тысячъ двадцать....

— Неужто? спросилъ онъ удивленный.

— Навѣрное!

— Ну, да хорошо, двадцать тысячъ. А на что мнѣ двадцать тысячъ, коли Ѳеши-то не будетъ? Коли она не нынче, завтра, Богу душеньку отдастъ, на что мнѣ двадцать-то тысячъ? Все равно онѣ мнѣ что ничего. Я старъ, одинъ: что̀ мнѣ ихъ беречь, да трястись? вѣдь я не Полосушкинъ, прости Господи. Умру, все останется. На что мнѣ его двадцать тысячъ.

— Нельзя же и мнѣ держать у себя чужое добро. Ѳеша выздоровѣетъ, ей пригодятся.

— Пока она еще *дыхаетъ*, попридержите ихъ у себя-съ. А выздоровѣетъ если, тогда конечно пойдутъ ей же, глупой, на приданое. Тотъ же Полосушкинъ съ руками ее отниметъ. Вѣдь двадцать-то тысячъ на полу не поднимешь. Законъ приметъ съ Полосушкинымъ, али съ кѣмъ другимъ, охотниковъ-то не искать стать, и будетъ себѣ поживать. А если, Боже сохрани, она умретъ, ну, тогда эти деньги перешлите вы ему: такъ и такъ молъ, вотъ что, молъ, случилось, покойница, молъ, присылаетъ. Богатѣйте, молъ, да молитесь за душу грѣшной рабы Божіей Ѳедосьи!...

Старикъ замолчалъ.

— А не то, началъ я, — взялъ бы ты эти вещи, да продалъ...

— Что вы, батюшка, вскрикнулъ онъ, — чтобы я взялъ эти вещи! Да отсохни у меня лучше руки!.. Ишь ка-

мушки-то какія свѣтлые. Въ нихъ все словно какъ въ зеркалѣ.... все-то ея, дурочки, слезки въ нихъ свѣтятся! Да приди я съ этими вещами въ любую лавку, пожалуй еще за воришку сочтутъ. Откуда, скажутъ, у тебя, холопа, такія драгоцѣнности. Не повѣрятъ вѣдь, сударь, что не я воръ, а у меня украли дочь, не то что какіе ни на есть камушки, да вотъ этою лихою болѣстью, благо она ясно горитъ, и заплатили зз горе-то мое. Не повѣрятъ, что отцу можно за дочь заплатить камушками, да еще и безъ торгу, не спросясь, а такъ, молъ, что дадимъ, на томъ и будь доволенъ, да меня еще воромъ назовутъ. Нѣтъ, сударь, оставьте ихъ, сударь, у себя. Выздоровѣетъ Ѳеша — ея будутъ, а нѣту — ну ихъ въ омутъ! Прощенья просимъ-съ.

Сатарикъ поклонился и поспѣшно вышелъ. Я остался посреди комнаты съ раскрытымъ футляромъ въ рукѣ. Снова спрятавъ его до поры до времени въ шкатулку, я сталъ одѣваться. День былъ прекрасный. Сентябрьское солнце ярко смотрѣло на больную природу, какъ бы желая помочь ей въ зараждавшейся болѣзни; но красные листья пестрили уже собою свѣжую зелень. Въ залѣ и въ гостиной не было никого, когда я пріѣхалъ. На дворѣ стояла чья-то карета. Тетушка сидѣла въ своемъ кабинетѣ.

— Что̀ ты со мною сдѣлалъ? крикнула она мнѣ издали, какъ только завидѣла.

— Что такое? спросилъ я съ испугомъ.

— Привезъ ко мнѣ умирающую.

— Неужели Ѳеша такъ отчаянно больна?

— Безъ всякой надежды.

— Да кто же это говоритъ?

— Иванъ Иванычъ. Я принуждена была просить его пріѣхать, и представь себѣ, какъ любезенъ! бросилъ все и сейчасъ пріѣхалъ. Вчера былъ два раза, и нынче, ни свѣтъ, ни заря, нѣтъ еще двѣнадцати....

— Перваго сорокъ минутъ, сказалъ я.

— Ну вотъ, всего первый часъ, а ужь онъ у меня....

— Ну, что же? сросилъ я.

— Я не знаю.

— Развѣ вы тамъ не были?

— Боже меня избави! Она давно больна, у ней чахотка....

— Я это знаю, но съ этою болѣзнью можно еще жить....

— Невозможно! да кромѣ того у ней еще простудная болѣзнь....

— Горячка?

— Да какая еще! вскрикнула тетушка: — а ты еще спрашиваешь, была ли я тамъ. Я увѣрена, еслибъ я и захотѣла туда пойдти, ты меня не пустишь! Чахотка вѣдь заразительна ... а ужь горячка и подавно, да еще тифозная.

— Тифъ! крикнулъ я: — у Ѳеши тифъ?...

— Съ пятнами!...

— Ну, нѣтъ спасенія!

Отчаяніе должно-быть слышалось въ моемъ голосѣ, потому что когда я, закрывъ лицо руками, опустился въ кресла, тетушка сказала:

— Я понимаю твое волненіе: ты ужасаешься за меня? Но Богъ милостивъ. Тифъ прилипчивъ, но я приняла свои мѣры, я туда не вхожу, успокойся. Богъ видитъ, что я сдѣлала доброе дѣло, я приняла Ѳешу, простила ей все.... ну, что дѣлать?... Я перенесу все съ терпѣніемъ, всю эту суматоху въ домѣ, бѣготню, а главное страхъ: надо быть снисходительной. Я не люблю дѣлать благодѣянія вполовину, но не могу не признаться, что все это очень непріятно. Vous avez fait un hôspice de ma maison, mon ami.

— Тетушка! побойтесь Бога! сказалъ я. — Дайте ей оправиться.... неужели вы тяготитесь ея болѣзнію?...

— Признаюсь тебѣ, сказала она, — очень непріятно....

— Это ужасно! крикнулъ я: — погодите, докторъ спасетъ ее, и она снова станетъ забавлять васъ....

— Хорошо бы! А если она умретъ? Это можетъ подѣйствовать на мое здоровье; да ужь и теперешнее безпокойство мнѣ вредно, я боюсь за свои нервы. Пойми ты, что я не могу быть спокойна, пойми, что моя жизнь въ опасности.

— Э! Боже мой! чему быть того не миновать! сказалъ я, и думалъ: «да на что и нужна-то твоя жизнь?»...

— Легко тебѣ говорить! продолжала тетушка, — ты вотъ былъ, да и уѣхалъ, а я цѣлый день тутъ, всю ночь въ одномъ домѣ, подъ одною крышей съ умирающею тифозной. Я дышу почти однимъ съ ней воздухомъ.... это ужасно!... И все это отъ излишней доброты моей къ тебѣ.

— Ахъ, еслибъ я зналъ, что вы въ ней такъ скоро раскаетесь, вѣрьте я бы не утруждалъ васъ моимъ заступни-

чествомъ за бѣдную дѣвушку! еслибъ я зналъ, что у ней откроется эта страшная болѣзнь, я бы дождался ея выздоровленія и тогда бы только попытался снова помѣстить ее къ вамъ, какъ игрушку крѣпкую, не изломанную, способную забавлять изнѣженную прихоть барыни.

— Анатоль! ты говоришь со мною такимъ тономъ....

— Извините, перебилъ я ее: — я такъ пораженъ болѣзнію Ѳеши, такъ сочувствую ея положенію, а вы такъ равнодушны къ нему, что, конечно, мы не можемъ понимать другъ друга; я увлекаюсь, вы судите здраво, у меня говоритъ сердце, у васъ разсудокъ; наконецъ я молодъ, вы конечно.... еще разъ извините... старѣе меня; у меня голова трещитъ, мысли путаются, я самъ не помню, что̀ я говорю, и потому простите, если я говорю противъ приличій. Я, право, очень разстроенъ!...

— Это видно. Ты даже слишкомъ разстроенъ. Мнѣ кажется даже, что умри я сію минуту, ты бы не такъ принялъ это насчастіе къ сердцу, какъ болѣзнь этой дѣвчонки, моей воспитанницы — это правда, но все таки дочери лакея: объ ней можно пожалѣть, но слишкомъ огорчаться, какъ ты хочешь, не прилично!

— Да развѣ она не человѣкъ, не такое же существо какъ и мы съ вами?

— Благодарю васъ за сравненіе! Это мнѣ нравится.

— Развѣ у ней не такое сердце, какъ у насъ, если еще не лучше? развѣ можно быть равнодушнымъ къ ея страданіямъ, особенно зная ее такъ коротко, какъ я ее знаю?

— Я не знаю степени вашей короткости и не желаю знать; но если даже и такъ, тутъ-то и надо скрывать свои порывы изъ приличія, не компрометировать бѣдной дѣвушки даже на смертномъ одрѣ, а главное не компрометировать меня и домъ мой, если ужь она опять въ немъ, благодаря моей слабости и излишней добротѣ.

— Вѣдь мы одни, тетушка, глазъ на глазъ: неужели я могу васъ компрометировать?

— Я говорю, въ случаѣ, если бы мы были не одни. Иванъ Иванычъ можетъ войдти каждую минуту. Ты, пожалуй, и при немъ будешь выказывать такое же отчаяніе. Что̀ онъ подумаетъ о тебѣ и объ ней? А главное, что онъ можетъ подумать обо мнѣ?

— Неужели въ вашемъ домѣ нельзя выражать никакихъ чувствъ, ни тоски, ни сожалѣнія?...

— Умѣренно можно, а неумѣренно нельзя, потому что не прилично.... но тише.... идутъ....

Иванъ Иванычъ, почтенный старецъ, украшенный сѣдинами и звѣздами, просто и спокойно входилъ въ кабинетъ.

— Подавали вамъ уксусу? спросила его тетушка....

— Подавали, будьте спокойны, отвѣчалъ онъ.

Я почтительно ему поклонился.

— А, здравствуйте! сказалъ онъ, подавая мнѣ руку: — давно не видались! Я не спрашиваю, какъ ваше здоровье, а развѣ скажу: сколько здоровья! Какъ вы пополнѣли! вѣрно мало ходите, много кушаете. Моціонъ, моціонъ, вотъ что вамъ необходимо. Ну а вы какъ? обратился онъ къ графинѣ, — безпокоитесь?

— Признаюсь.... сказала тетушка.

— Примите капель лавровишневыхъ, — у васъ есть, — пятнадцать на полрюмки.... Труситъ, обратился онъ ко мнѣ, указывая на тетушку....

— Какъ вы, ваше превосходительство, находите больную?... сказалъ я, стараясь быть какъ можно любезнѣе съ докторомъ

— Плоха, очень плоха, отвѣчалъ онъ, потирая лобъ, — у ней сложная болѣзнь; она давно больна. Это петербургскій климатъ виноватъ; простудилась, прежде вѣроятно катарръ былъ; запустили; образовалась чахотка. Она вѣроятно не береглась, опять простудилась, болѣзнь усилилась, а тутъ вѣроятно на машинѣ еще простудилась.... открылась горячка.... она мнѣ говоритъ, что ее лѣчили въ деревнѣ! да это бредъ: вѣдь она была въ Петербургѣ?

— Да, у родственницы, сказала тетушка.

— Я это и приписалъ бреду. Я посмотрѣлъ рецепты.... Ну помилуйте, это не докторъ, а шарлатанъ какой-то.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ я....

— Да. И фамилія-то какая-то неизвѣстная. Изъ молодыхъ вѣрно?

— Да, молодой человѣкъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ и есть. У нихъ все крайности: или панъ, или пропалъ. Онъ ей давалъ, напримѣръ, капли; онѣ и хорошія капли, да средство-то отчаянное, слишкимъ сильное. Онѣ ее и подкрѣпляли повидимому, а въ сущности-то вредъ одинъ дѣлали. Она можетъ-быть и бодрилась, да бодрость-то эта была не нормальная.

— Теперь-то, по крайней мѣрѣ, есть ли какая-нибудь надежда? спросилъ я.

— Видите ли, началъ онъ, — у ней горячка тифозно-нервная. Она должно-быть была или огорчена чѣмъ-нибудь или взволнована.... Я вѣдь не знаю ея моральнаго состоянія, семейныхъ отношеній, сердечныхъ, можетъ-быть, тайнъ, я ничего не знаю.... но у ней нервная система потрясена....

— Нѣтъ, быстро сказала тетушка, — это такъ, ничего, молодое, пылкое воображеніе... Впрочемъ это дѣло постороннее... простуда главное дѣло....

— Однакожь, сказалъ я: — отъ доктора нельзя ничего скрывать. Жизнь этой дѣвушки, или, лучше сказать, послѣдній годъ ея жизни, цѣлый романъ....

— Вотъ молодые люди! вскрикнула тетушка, — во всемъ видятъ романы. Не вѣрьте ему; въ моемъ домѣ можетъ ли быть романъ? Дѣло все въ томъ, что я нашла ей жениха, который ей не нравился; я настаивала для ея же пользы, она не хотѣла: почему? я не знаю, любила ли она кого, это не мое дѣло. Она уѣхала въ Петербургъ, тамъ простудилась, занемогла, вернулась больная, вотъ и весь романъ.

— Да? сказалъ докторъ. — Ну, да какое намъ дѣло до моральнаго состоянія ея души. Видимо, что горячка тифозно-нервная. Жаръ, бредъ, словомъ болѣзнь развилась быстро; исходъ долженъ быть такой же. Завтра я скажу утвердительно. Впрочемъ, я не сказалъ бы этого ея близкимъ роднымъ, но, за неимѣніемъ ихъ, вамъ, какъ

людямъ посторонимъ и болѣе равнодушнымъ, я не солгу: я не имѣю никакой надежды. Конечно все зависитъ отъ Бога, но это будетъ чистѣйшее чудо. Если у ней есть родные, я вамъ совѣтую приготовить ихъ къ той мысли, что.... впрочемъ, что завтра будетъ....

Докторъ поднялъ стоявшую на полу шляпу.

— Вы ужь ѣдете? спросила тетушка.

— Я побываю еще вечеркомъ....

— Какіе вы добрые....

— Я готовъ, что только могу....

— А что мой пульсъ? троньте-ка мой пульсъ....

Докторъ пощупалъ пульсъ.

— Прекрасный, ровный.... сказалъ онъ.

— Вы меня успокоиваете....

— Прощайте покамѣсть....

— Могу я войдти къ больной? спросилъ я.

— Только осторожнѣе. Если она въ бреду, она васъ не узнаетъ, если же нѣтъ, то не испугайте ея.

— Нѣтъ, мнѣ только взглянуть....

— Да не будьте долго, замѣтилъ докторъ....

— Охота рисковать, сказала тетушка.

— А вы не ходите, обратился къ ней докторъ, выходя въ залу.

— Боже избави!...

Потихоньку вошелъ я въ коррйдоръ. Первая дверь направо вела въ комнату Ѳеши, очень просто и скудно убранную. У одной стѣны помѣщалась кроватка Ѳеши, заставленная невысокими ширмами. Круглое зеркало стояло

на столикѣ, въ простѣнкѣ помѣщалось другое. Въ углу передъ образомъ горѣла лампада. Когда я вошелъ, притаивъ дыханіе, и взглянулъ черезь ширмы, я увидѣлъ Ѳешу, лежавшую на постели съ закрытыми глазами. Она была въ бѣлой блузѣ; румянецъ ярко игралъ на ея щекахъ; руки, слабыя и изнеможенныя, были брошены вдоль гибкаго, но худаго стана. Длинные, черные волосы, выбившись изъ-подъ ночнаго чепчика, длинными прядями, точно змѣи, скользили по груди и плечамъ больной. Она поминутно поворачивала голову то въ одну, то въ другую сторону; спекшіяся огненныя губы, тревожимыя жаждой, то и дѣло открывались и зыкрывались.... она была въ забытьи. Странныя слова слышало временамъ н чаще всего слово *роза*. — «Моя роза! отняла! отдай... Итого будетъ три!... Отдайте розу.»

Ѳеша сдернула съ себя чепчикъ и густые черные волосы обдали ее своими струями....

— Гдѣ роза?... итого будетъ три! кричала больная и хотѣла спрыгнуть на полъ, но женщина, сидѣвшая поодаль, бросилась къ ней и удержала ее на постели.

Я не могъ болѣе выносить этой сцены и вышелъ въ залу. Тетушка, заслыша мои шаги, крикнула мнѣ изъ кабинета:

— Ради Бога, не входи ко мнѣ! прежде умой руки уксусомъ или выйдь на воздухъ.

Но я, вовсе не желая входить къ ней, въ свою очередь крикнулъ: извините!... я уѣзжаю.... и вышелъ въ переднюю.

Я уѣхалъ, но что̀ я чувствовалъ, того описывать не буду. Вечеромъ я послалъ узнать, какова Ѳеша. Я съ

радостью услышалъ, что жаръ нѣсколько уменьшился, что докторъ былъ, перемѣнилъ лѣкарство, и что Анисимъ не отходитъ отъ постели дочери, благо графиня сдѣлала милость и, уѣхавъ на карточный вечеръ къ княгинѣ Ахреяновой, изволила его оставить дома, а сама удовольствовалась другимъ лакеемъ. Всю ночь представлялась мнѣ Ѳеша и слышался ея тревожный бредъ. Мнѣ показалось страннымъ, что одно изъ самыхъ незначащихъ и отдаленныхъ событій нашего знакомства приходило въ настоящую минуту чаще другихъ, болѣе сильныхъ, въ ея горячую, пылающую голову, а именно: то время, если помнитъ читатель, когда до побѣга Ѳеши Отлетаевъ бросилъ ей букетъ на террассу; разорвавъ на части, она разбросала его по саду, сохранивъ только два цвѣтка, къ которымъ я изъ того же букета прибавилъ третій, и подавая ей сказалъ, »итого будетъ три». Этотъ цвѣтокъ была роза; эту розу она воткнула въ косу, что̀ послѣ постоянно дѣлала.... На другой день, ѣдучи на дачу, я запасся букетомъ розъ, думая угодить Ѳешѣ и привести ее тѣмъ въ сознаніе, но я ошибся. Она поняла, впрочемъ, что это были розы, перебрала ихъ всѣ до одной, каждую подносила къ виску, но не успѣвъ утвердить ихъ, сердилась, бросала, снова подносила къ виску, снова не успѣвала, мяла розы и рвала на части. Скоро она была вся покрыта лепестками общипанныхъ розъ... Такъ прошли еще три мучительные дня, прошли между страхомъ и надеждою. Я каждый день возилъ ей розы, и каждый разъ она, ощипавъ ихъ, требовала свою розу. Меня она не узнавала. Въ одно утро, пріѣхавъ по

обыкновенію на дачу, я засталъ доктора, онъ и на вопросъ мой отвѣчалъ, что она пришла въ себя, что мысли свѣтлы, но что это вовсе не есть признакъ выздоровленія; напротивъ, говорилъ онъ, этою минутой нужно пользоваться и приготовить ее къ переходу изъ здѣшней жизни въ лучшую. Впрочемъ, прибавилъ онъ, она сама просила послать за священникомъ. Скрѣпя сердце и глотая навернувшіяся слезы, я осторожно вошелъ въ комнату Ѳеши.... Она лежала на постелѣ совершенно тихо, глаза смотрѣли ясно и спокойно; она улыбалась. Услыша шорохъ, она спросила:

— Кто тутъ?...

Я приблизился.

— Вы? сказала она, протягивая мнѣ руку: — а я хотѣла.... спросить объ васъ ... и не смѣла....

— Я былъ здѣсь каждый день....

— Не знала, тихо отвѣчала она.

— Возилъ тебѣ розы.

— Розы? спросила она

Я подалъ ей букетъ изъ шляпы.... Она взяла его, посмотрѣла, понюхала и, положивъ возлѣ себя, сказала:

— Хорошо! годятся.... въ гробъ.... положить....

— Ѳеша, что за мысли!...

— Умираю.... чувствую.... конецъ пришелъ....

— Не говорите такъ много, вамъ вредно, замѣтила сидѣлка.

— Все равно.... въ послѣдній разъ.... сейчасъ придетъ отецъ Ефимъ.... тогда поздно будетъ.... мнѣ нужно говорить ... съ вами, съ разстановкой говорила Ѳеша, и,

указавъ на сидѣвшихъ женщинъ, прибавила: — подите.... оставьте.... скажите, когда придетъ....

Женщины встали и молча вышли. Я сталъ на колѣни у постели Ѳеши. Настала минута молчанія.

— Дайте мнѣ, сказала она, какъ бы собравшись съ силами, — лоскутокъ бумажки....

Видя ея слабость, я счелъ лучшимъ ни въ чемъ ей не противорѣчить и, вырвавъ поспѣшно изъ бумажника листикъ, подалъ его Ѳешѣ.

— И карандашъ, сказала она, и взявъ то и другое, приподнялась немного и дрожащею рукою, медленно, съ разстановкой, но ровно и четко написала: «Ѳеша», потомъ выронила карандашъ и опустилась на подушки.

— Устала, сказала она послѣ молчанія и, указывая на бумажку, прибавила: — возьмите....

— Это мнѣ?... Благодарю тебя....

— Нѣтъ.... у васъ.... есть.... тамъ.... не стирайте....

— Но кому же это?...

— Графинѣ. Скажите: благодарю....

Я спряталъ бумажку и сказалъ:

— Отдамъ непремѣнно, это ее тронетъ....

— Теперь, начала Ѳеша, — еще.... одно.... слово.... когда въ саду.... я говорила.... никого не люблю.... я.... любила.... послѣ.... я.... люблю.... теперь....

Она взяла меня за руку и сдѣлала знакъ, чтобъ я нагнулся.

— Еслибъ я не умирала, продолжала она, — я бы не сказала.... боялась бы обидѣть.... но.... мертвой.... все едино.... прощено....

Она перевела духъ, и кинула руки около моей шеи.... Я слышалъ ея слабое дыханіе....

— Я любила.... васъ.... я люблю.... тебя....

— Ѳеша!... сказалъ я, и слезы потекли изъ глазъ моихъ....

Она поцѣловала меня въ голову.

Женщина вошла въ комнату. Ѳеша вздрогнула и шепотомъ сказала:

— Теперь.... прощай.... не забывай....

Я не удерживалъ болѣе слезъ и плакалъ какъ ребенокъ.

— Пора.... подумать.... о душѣ, сказала Ѳеша и, взглянувъ на меня долгимъ взглядомъ, прибавила: — прощай.... иди!...

Я закрылъ лицо руками и вышелъ въ залу. Отецъ Ефимъ замѣнилъ меня. Мнѣ было совѣстно рыдать при тетушкѣ и докторѣ, которые были въ гостиной, и я, чтобъ скрыть отъ нихъ мое чувство, опрометью бросился на террассу, гдѣ не могъ оставаться, сбѣжалъ въ садъ и, пройдя одну аллею, опустился на первую скамейку. Тутъ только, въ эту тяжелую минуту, когда я терялъ Ѳешу навсегда, я понялъ какъ сильно и вмѣстѣ какъ безгрѣшно я любилъ ее. Да, я любилъ ее, не боюсь въ этомъ признаться, — я любилъ горничную со всѣми ея качествами и недостатками, я любилъ этотъ хорошенькій полевой цвѣтокъ, это простое, безыскусственное, рѣзвое дитя природы, какъ бы страннымъ это ни показалось читателю. Однакожъ какъ ни тяжело было мнѣ, я далъ себѣ слово скрыть мою грусть, превозмочь, побѣдить всякое

ея проявленіе, и казаться совершенно спокойнымъ. Здѣсь, одинъ среди природы, я могъ предаваться чувству: но тамъ на глазахъ тетушки и доктора, я долженъ былъ держать себя прилично обстоятельству. Тихо вошелъ я въ гостиную. Докторъ уѣхалъ. Тетушка сказала мнѣ:

— Ей хуже....

— Ушелъ отецъ Ефимъ? спросилъ я.

— Ушелъ. Слава Богу, что душа ея спасена, по крайней мѣрѣ.

— Ѳеша, сказалъ я, — поручила мнѣ передать вамъ вотъ этотъ листокъ.

Я вынулъ изъ кармана бумажку и подалъ ее графинѣ.

— Вели прежде окурить ее, сказала она.

— Я былъ съ нею на воздухѣ.

Тетушка взяла бумажку и прочла имя Ѳеши.

— Это она сама писала?

— Все, что̀ только умѣла, промолвилъ я....

— Какая трогательная черта! въ такой слабости, почти передъ самою кончиной, вспомнить обо мнѣ! Какъ эта дѣвочка, однакожь, меня любила!

— Однимъ своимъ именемъ, она хотѣла многое выразить: «скажите графинѣ», говорила она мнѣ, «благодарю».... вотъ ея слова....

Тетушка впитала нѣсколько слезинокъ въ платокъ, и бумажку положила въ альбомъ. Я вышелъ изъ гостиной, но шепотъ голосовъ, бѣготня въ корридорѣ, какое-то особенное движеніе, вселяли невольный во мнѣ ужасъ.... Я отворилъ дверь въ комнату Ѳеши.... она лежала безъ движенія,

сжавъ еще теплыми руками свѣжія розы. Анисимъ рыдалъ у ногъ ея. Двѣ женщины взяли его подъ руки, оттащили насильно отъ постели и вывели въ корридоръ.... Скрѣпя сердце, подошелъ я къ Ѳешѣ. Она была еще тепла, но души уже не было.... Пришедшія женщины попросили меня выйдти. Я поцѣловалъ Ѳешу, и вышелъ въ залу, гдѣ тетушка ходила въ волненіи и поминутно кричала: «Что же карету? Увезите.... я не могу жить съ покойницей!... что же карету?»

Черезъ минуту доложили, что карета готова.

— Я надѣюсь, обратилась тетушка ко мнѣ, — что ты меня не оставишь въ такомъ положеніи?... Пріѣзжай вечеркомъ. Дайте знать, обратилась она къ людямъ, — дайте знать княгинѣ Ахреяновой, какой со мною вышелъ случай. Да если пріѣдетъ Иванъ Ивановичъ, попросите его заѣхать ко мнѣ въ Москвѣ....

Съ этими словами тетушка уѣхала. Я, разумѣется, остался и имѣлъ твердость видѣть какъ Ѳешу, въ розовомъ платьѣ, съ распущенными волосами, безжизненную и холодную, положили въ залѣ на столѣ, и накрыли кускомъ прозрачной кисеи. Вскорѣ печальные звуки погребальнаго пѣнія раздались въ комнатѣ, заглушая безмолвныя рыданія старика Анисима. На третьи сутки мы проводили съ нимъ нарядный гробокъ Ѳеши, украшенный свѣжими розами, до Ваганькова кладбища. Тетушка прислала къ выносу свою парадную карету четверней, и вѣнокъ изъ иммортелей на крышку гроба. Когда его стали опускать въ могилу, Анисимъ плакалъ какъ ребенокъ. Усыпавъ свѣжую могилу

Ѳеши цвѣтами, я уѣхалъ. Всѣ присутствовавшіе тоже медленно разбрелись въ разныя стороны; только одинъ старикъ отецъ, въ ливрейномъ фракѣ, стоялъ еще на колѣнахъ у могилы дочери....

Вскорѣ я долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ; но еще до отъѣзда я успѣлъ реализировать брилліанты Ѳеши, и заставилъ Анисима принять вырученныя деньги.

XIII.

Прошли два года, проведенные мною въ Петербургѣ. Разъ какъ-то случилось мнѣ зайдти въ домикъ Петра Великаго, на Петербургской сторонѣ. Въ часовнѣ не было никого, кромѣ меня, отставнаго старика солдата, оправлявшаго свѣчи, замѣнявшаго обгорѣлыя и оплывшія новыми, и дамы, весьма скромно одѣтой, съ мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати, въ мундирѣ одного изъ кадетскихъ корпусовъ Петербурга. Дама стояла на колѣнахъ и очень усердно молилась. Я вышелъ было уже въ сѣни, когда дама, кончивъ молитву, послѣдовала моему примѣру, и я остановился, чтобъ дать ей дорогу. Дама подняла голову, и я узналъ, къ крайнему моему удивленію, блѣдное и задумчивое лицо Нины, окаймленное густыми взбитыми бѣлокурыми буклями....

— Надежда Васильевна! невольно вскрикнулъ я....

Она пристально взглянула на меня и сказала, подавая руку.

— Я бы васъ не узнала.... такъ вы пополнѣли....

— Давно ли въ Петербургѣ? спросилъ я.

— Съ полгода....

— Такъ давно? И я нигдѣ не встрѣтилъ васъ прежде!

— Я никуда не ѣзжу, ни гдѣ не бываю....

— Что же значитъ такое затворничество?

— Меня здѣсь никто не знаетъ, и я никого не знаю....

— А Сергѣй Васильевичъ здѣсь, въ Петербургѣ?

— Нѣтъ.. .

— Вы однѣ?

— Съ дѣтьми.

Съ этими словами мы вышли на улицу....

— Гдѣ же вашъ человѣкъ? спросилъ я оглядываясь.

— Со мной нѣтъ человѣка, я одна съ Васей. Saluez donc monsieur, — сказала она сыну, указывая на меня.

Мальчикъ поклонился.

— Est ce que vous vous souvenez de moi? спросилъ я его.

— Oui, отвѣчалъ онъ.

— Oui, monsieur, поправила его мать.

— Oui, monsieur, повторилъ мальчикъ.

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, обратился я къ Нинѣ, — кликнуть вашу карету.

— У меня нѣтъ кареты, я пѣшкомъ: впрочемъ я живу здѣсь близко.

— На Петербургской сторонѣ? вскрикнулъ я.

— Да? что дѣлать? Времена измѣнчивы. Я нанимаю

маленькій домикъ, въ шесть комнатъ, окнами въ паркъ. Здѣсь лѣтомъ воздухъ чище. Дѣти перейдутъ улицу — и въ саду, а это много значитъ для ихъ здоровья....

— Что же за фантазія такъ отдалиться отъ центра города?

— Не фантазія, а необходимость. Средствъ нѣтъ.

Нина грустно улыбнулась.

— Зайдите къ намъ, благо близко! потолкуемъ, вспомнимъ прошлое, сказала она мнѣ. — Особо я не зову васъ: зачѣмъ вамъ забираться въ нашу глушь, а кстати отчего не навѣстить старую знакомую.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ мою коляску.

— Merci.

Я махнулъ кучеру. Коляска подъѣхала. Я подалъ руку Нинѣ; она сѣла съ Васей.

— Чей домъ вы нанимаете?

— Садитесь, отвѣчала Нина, — усядемся втроемъ. Вася будетъ между нами. Не бойтесь меня компрометировать: меня никто ни знаетъ ни здѣсь, ни въ самомъ Петербургѣ.... садитесь....

Я сѣлъ подлѣ Васи, и мы отправились. У подъѣзда небольшаго домика, по указанію Нины, кучеръ мой остановилъ лошадей. Нина позвонила, и молодая горничная, въ которой я узналъ экс-актрису Машу, отперла намъ дверь. Пройдя узенькую стеклянную галлерейку, примыкавшую къ деревянному домику, вошли мы черезъ тѣсную, полутемную переднюю въ пріемную, или гостиную средней величины.

— Милости прошу, сказала мнѣ Нина: — не взыщите, здѣсь моя гостиная, кабинетъ, будуаръ, столовая, все что

хотите; рядомъ моя спальня, за нею комнаты дѣтей и гувернантки, только не прежней, а другой, дѣвичья, кухня, вотъ и все мое помѣщеніе.

Пока она снимала шляпку и отдавала ее Васѣ, который унесъ ее потомъ черезъ спальню дальше, я бросилъ бѣглый взглядъ на комнату. Чистота въ ней замѣняла роскошь; стѣны были оклеены дешевыми обоями, окна занавѣшены бѣлоснѣжною кисеей, диванъ и нѣсколько креселъ обиты пестрымъ глянцовитымъ ситцемъ. Мѣстами, на этажеркѣ надъ диваномъ, на подстольникѣ небольшаго зеркала, стояли тѣсною семьей предметы роскоши, вѣроятно самыя завѣтныя изъ игрушекъ Нины. Въ одномъ углу, на тумбѣ, помѣщались дорогіе бронзовые часы. Въ другомъ, на пюльпитрѣ, заставленномъ растеніями, красовался, въ богатой золотой рамѣ, привосходный портретъ корнета, только въ какомъ-то странномъ костюмѣ итальянскаго гондольера. На окнахъ стояли цвѣты, вырощенные и взлелѣянные заботливостью Нины. Диванъ былъ заслоненъ съ одной стороны трельяжемъ изъ простаго крашенаго дерева, по которому вился и нѣжился широко-лиственный плющъ, посылая свѣту свои влюбленныя въ него вѣтки. Нина сѣла на диванъ и указала мнѣ на кресло.

— Ну, какъ вы находите мою хижину?

— Вы въ ней хозяйка, отвѣчалъ я: — можетъ ли она быть не нарядна, не граціозна, не мила?...

— Кончили вы? спросила она меня: — какъ вамъ не стыдно говорить мнѣ комплименты? Я вѣдь не свѣтская женщина, я думала побесѣдовать съ вами какъ со старымъ

другомъ, а вы хотите превратить этотъ смиренный уголокъ въ будуаръ прежней Нины. Напрасно! я ужь не та изнѣженная, избалованная, лѣнивая Нина, я не та нарядная игрушка, которую берегли въ золоченой клѣткѣ, которою обыкновенно только любовались, а любили лишь изрѣдка, которую выставляли на показъ, какъ живую мебель въ домѣ, которою хвастались, какъ зимою хвастается гастрономъ горстью свѣжей земляники, — я не та слабая женщина, ослѣпляемая вспышками прежней страсти: я отжившая, поблекшая старуха....

Я засмѣялся.

— Я мать! кончила Нина очень серіозно, и я пересталъ смѣяться.

— Гдѣ же Сергѣй Васильевичъ?

— Въ Москвѣ. Мы разстались навсегда!

— Возможно ли! вскрикнулъ я, — вы разстались съ мужемъ?

— Я должна была это сдѣлать.... мы должны были разстаться.... у насъ.... Впрочемъ мы разстались дружески. Вася ему пишетъ.... мои дѣти уважаютъ въ немъ отца, я учу ихъ любить его....

— Кому же и учить ихъ если не вамъ? отвѣчалъ я: — вы сами умѣли любить его!

— Я люблю его и до сихъ поръ. Увѣрена, что и онъ меня любитъ, по своему, разумѣется....

— А живете розно? Вотъ чего я не понимаю.

— Я вамъ объясню это. Видно, пришлось выскакаться. Сережа въ нищетѣ.

— Возможно ли? Такъ вотъ причина!....

— Что я живу въ лачужкѣ, быстро перебила меня Нина, а не того, что я съ нимъ розно. Я бы съумѣла изъ любви къ мужу дѣлить съ нимъ бѣдность, какъ дѣлила роскошь и великолѣпіе; но когда Сережино, наше милое Сережино, было описано, продано съ аукціона, когда за уплатою Совѣту, оставшейся отъ продажи суммы не достало на покрытіе четвертой части долговъ, когда мебель, серебро, все что̀ было въ домѣ, описали, Сережа сталъ такъ мраченъ первое время, что вы не повѣрите: мы съ дѣтьми стали ему въ тягость. Онъ даже имѣлъ жестокость упрекать меня въ прежней моей бѣдности. Этотъ упрекъ разбилъ мое сердце; однакожь и я не молчала, и въ свою очередь высказала ему все, что̀ было у меня на душѣ. Надо вамъ замѣтить, продолжала Нина послѣ молчанія, — что давно, какъ-то въ день моихъ имянинъ, ему вздумалось подарить мнѣ вексель въ тридцать тысячъ рублей, подъ предлогомъ будто бы, что въ случаѣ, если онъ когда-нибудь все промотаетъ, будущность моя хотя нѣсколько будетъ обезпечена. Мы посмѣялись вдвоемъ этому предположенію, и я бросила куда-то въ ящикъ этотъ вексель, какъ ничтожную бумажку, которою совершенно не дорожила; но маменька, предубѣжденная противъ Сережи и страстно любившая дѣтей моихъ, не говоря уже обо мнѣ, припрятала вексель безъ моего вѣдома. Представьте же вы себѣ мое удивленіе, когда въ страшные дни нашего паденія, я узнала, что вексель мой поданъ ко взысканію, что я главная кредиторша моего мужа. Мнѣ выдали деньгами, и вотъ процентами съ этого капитала я содержу дѣтей. Я

забыла вамъ сказать, что маменька, мѣсяца за три до продажи нашего имѣнія, заставила меня подписать какую-то бумагу, которую я и подписала съ обычною моею лѣнью, не спрося даже что̀ подписывала. Оказалось, что это была довѣренность, данная мною маменькѣ, по которой она отъ моего имени и подала мой вексель ко взысканію. Можете себѣ представить, какъ этотъ поступокъ, упрочивающій будущность дѣтей моихъ, взбѣсилъ Сережу. Онъ видѣлъ въ немъ хитрость, тайное нѣмое мщеніе, онъ обвинялъ меня въ сообщничествѣ. Сначала онъ умолялъ меня отдать ему деньги, чтобы пустить ихъ въ оборотъ, взять подряды; потомъ когда я изъявила сомнѣніе на счетъ удачи предпріятія и выразила боязнь рисковать деньгами дѣтей, онъ осыпалъ меня упреками, называлъ меня женщиной безъ души и безъ сердца. И дѣйствительно: у меня нѣтъ ужь больше сердца, а какая-то вѣчная, не закрывающаяся рана. Маменька защищала меня отъ его нападокъ, Сережа горячился, я бросалась то къ нему, то къ ней; дѣти плакали; наконецъ эти сцены начинали превосходить вѣроятіе, утомлять всякое терпѣніе, и когда мы должны были очистить Сережино для ожидаемыхъ новыхъ владѣльцевъ, мы разъѣхались въ разныя стороны. Онъ остался въ Москвѣ, а я переѣхала сюда, гдѣ суровый климатъ сразилъ маменьку, успѣвшую до смерти устроить будущность дѣтей моихъ. Умирая, она сказала: «Нина! береги дѣтей. Я умираю покойно. У васъ есть кусокъ хлѣба».

Нина горько заплакала. Настала минута молчанія.

— Такъ вотъ вы отчего и въ траурѣ, замѣтилъ

я, — сколько событій въ два года! Я не приду въ себя.

— Да, сказала она, — я бы могла написать романъ, подъ названіемъ: Нина, или десять лѣтъ изъ жизни женщины, но, къ несчастію, меня станетъ только на одно заглавіе.

— Скажите мнѣ, началъ я, — если вы ужь были такъ добры, что почтили меня вашею откровенностью, скажите мнѣ, какую же жизнь ведетъ теперь Сергѣй Васильевичъ? Я воображаю, какъ труденъ для него быстрый переходъ отъ такого богатства къ весьма стѣсненному состоянію.

— Нѣтъ, онъ сдружился съ своимъ положеніемъ: при его веселомъ, безпечномъ характерѣ, это было вовсе и не трудно ему. Первое только время онъ былъ грустенъ, но и тутъ находилъ удовольствіе въ истребленіи всякихъ предметовъ для того только, чтобъ они не доставались новымъ владѣльцамъ: такъ онъ былъ на нихъ золъ, какъ будто они были виноваты въ томъ, что̀ онъ проживалъ, а они наживали. Напримѣръ у него былъ тарантасъ, въ которомъ онъ ѣзжалъ иногда на охоту. Тарантасъ этотъ стоилъ очень дорого: онъ вмѣщалъ въ себѣ складную мебель на три комнаты, огромное трюмо, шкафъ съ посудой отъ ликерной рюмки до суповой чашки, на шесть персонъ серебро, палатку, кухонную посуду. Пощадивъ мебель и шкафъ, онъ изрубилъ тарантасъ въ щепки.

— И это его забавляло?

— Должно-быть. Костюмы и декораціи сжегъ. Впрочемъ Сережа продалъ наскоро все, что̀ только можно было

успѣть продать, хотя и за безцѣнокъ. Вѣрно ужь онъ все и промоталъ... А что Ѳеша? быстро спросила она меня другимъ тономъ: — гдѣ Ѳеша?

— Умерла, грустно отвѣчалъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ? бѣдная! тоже въ нищетѣ быть-можетъ, на чужихъ рукахъ?

— Нѣтъ, въ томъ же домѣ, откуда была увезена въ Москвѣ.

— Оставилъ ей что-нибудь Сережа?

— Брилліянтовъ тысячъ на шесть; они долго хранились у меня, и я насилу могъ передать вырученныя за нихъ деньги отцу Ѳеши, который не хотѣлъ брать ихъ у меня.

— Что, она была хороша, Ѳеша? и не дождавшись отвѣта быстро продолжала: — я дала клятву не видаться съ моимъ мужемъ. Могу ли я допустить, чтобы Сережа, какъ бы я его ни любила, промоталъ послѣдніе гроши моихъ несчастныхъ малютокъ? нѣтъ, у меня не достанетъ духу вырвать изъ ихъ маленькихъ ручекъ послѣднюю корку хлѣба, отнять у нихъ и разсѣять по чужимъ угламъ послѣднія крошки, тщательно сбереженныя стараніемъ старушки-бабушки. Нѣтъ! я скорѣй умру, а не сдѣлаю этого. Я не промѣняю дѣтей на мужа. Я принесу имъ въ жертву разлуку съ мужемъ, какъ ни тяжка она. Что та женщина за мать, которая не умѣетъ пожертвовать собою въ пользу дѣтей своихъ.

Въ это время двѣ дѣвочки и Вася вбѣжали въ комнату. Дѣвочки мнѣ низко присѣли.

— Подите ко мнѣ, мои милые, сказала она дѣтямъ.

Вася сталъ между плющомъ и диваномъ; одна дѣвочка сѣла къ ней на колѣни, а другая стала подлѣ, обвивъ ручкой ея шею. Нина поцѣловала всѣхъ троихъ и обратясь ко мнѣ, сказала:

— Мои *жеремiады* вамъ надоѣли?

— Вы несправедливы. Въ нынѣшнее утро, я припоминаю нашу первую встрѣчу и то былое время....

— Я всегда рада, перебила меня Нина, встрѣтивъ когонибудь, кто зналъ меня прежде и кто напомнилъ бы мнѣ прошедшее. Иногда вечеромъ за чашкой чая, прервавъ чтенiе современныхъ повѣстей, мы перебираемъ въ памяти прошедшее, и какая составляется длинная и грустная повѣсть!..

— Кто же изъ тамошнихъ теперь здѣсь? кто же это *мы*?

— Я и князь Eugène Чернорижскiй.

— Онъ здѣсь?

— Только-что надѣлъ эполеты....

— Все такой же?

— Сталъ благоразумнѣе...

— Все также васъ любитъ?

— Меня? какая мысль! онъ такъ молодъ, а я старуха!.... Онъ можетъ любить меня только какъ терпѣливую слушательницу его сердечныхъ исторiй, а такихъ исторiй у него не мало....

— И часто онъ у васъ бываетъ?

— Когда не занятъ службой и устанетъ отъ баловъ. Прiѣзжайте и вы когда-нибудь вечеркомъ: я всегда дома....

— Непремѣнно, если позволите, сказалъ я кланяясь.

— Буду ждать васъ, до свиданія, молвила Нина, подавая мнѣ руку, и мы разстались.

Но мнѣ не суждено было воспользоваться приглашеніемъ Надежды Васильевны. По возвращеніи домой, я нашелъ у себя письмо, которымъ извѣщали меня о внезапной кончинѣ тетушки. Я поспѣшилъ въ Москву. Въ вагонѣ разговорился я съ однимъ пожилымъ господиномъ, очень любезнымъ, очень веселымъ, любившимъ похохотать и большимъ мастеромъ разказывать преуморительные анекдоты. Онъ сообщилъ между прочимъ, что живетъ постоянно съ семействомъ въ Москвѣ, усердно просилъ меня побывать у него и обѣщалъ свое содѣйствіе въ одномъ затруднившемъ меня дѣлѣ, о которомъ случайно зашла рѣчь въ разговорѣ. На карточкѣ, переданной мнѣ, я прочиталъ: Иванъ Дмитріевичъ Мольвининъ; на оборотѣ былъ напечатанъ адресъ.

Чрезъ нѣсколько дней я собрался навѣстить своего новаго знакомаго, Мольвининъ былъ дома. Меня провели въ его опрятный, но весьма не роскошный, установленный приличною мебелью кабинетъ. Входя, я услышалъ слова хозяина, адресованныя къ какому-то небольшому, черненькому, вертлявому человѣчку, бѣдно одѣтому въ поношенный сертучокъ, стоявшему ко мнѣ спиною, лицомъ къ хозяину, который говорилъ:

— Смотри же, купи непремѣнно и галстукъ и перчатки, а главное сапоги, а то и скверно и стыдно...

— Ужь я самъ вижу, что и стыдно и скверно! сказалъ черненькій господинъ и повернулся на каблукахъ.

Мы поздоровались съ хозяиномъ.

— Кого я вижу, *откудова пріятель?* крикнулъ черненькій господинъ, и я узналъ въ немъ корнета Отлетаева.

Онъ кинулся ко мнѣ на шею. Не скрою, я ощутилъ сильный букетъ рома и водки.

— Сколько лѣтъ не видались! говорилъ онъ. — Вотъ гора съ горой не столкнется, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда встрѣтится, изъ чего заключить можно, что не хорошо быть горой. А вы-то съ гору!

— Да, отвѣчалъ я, — что дѣлать, толстѣю!...

— Вы знаете моего пасынка? спросилъ меня хозяинъ.

Тутъ только вспомнилъ я разказъ исправника и кто такой былъ Мальвининъ.

— Какже отвѣчалъ я: — я былъ въ Сережинѣ.

— Сережино-то, тю-тю!..

Корнетъ свиснулъ.

— Знаю, грустно сказалъ я.

— Голъ, какъ соколъ! А кто вамъ сказалъ, что я рухнулся-то?

— Надежда Васильевна. Я ее видѣлъ въ Петербургѣ.

— Ей хорошо говорить! Она барыня. Ктобъ могъ ожидать? А все эта вѣдьма Аграфена Матвевна.

— Она умерла, сказалъ я.

— Не можетъ быть! Развѣ вѣдьмы умираютъ? Прикинулась... А что я постарѣлъ? спросилъ меня корнетъ.

— Нѣтъ, не нахожу...

— Что мнѣ дѣлается! Я живу припѣваючи, не унываю! глупо унывать, не правда ли? Я по крайней мѣрѣ могу сказать: пожилъ!

— И прожилъ! замѣтилъ хозяинъ, — представьте, обратился онъ ко мнѣ, — три тысячи душъ и десять тысячъ десятинъ земли въ одномъ мѣстѣ, да на милліонъ лѣсу ухнулъ, въ десять лѣтъ точно не бывало. Я бы изъ этого состоянія пріобрѣлъ въ десять лѣтъ еще столько же.

— А я пожилъ! Ужь такъ пожилъ, что ахти мнѣ!

— Ну, а теперь?

— Теперь живу на чердачкѣ: премиленькій чердачокъ! обѣдаю здѣсь, или гдѣ придется: это пріучаетъ желудокъ къ разнообразію; хожу пѣшкомъ, это очень полезно, и то хожу когда сапоги есть, а когда нѣтъ, дома шитыя туфли донашиваю. Деньги у меня не водятся. Вѣдь они у меня и тогда не водились. Бывало густо, бывало и пусто. Теперь точно то же. Дастъ вотъ ихъ милость (онъ указалъ на Мальвинина) или сестра пришлетъ, я ихъ тутъ же и ухну, а тамъ мѣсяцъ, два, нѣтъ ничего. За то веселье-то какое, цѣлый день пою. Оно понятно — съ голоду и голосъ чище, а какъ легко — чудо: ужъ такъ вотъ не растолстѣешь какъ вы. Наконецъ, эти вѣчныя прогулки — славно! Я изучаю Москву, я знаю всѣ переулки, знаю сколько домовъ въ каждомъ переулкѣ, знаю въ какомъ окнѣ какого дома хорошенькое личико, все я знаю. Я веду жизнь уличную, мнѣ бы только жить въ Парижѣ. Сколько горничныхъ я знаю! Ужасъ! Онѣ дамы моего теперешняго общества. Я имъ дѣлаю визиты пѣшкомъ, и онѣ ко мнѣ тоже пѣшкомъ. Бывало шаль за поцѣлуй, нынче фунтъ орѣховъ каленыхъ. Бывало брилліянты дѣло дѣлали, нынче пряники миндальные, стручки сахарные, коврижки голландскія, въ особенности

патока съ инбиремъ, клюква подснѣжная и многое другое. Оно и дешево и дѣйствительно. Въ сущности же одно и то же...

Хозяинъ хохоталъ во все горло и такъ увлекательно, что я тоже засмѣялся, а за мной и самъ корнетъ, поминутно вертѣвшійся и вскакивавшій съ мѣста, чтобъ походя, опять сѣсть на другое.

— Ну а что, скажите, какъ ваши дѣлишки? что Ѳеша?

— Она умерла.

— Неужто? вскрикнулъ корнетъ: — Ѳеша умерла! эта прелесть умерла? Давно ли? Когда? Отчего? Ѳеша умерла!

— У ней была чахотка, а тамъ тифъ, и въ шесть дней не стало.

— Гдѣ же, гдѣ?

— Въ паркѣ, въ домѣ тетушки.

— Гдѣ же схоронили этотъ цвѣточекъ?

— На Ваганьковомъ...

— Ахъ, Ѳеша! ахъ, дружокъ Ѳеша! Что за прелесть была! Ахъ, да нѣтъ, вы шутите? Неужто Ѳеша умерла?

Я увѣрилъ его. Онъ былъ въ отчаяніи и ходилъ по комнатѣ, тормоша свою прическу.

— Ахъ, Ѳеша! я сгубилъ! я, подлецъ, сгубилъ! Да еслибъ вы знали, обратился онъ къ вотчиму, — что это была за прелесть!.. Ахъ, Ѳеша! Вѣдь я отъ любви, отъ ревности!... Еслибъ я только зналъ... ахъ, Ѳеша!..

Корнетъ прослезился.

— Зачѣмъ она меня не любила? Сама виновата! Только полюби, или прикинься, вотъ и все пошло бы иначе...

ахъ, бѣдная, ахъ, милая дѣвочка! Да, нѣтъ, можетъ ли быть, чтобъ Ѳеша умерла?....

— А что Параша? спросилъ я.

— Знаете, сказалъ мнѣ корнетъ, — я не люблю ея, а не могу не уважать. Представьте, что въ то время, какъ я вылеталъ съ трескомъ и громомъ въ трубу, а моя супруга съ вѣдьмой матушкой, подобравъ бездѣлицу въ сто тысячъ, кромѣ вещей, отправились жить съ дѣтьми куда-то, только не со мною, Параша продала все, что̀ я ей дарилъ когда-то, приложила къ этому деньги своего жалованья, которое берегла и принесла мнѣ. Что такое? — спросилъ я ее. Возьмите, говоритъ, ваше добро... то есть надо такъ понимать:

Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь.

— Высокая черта! замѣтилъ я.

— Она и сама-то такая высокая. Я разумѣется денегъ этихъ не взялъ тогда, и уѣхалъ...

— А вы-то какъ были къ ней несправедливы!

— Да, я ужь васъ вспоминалъ не разъ. Сашка-то, представьте...

— Что такое?

— Вскорѣ послѣ васъ... Ну, какъ бы вы думали? Стоялъ у насъ полкъ. Ну, всѣ ко мнѣ — разливанное море, театры, все какъ слѣдуетъ...

— Бывало, перебилъ хозяинъ, — придетъ ему фантазія, чтобъ была иллюминація, а нѣтъ ни плошекъ, ни шкаликовъ, какъ быть? на горѣ видны мужицкія копны; зажжетъ копны, вотъ и иллюминація.

— Неужели? крикнулъ я.

— Было дѣло! отвѣчалъ корнетъ. — Впрочемъ послѣ, что стоилъ хлѣбъ мужикамъ, выплачивала вотчинная контора. Нѣтъ, я вамъ скажу про Сашу-то... Что вы думаете?..

Уланъ увлекъ ея вниманье!

Бѣжала, сударь вы мой, съ офицеромъ! А теперь здѣсь. Намедни иду, она въ коляскѣ развалилась, лошади какія! Смотрю на нее, не узнаетъ, бестія! А хороша, надо сказать, хороша! Куда ни шло, и теперь все бы забылъ, да денегъ нѣтъ. Такъ и быть, фунтъ бы изюму въ долгъ взялъ, благо лавочникъ-то такой чувствительный, изъ мѣщанъ, торговалъ когда-то въ Сережинѣ на базарѣ мужицкими галантерейностями, то есть бусами, лентами, тесемками, а вѣдь у меня и этого бралось бывало количество не малое, на всякій случай; иногда подвертывались премиленькія крестьяночки. Грѣшный человѣкъ любилъ и я:

Порой смуглянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй..

Хозяинъ захохоталъ и прибавилъ:

— И это человѣкъ женатый, семейный; это отецъ троихъ дѣтей...

— Что вы ихъ видѣли дѣтей-то моихъ?

— Какъ же, недавно. Всѣ здоровы.

— Здоровы? ну, и славу Богу! сказалъ корнетъ и перевернулся на каблукахъ.

— А что наши общіе знакомые, что Трезвонинъ? спросилъ я корнета.

— Все такой же:

Стоитъ какъ вербный херувимъ,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ.

— Ну, а Огородъ? продолжалъ я спрашивать.

— Женился.

— Не можетъ быть?

— На вдовѣ купчихѣ, на такой невыносимой болтуньѣ, что просто ужасъ. Она его обворожила тѣмъ, что онъ могъ молчать по цѣлымъ днямъ и слушать ея болтовню.

— А Агаѳонъ?

— Сошелъ съ ума окончательно, когда въ завѣтный день вскрытія таинственной коробочки, котораго ждалъ три года, онъ не нашелъ ничего. Украли сто тысячъ! крикнулъ онъ, и съ тѣхъ поръ пришелъ въ такой азартъ, что, нечего дѣлать:

Связали, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

— Ну-съ, обратился корнетъ къ вотчиму, — сядемъ мы съ вами въ картину?

— Опять! вскрикнулъ онъ и расхохотался. — Представьте, обратился онъ ко мнѣ: — дочери мои вздумали на дняхъ устроить домашнія живыя картины. Мои дочери дѣти, старшей только шестнадцать лѣтъ, а онъ требуетъ, чтобы, вдругъ, я съ нимъ сѣлъ въ картину. Давайте, говоритъ, представимъ Эдипа въ Аѳинахъ. Вы, говоритъ, будете Эдипъ, а я, пожалуй, говоритъ, буду Аѳины!

Хозяинъ покатился со смѣху. Корнету это было пріятно. Сколько я замѣтилъ, Отлетаевъ смѣшилъ своего вотчима не безъ разсчета.

— Однакожь, сказалъ корнетъ, — я пойду, пора! а то далеко, не успѣю вернуться къ обѣду. Вы безъ меня не обѣдайте.

— Нѣтъ, сказалъ хозяинъ.

— А вы гдѣ стоите? спросилъ меня корнетъ.

Я назвалъ гостинницу.

— Я къ вамъ прибѣгу, сказалъ мнѣ корнетъ.

— Очень радъ.

— До свиданія! сказалъ онъ и побѣжалъ къ двери, но тотчасъ же вернулся прибавя: — вотъ ужь въ новыхъ сапогахъ прибѣгу! быстро скрылся за дверью.

— Каковъ человѣкъ, сказалъ мнѣ хозяинъ. — И жалко и смѣшно. Я знаю его съ дѣтства, вѣдь я былъ женатъ на его матери. Онъ ее много огорчалъ и въ дѣтствѣ. Каково бы ей было, еслибъ она еще жила? Право, я даже не жалѣю, что Господь ее прибралъ. Все видно къ лучшему. Впрочемъ, ей вѣрно хорошо тамъ.

Хозяинъ поднялъ голубые глаза къ небу.

— Да, сказалъ я, — переходъ отъ такого богатства и къ такой, можно сказать, нищетѣ...

— Да еще какой нищетѣ: сапогъ нѣтъ. Ну, помилуйте, сколько ни давай, ничто въ прокъ нейдетъ! Я же не могу много, у меня семья большая. Сегодня вымолилъ пятнадцать цѣлковыхъ... далъ, нечего дѣлать.

— Жаль, замѣтилъ я.

— Не глупый малый вѣдь, продолжалъ Мальвининъ, — и таланты какіе: ни одной ноты не знаетъ, а сядетъ за рояль, заслушаешься. А какъ поетъ!

— Прекрасно, я слышалъ.

— Самоучкой. Пишетъ тоже...

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ я.

— Сатирическія стихотворенія, и очень хорошо. А комикъ какой! Удивительно!..

Вскорѣ разговоръ нашъ принялъ дѣловое направленіе, какъ вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и корнетъ вле-

тѣлъ въ кабинетъ, ведя на веревкѣ огромную и весьма кровную лягавую собаку.

— Посмотрите, обратился онъ къ намъ, указывая на собаку, — полюбуйтесь: складъ, анколюръ, лапы, а уши-то! что за прелесть! Ну не прелесть это?

— Хороша собака! сказалъ я.

— Трезоръ! лапу! сказалъ корнетъ.

Собака подала лапу.

— Другую.

Собака перемѣнила лапу . . .

— Экая прелесть какая! вскрикнулъ корнетъ, схватывая въ углу трость Треухина и держа ее на аршинъ отъ земли, сказалъ:

— Сотѐ, Трезоръ.

Собака перепрыгнула черезъ палку.

— Еще!

Собака еще разъ перепрыгнула. Корнетъ бросился въ кресло и крикнулъ:

— Служи, Трезоръ, служи!

Трезоръ поднялся на заднія лапы, а передними уперся въ спинку стула.

— Умри, Трезоръ! кричалъ корнетъ, вставая съ кресла.

Собака шлепнулась на полъ и не двигалась.

— Живи, Трезоръ!

Собака быстро вскочила на ноги.

— О! другъ ты мой! началъ корнетъ, обнимая шею Трезора и цѣлуя его голову: — еслибъ у меня былъ кусокъ хлѣба, я бы далъ тебѣ большую половину, но такъ какъ у меня нѣтъ куска хлѣба, то будемъ вмѣстѣ голодать и пока-

зывать свѣту штуки: ты, какъ прыгать, служить и прочее, а я, какъ весело сносить свое положеніе. Мнѣ нуженъ былъ другъ, и я нашелъ его. О мой Трезоръ!

— Откуда это, батюшка? спросилъ Мальвининъ.

— Нѣтъ, вы скажите: хороша ли собака?

— Хороша. А ты скажи, гдѣ досталъ?

— Нѣтъ, вы скажите, хороши она штуки дѣлаетъ?

— Хороши. Гдѣ ты ее подцѣпилъ?

— Хороша ли собака? обратился корнетъ ко мнѣ.

— Очень.

— Рѣдкая собака. Это другъ, это сокровище.

— Да гдѣ ты досталъ-то? спрашивалъ хозяинъ.

— Купилъ у собачника, вотъ за воротами. Я иду, а онъ на встрѣчу...

— Что далъ?

— Бездѣльницу! за этакую красоту...

— Однако?

— Я вамъ говорю бездѣлицу. .

— Да сколько?

— Пятнадцать...

— Цѣлковыхъ?... крикнулъ Мальвининъ, — Ну, а какъ же сапоги?.. и залился громкимъ смѣхомъ...

— На что мнѣ сапоги, когда я купилъ сокровище!

Хозяинъ продолжалъ хохотать, а корнетъ цѣловалъ Трезора...

